DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/pervyisbornik01unse

Освободительная Библіотека.

Первый Сборникъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Д. Перрисъ. Піонеры русской революціи. (Съ портретами.)
К. Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи.
Э. Бернштейнъ. Культъ Маркса и ревизіонизмъ.
А. Гессъ. Соціальная революція и экспропріація.
Н. Малишевскій. Роль соціалъ-демократіи въ русскомъ освободительномъ движеніи.
Ж. Жоресъ. Соціализмъ и всеобщая забастовка.
Э. Бернштейнъ. Революціи и Россія.

ИЗДАНІЕ В. Д. КАРЧАГИНА.
С.-Петербургъ—1906.

Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°).
С.-Петербургъ, Фонтанка, № 117.

947.08
P471

Д. Перрисъ.

ПІОНЕРЫ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

СЪ ПОРТРЕТАМИ.

Переводъ Л. Данилова, Л. Истомина и Т. Бронъ.

I. Пропагандисты, 1870—74. Воспоминанія Николая Чайковскаго.

Сознательное, тщательно подготовлявшееся ре-
волюціонное движеніе, направленное противъ го-
подствующей въ Россіи олигархіи, дѣятельно
поддержанное въ настоящее время рабочимъ клас-
омъ, за послѣднюю четверть вѣка поразительно
быстро прогрессировало, лучшимъ доказатель-
твомъ чему могутъ служить біографіи наибо-
лѣе передовыхъ и типичныхъ личностей, при-
нимавшихъ въ немъ участіе. Предлагаемое вни-
манію читателей изложеніе постепеннаго роста
русской революціи, полной драматическихъ мо-
ментовъ, въ формѣ бѣглаго очерка не можетъ,
разумѣется, претендовать на полноту и обстоя-
тельность, но оно зато даетъ возможность въ нѣ-
которыхъ отношеніяхъ сдѣлать болѣе правильную
цѣнку какъ внѣшней, такъ и внутренней пси-
ологической стороны движенія, чего трудно было
бы достигнуть, придавъ разсказу болѣе строгій и
сухой, чисто историческій характеръ.

Болѣе того, можно сказать, что такимъ обра-
зомъ лучше выясняются тѣ два фазиса развитія,
черезъ которые прошла русская революція. Эти
фазисы, по продолжительности почти одинаковые,
отдѣляются другъ отъ друга короткимъ періодомъ

революціонной усталости. Первый изъ нихъ, которому часто придаютъ крайне неточное и ошибочное названіе „Нигилизмъ“, продолжается приблизительно съ 1870 г. по 1885 г. и характеризуется главнымъ образомъ волненіями интеллигентной молодежи, хотя въ этихъ волненіяхъ участвуютъ иногда отдѣльные рабочіе, крестьяне и даже солдаты.

Второй періодъ начинается приблизительно съ 1890 г. и захватываетъ наши дни, при чемъ революціонное движеніе послѣднихъ мѣсяцевъ достигаетъ размѣровъ открытаго народнаго возстанія; этотъ періодъ не менѣе ясно отмѣченъ участіемъ рабочихъ массъ, поддерживаемыхъ значительно возросшей въ численности интеллигенціей а также аграрнымъ движеніемъ крестьянъ.

Первый изъ этихъ фазисовъ можетъ быть вновь подраздѣленъ на эпоху подготовительной работы миссіонерства и эпоху открытой, интенсивной борьбы съ самодержавіемъ, достигшей кульминаціоннаго пункта въ политическомъ терроризмѣ. Терроризмъ повлекъ за собою репрессіи со стороны правительства, которое рѣшило не останавливаться передъ самыми крайними мѣрами, чтобы задушить революціонныя организаціи.

Извѣстно, съ какими преувеличенными надеждами было встрѣчено освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; велико было разочарованіе утопистовъ, когда обнаружилась вся неполнота и недостаточность реформы, а реакціонныя дѣйствія, которыми отвѣчало обществу правительство еще болѣе распространили и усилили это разочарованіе. Усилившееся послѣ крымской

кампаніи освободительное теченіе среди интеллигенціи, возникшее на почвѣ западно-европейскихъ культурныхъ идеаловъ, встрѣтило оппозицію со стороны правительства. Законъ на минуту пошатнулся на своихъ слабыхъ ногахъ и потерялъ авторитетъ. Но полицейская власть слишкомъ широко раскинула повсюду свои щупальцы. Самъ святѣйшій синодъ въ рукахъ графа Дмитрія Толстого и Побѣдоносцева сдѣлался настоящимъ уголкомъ инквизиціи, грозой евреевъ и другихъ еретиковъ, какого бы рода и степени они ни были. Земства были доведены до полнаго безсилія, выборные мировые судьи уступили мѣсто полицейскимъ чиновникамъ, назначаемымъ отъ правительства. Торговля, промышленность, образованіе, — однимъ словомъ, все попало въ рамку нелѣпыхъ ограниченій. Впослѣдствіи, во время турецкой войны, обнаружились многочисленные случаи подкупности и продажности администраціи. Городскимъ рабочимъ, очутившимся лицомъ къ лицу съ кабальными условіями фабричной системы, было запрещено вступать въ какіе-либо союзы для защиты своихъ интересовъ. Не было ни одного уголка, ни одной щелки въ общественной и даже частной жизни, гдѣ бы не чувствовалась всепроникающая тяжесть административно-полицейскаго произвола.

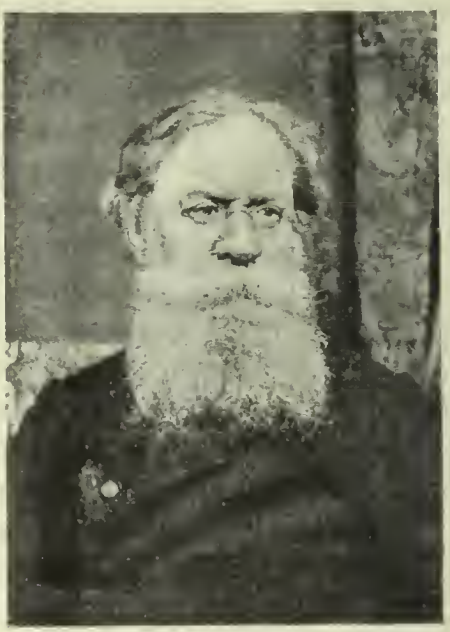
Много силъ, характера, энергіи потребовалось для того, чтобы рѣшиться осуществить на русской почвѣ первую, достойную этого имени, демократическую революцію. Сколько молодежи, мужской и женской, ушло въ народъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, завершившихъ эпоху освободи-

тельнаго движенія, послѣдовавшую за крымской кампаніей. Радикалы и революціонеры являлись во многихъ случаяхъ учителями этой молодежи. Даже поверхностному наблюдателю невольно бросается въ глаза глубокое различіе въ умственномъ складѣ двухъ поколѣній, смѣнившихъ другъ друга на общественной аренѣ: старшіе—идеалисты по природѣ, порядкомъ уже разочарованные дѣйствительностью, младшіе—энтузіасты, полные глубокой вѣры въ простой народъ, проникнутые убѣжденіемъ, что новѣйшія соціалистическія теоріи нѣмецкихъ и французскихъ мыслителей вполнѣ могутъ быть примѣнимы и въ Россіи. Разумѣется, безнадежный скептицизмъ рано или поздно являлся почти неизбѣжнымъ результатомъ того невыносимаго положенія, которое создавалось господствовавшимъ тогда „русско-византійскимъ" режимомъ. Ранній „нигилизмъ", какъ его описываетъ Тургеневъ, отличался смѣлостью, недовѣріемъ къ авторитетамъ и рѣзко выраженнымъ боевымъ настроеніемъ своихъ адептовъ, ревностно отстаивавшихъ свободу изслѣдованія и права личности. Нигилистъ, по словамъ друга Базарова („Отцы и дѣти"), не подчиняется никакому вліянію и не принимаетъ на вѣру ни малѣйшаго принципа, какъ бы высоко ни стоялъ онъ въ глазахъ толпы. Базаровъ рѣшительно возстаетъ противъ искусства и вообще всякой отвлеченности, какъ философской, такъ и романтической; онъ—заклятый врагъ аристократіи и бюрократіи. Въ концѣ-концовъ этотъ стоикъ воспитанный на бюхнеровской „Stoff und Kraft", падаетъ жертвой своей страсти къ наукѣ, заразившись трупнымъ ядомъ во время вскрытія. Но и

умирая, онъ остается вѣренъ себѣ. Въ знаменитомъ романѣ Чернышевскаго: „Что дѣлать“?, написанномъ въ тюрьмѣ въ 1863 г., также дается не мало весьма цѣнныхъ свѣдѣній о „etat d'âme“ (состояніи души) русской учащейся молодежи того времени, какъ мужской, такъ и женской; эта молодежь, называвшая себя „новымъ поколѣніемъ“, несмотря на самыя неблагопріятныя условія дѣятельно принялась проводить въ жизнь начала „новаго будущаго“. Въ основѣ ея убѣжденій лежали въ сущности чисто-эгоистическія начала индивидуализма, но въ той страстности, съ какой говорилось тогда о несправедливости общественныхъ отношеній, о честности, добрѣ и особенно о необходимости эмансипаціи женщинъ, было что-то болѣе теплое, человѣчное, чѣмъ въ суровой, хотя и трогательной фигурѣ Базарова, этого Измаила девятнадцатаго столѣтія. Излюбленными и преобладающими темами тогда были: экономическіе вопросы, необходимость широкаго распространенія въ народѣ образованія, обязанность привилегированныхъ классовъ, этихъ любимцевъ судьбы, посвящать себя развитію пробуждающагося народнаго самосознанія. Что же касается собственно политической программы, то „пропагандисты“ занялись ею лишь послѣ того, какъ ихъ невинная просвѣтительная дѣятельность встрѣтила препятствія и репрессіи со стороны правительства. Мало-по-малу отвлеченный идеалистическій радикализмъ смѣнился самоотверженнымъ соціалистическимъ миссіонерствамъ, конспиративной пропагандой съ требованіями свободы слова, печати и общественнаго равенства; къ этому присоединя-

лись еще требованія защиты личности отъ полицейско-административнаго „воздѣйствія“, отмѣны административной ссылки, а также скорѣйшаго созыва народныхъ представителей.

Я уже упоминалъ о Чернышевскомъ; но кромѣ него у пропагандистовъ былъ еще одинъ учитель,



П. Лавровъ.

мало, можетъ быть, извѣстный въ Европѣ, но тѣмъ не менѣе сильно повліявшій на русское революціонное движеніе, въ которомъ онъ объединилъ идеи обоихъ поколѣній. Это—Петръ Лавровичъ Лавровъ (род. 1823 г. въ Мелеховѣ, Псковской губерніи, ум. въ февралѣ 1900 г. въ Парижѣ). Личность Лаврова, подобно личности Льва Тол-

стого, какъ бы воплощаетъ въ себѣ цѣлый періодъ въ умственной жизни русской интеллигенціи. Лавровъ былъ полковникомъ артиллерійской службы и преподавалъ математику въ петербургскомъ артиллерійскомъ училищѣ; кромѣ того, онъ принималъ дѣятельное участіе въ земскихъ и городскихъ дѣлахъ вплоть до извѣстнаго покушенія Каракозова на императора Александра II (апрѣль, 1866 г.). Въ отвѣтъ на это покушеніе со стороны правительства послѣдовалъ рядъ чисто драконовскихъ мѣръ, въ проведеніи которыхъ ближайшее участіе принималъ облеченный диктаторскою властью Муравьевъ-Вѣшатель, спеціально для этого вызванный въ Петербургъ изъ Вильны, гдѣ онъ занималъ постъ генералъ-губернатора. Вмѣстѣ съ другими радикалами былъ арестованъ и Лавровъ, въ квартирѣ котораго нашли письма и стихотворенія, признанныя подозрительными. Девять мѣсяцевъ суроваго заключенія провелъ онъ въ петербургской военной тюрьмѣ, въ которой запрещались всякія прогулки на свѣжемъ воздухѣ; даже самое зданіе тюрьмы Лаврову пришлось видѣть только три или четыре раза, когда его подъ конвоемъ отправляли въ Петропавловскую крѣпость для предварительнаго допроса въ слѣдственной комиссіи. Какъ онъ самъ говорилъ мнѣ впослѣдствіи, ему было позволено видѣться лишь съ матерью да съ маленькою дочерью, и то въ присутствіи петербургскаго военнаго губернатора. Лаврову ни разу ни съ кѣмъ не было дано очной ставки, его даже не обвиняли въ участіи въ политическомъ заговорѣ; тѣмъ не менѣе онъ былъ признанъ виновнымъ въ распространеніи „пагуб-

ныхъ идей“ и сочувственномъ отношеніи къ лицамъ съ преступными убѣжденіями. За это онъ былъ приговоренъ къ долговременной административной ссылкѣ, но не въ Сибирь, какъ ошибочно утверждали нѣкоторые, а въ вологодскую губернію. Три года провелъ онъ въ разныхъ мѣстахъ этой губерніи. Въ 1870 г. съ помощью ловкаго и смѣлаго революціонера Лопатина ему удалось бѣжать въ Петербургъ; послѣ кратковременнаго пребыванія отчасти тамъ, отчасти въ деревнѣ, при чемъ ему, конечно, приходилось тщательно скрываться отъ полиціи, онъ досталъ подложный паспортъ на имя доктора Веймара (замѣшаннаго впослѣдствіи въ политическомъ процессѣ и умершаго въ Сибири) и благополучно переѣхалъ черезъ границу. Лавровъ ни въ какомъ случаѣ не былъ активнымъ революціонеромъ, стоявшимъ за баррикады; онъ самъ нѣсколько лѣтъ спустя говорилъ мнѣ, что ему ровно ничего не было извѣстно о проектахъ Чернышевскаго и, по правдѣ, даже не вѣрилось, чтобы у того были серьезные планы революціонной дѣятельности. Благополучно избѣгнувъ когтей русской полиціи, Лавровъ поселился въ Парижѣ, гдѣ и провелъ большую часть своей жизни, исключая только 1874—77 гг., когда онъ находился во главѣ русскаго соціалистическаго журнала „Впередъ“, выходившаго сначала въ Цюрихѣ, а потомъ въ Лондонѣ; въ 1882 г. Лавровъ былъ высланъ изъ Франціи за напечатаніе прокламаціи, вышедшей съ именемъ его и Вѣры Засуличъ, содержавшей въ себѣ воззваніе къ европейскому обществу съ приглашеніемъ оказать помощь русскимъ революціонерамъ, какъ на-

ходящимся подъ слѣдствіемъ, такъ и томящимся по тюрьмамъ и въ ссылкѣ. Все это время онъ былъ занятъ также многочисленными антропологическими изслѣдованіями. Главными изъ раннихъ произведеній Лаврова являются: „Историческія письма“ (одна глава которыхъ „О прогрессѣ“ была напечатана по-французски подъ названіемъ „Le devenir social“), сдѣлавшія его извѣстнымъ всей интеллигентной Россіи, и объемистая „Исторія мысли“. Въ 1882 г. онъ примкнулъ къ партіи „Народной Воли“ и сдѣлался однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ и редакторовъ „Вѣстника Народной Воли“. По своей политической программѣ, какъ соціалистъ-пропагандистъ, онъ стоялъ между анархистами, послѣдователями Бакунина, и чисто политическими революціонерами.

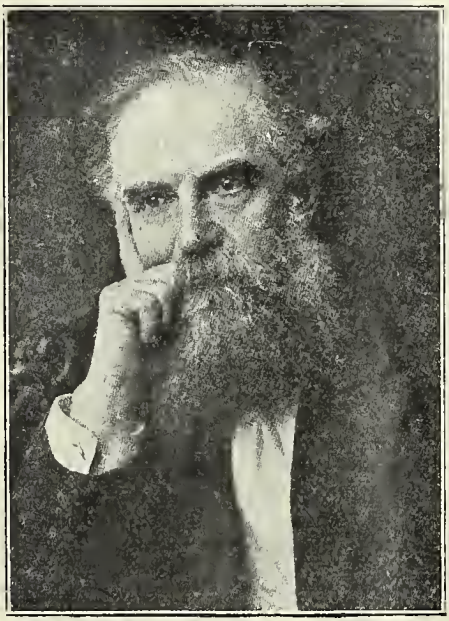
Года за четыре до его смерти я посѣтилъ этого „великаго старца“ русскаго революціоннаго движенія, жившаго на улицѣ St. Jaques въ крохотной каморкѣ, ютившейся гдѣ-то высоко, чуть не подъ небесами, и сверху донизу заваленной книгами.

Свѣжій южный вѣтеръ Сены, проносившійся надъ рыбачьими лодками Латинскаго квартала, и шаговъ десять по залитому солнцемъ двору привели меня къ убогой лѣстницѣ въ мансарду Лаврова. Въ первый разъ встрѣтилъ я русскаго революціонера, благополучно достигшаго здоровой, бодрой и спокойной старости. Послѣ тридцати лѣтъ, проведенныхъ въ изгнаніи, онъ не только остался вѣренъ своимъ прежнимъ идеаламъ, но и продолжалъ неутомимо работать для ихъ распространенія. Странно, что Лаврова такъ мало знали въ Англіи. Правда, онъ пробылъ тамъ очень ко-

роткое время и впослѣдствіи почти совершенно утратилъ то небольшое знаніе языка, которое ему удалось было пріобрѣсти. Кромѣ того, его какъ бы оттѣснило на задній планъ молодое поколѣніе— поколѣніе Степняка, Кропоткина, Волховскаго, Чайковскаго и др., быстро снискавшихъ себѣ огромную популярность. Лавровъ, переживший многихъ изъ своихъ учениковъ и приближавшійся уже къ срединѣ жизненнаго пути, когда только что началась ослѣпительно блестящая революціонная карьера Степняка, пользовался тѣмъ не менѣе огромнымъ уваженіемъ у своихъ земляковъ-ссыльныхъ.

Обычное представленіе о томъ крестовомъ походѣ противъ самодержавія, который предприняли пропагандисты, открывающіе собою длинный рядъ борцовъ за народную свободу, настолько ошибочно и невѣрно, что я нахожу необходимымъ прибѣгнуть къ непосредственному свидѣтельству лицъ, оставшихся еще въ живыхъ и принимавшихъ въ немъ дѣятельное участіе, чтобы лучше выяснить причины и общій ходъ этого перваго, изобилующаго драматическими моментами, фазиса русской революціи. Я счастливъ, что могу привести здѣсь подлинныя воспоминанія Николая Чайковскаго, руководителя группъ народныхъ миссіонеровъ, давшаго свое имя самой главной изъ нихъ. Чайковскій въ теченіе двадцати лѣтъ былъ распорядителемъ фонда „Русской свободной прессы“ и считался однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ ветерановъ между политическими изгнанниками въ Лондонѣ. „Мои воспоминанія“, — говоритъ Чайковскій, — восходятъ къ первымъ годамъ освободительной эпохи. Когда я былъ еще мальчикомъ,

мой отецъ, чиновникъ въ отставкѣ, переѣхалъ въ имѣніе моей матери, находившееся въ вятской губерніи. Какъ мальчикъ, я былъ свой человѣкъ съ крестьянами вообще, а съ деревенскими ребятишками въ особенности: они запросто называли меня „Колей“. Во времена крѣпостничества такая фамильярность, крайне пріятная для меня, была



Н. Чайковскій.

совершенно необычнымъ явленіемъ. Помню я немного крымскую кампанію, тревогу о положеніи Севастополя, возбужденіе мѣстнаго общества, вызванное слухами о неудовлетворительности нашихъ госпиталей, призывъ добровольцевъ и наконецъ взрывъ патріотизма чиновничьихъ и даже нечиновничьихъ круговъ; но я былъ еще слишкомъ

малъ тогда, чтобы вполнѣ понимать все это. Сдѣлавшись старше, я вполнѣ подпалъ подъ вліяніе матери, очень религіозной и набожной женщины. Она дала мнѣ элементарныя понятія о русскомъ языкѣ, ариѳметикѣ и евангеліи, предоставивъ въ то же время полную свободу во всемъ остальномъ. Крестьянская жизнь своей примитивной поэтической стороной настолько плѣняла меня, что когда въ 1862 г. я долженъ былъ оставить домъ и ѣхать учиться, я чувствовалъ, что лишаюсь самыхъ дорогихъ и жизненныхъ связей. Училище, куда я поступилъ, находилось въ Вяткѣ, верстахъ въ 400 отъ нашего дома. Жизнь у дальнихъ родственниковъ не могла особенно интересовать меня, такъ же какъ и самое ученіе, продолжавшееся два года. Каждое лѣто я ѣздилъ домой на три-четыре мѣсяца каникулъ. Эти лѣтнія вакаціи являются для меня самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ.

Въ 1864 г. я поѣхалъ вмѣстѣ со старшимъ братомъ въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ университетъ, а я—въ седьмую классическую гимназію, считавшуюся тогда лучшей изъ вновь открытыхъ. Здѣсь мнѣ снова придется вернуться ко временамъ освобожденія крестьянъ. За два или за три года до этого у насъ появлялись таинственные „бунтари“, сообщая крестьянамъ о волѣ, которую тѣ должны были скоро получить. Подъемъ духа, вѣяніе свободы замѣчались какъ у крѣпостныхъ, такъ и у дворовыхъ и прислуги. Помню я одинъ или два случая, когда нѣкоторые изъ крестьянъ бѣжали въ порывѣ страстнаго желанія свободной жизни. Недѣли по

двѣ прятались они въ окрестныхъ лѣсахъ, а по возвращеніи обратно ихъ безпощадно сѣкли и угрожали отдать въ солдаты, что считалось тогда наиболѣе тяжелымъ наказаніемъ. Нѣкоторые, казалось иногда, хотѣли сказать: „Подожди немного, мальчикъ! Недолго вашему брату надъ нами господствовать: скоро и мы будемъ свободны, а вы дѣлайте тогда уже все сами“. Когда были получены несомнѣнныя вѣсти объ освобожденіи крестьянъ, я былъ страшно радъ за своихъ давнишнихъ друзей. Никогда не забуду я тѣ вопли и стоны, которые чуть не на каждомъ шагу приходилось мнѣ слышать въ нашей деревнѣ, когда кого-нибудь сѣкли за неуплату оброка или т. п. провинности, а отецъ хладнокровно объяснялъ мнѣ всю необходимость такого наказанія и удивлялся моему возмущенію и негодованію. Хорошо помню я также торжественное чтеніе манифеста объ освобожденіи крестьянъ, происходившее въ присутствіи сельскаго старосты, отца и разныхъ мѣстныхъ властей. Всѣ они казались подавленными важностью событія и въ то же время страшно смущенными и растерянными. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось слышать о крестьянскихъ безпорядкахъ, вызванныхъ насильственными мѣрами по уплатѣ поземельныхъ выкупныхъ платежей. Проникнутые убѣжденіемъ, что земля должна принадлежать имъ, крестьяне почти повсемѣстно ожидали вмѣстѣ съ личной свободой и земельныхъ надѣловъ. Велико было ихъ изумленіе и разочарованіе, когда они увидали, что манифестъ представляетъ изъ себя нѣчто другое. Крестьяне никакъ не могли привыкнуть къ этому

и до сихъ поръ твердо держатся своего прежняго убѣжденія, что рано или поздно вся земля будетъ принадлежать народу.

Во время моихъ гимназическихъ годовъ я жилъ вмѣстѣ съ братомъ и постоянно сталкивался съ его друзьями и товарищами по университету. Особенно выдавался между ними одинъ очень типичный и талантливый семинаристъ, окончившій духовную академію и посланный за границу для изученія философіи. Пробывъ два или три года въ Германіи, онъ сдѣлался философомъ-бунтаремъ, подверженнымъ время отъ времени приступамъ тоски и отчаянія, отъ которыхъ онъ искалъ спасенія въ винѣ. Всѣ эти слабости не уменьшали однако его привлекательности; особенно бывалъ онъ хорошъ, когда взволнованный принимался громить молодежь за ея легкомысленное и недостаточно серьезное отношеніе къ наукѣ, а также за незнакомство съ философіей. На меня онъ имѣлъ огромное вліяніе: между прочимъ по его же совѣту братъ далъ мнѣ философію Огюста Конта, Д.- С. Милля и Льюиса. Мнѣ было всего четырнадцать лѣтъ, когда я принялся за изученіе этихъ драгоцѣнныхъ книгъ, тѣмъ не менѣе я былъ такъ увлеченъ ими, что, сидя въ школѣ, только и думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе вернуться домой и погрузиться въ чтеніе. Чѣмъ болѣе я успѣвалъ въ философіи, тѣмъ болѣе она меня захватывала. Непрерывный умственный трудъ, поглощавшій все мое время, въ концѣ-концовъ порядкомъ-таки изнурилъ меня. Однажды утромъ послѣ такого чтенія меня нашли на полу безъ чувствъ.

Я уже говорилъ, что седьмая гимназія считалась лучшей въ Петербургѣ. Преподаватели естественныхъ наукъ и исторіи были положительно талантливые люди, пріобрѣвшіе надъ нами большое вліяніе, въ особенности первый, отличавшійся необыкновенною добросовѣстностью и любезностью по отношенію къ ученикамъ. Мы часто запросто приходили къ нему по вечерамъ на квартиру, помѣщавшуюся въ зданіи гимназіи, гдѣ вели нескончаемыя бесѣды о будущемъ, объ обязанностяхъ гражданина, о значеніи общественной и научной работы и т. д. Внушая намъ любовь къ наукѣ, онъ постоянно предостерегалъ насъ отъ поверхностнаго отношенія къ какому бы то ни было занятію. Съ нимъ мы часто предпринимали небольшія ботаническія экскурсіи въ окрестностяхъ города. Учителю исторіи мы обязаны тѣмъ, что онъ сумѣлъ внушить намъ любовь къ систематическимъ занятіямъ, а также научилъ насъ извлекать основныя идеи изъ прочитанныхъ книгъ. Литературу преподавалъ намъ также очень хорошій учитель, смотрѣвшій на свой предметъ, какъ на исторію развитія національныхъ особенностей, воплощенныхъ великими писателями страны въ драматическихъ сценахъ и образахъ. Съ нимъ мы изучали Пушкина, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Толстого и другихъ „легальныхъ“ писателей; кромѣ того, онъ познакомилъ насъ съ критиками и публицистами, въ родѣ Писарева, Добролюбова, Чернышевскаго и др. Не будучи педантомъ, онъ старался вскрыть главнымъ образомъ основную идею изучаемаго автора; такъ, напримѣръ, читая „Мертвыя души“, мы прекрасно по-

нимали все значеніе сатиры на дореформенное русское общество, вылившейся изъ-подъ пера Гоголя подъ вліяніемъ страстнаго стремленія къ лучшему будущему. На своихъ урокахъ онъ давалъ намъ не только знаніе общихъ фактовъ изъ исторіи литературы, но и анализъ основныхъ идей а также оцѣнку дѣйствующихъ лицъ и техническихъ совершенствъ даннаго произведенія. Естественнымъ результатомъ нашихъ занятій было стремленіе вырваться изъ оковъ и требованій господствующей рутины, устроить свою жизнь такъ, чтобы она имѣла реальное содержаніе, далекое отъ прежней псевдоромантической мечтательности. Гимназіи же обязанъ я и первыми элементами сознательной революціонности: началось это съ нашихъ занятій французской революціей. Помню я, какъ однажды, прочтя книжку Минье, я такъ картинно разсказалъ исторію великой революціи, что и учитель и ученики въ продолженіе чуть не получаса были совершенно очарованы; послѣ же окончанія урока многіе изъ моихъ товарищей подходили ко мнѣ, пожимали руку и поздравляли. Это было первымъ актомъ моей пропаганды; одинъ изъ моихъ товарищей впослѣдствіи выдвинулся, какъ крупный революціонный дѣятель, игравшій видную роль въ недавнихъ событіяхъ.

Въ 1868 г., кончивъ гимназію съ золотою медалью, я поступилъ въ петербургскій университетъ на естественное отдѣленіе математическаго факультета. Тамъ я снова попалъ въ кругъ моихъ прежнихъ школьныхъ товарищей, и мы вмѣстѣ стали заниматься чтеніемъ и обсужденіемъ „Опытовъ“ Герберта Спенсера, посвящая этому

двѣ или три ночи въ недѣлю. Этимъ начался новый періодъ моей жизни. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего поступленія въ университетъ я былъ выбранъ курсомъ для раздачи неимущимъ товарищамъ вещей и денегъ, пожертвованныхъ для этого филантропическимъ обществомъ. Это было первымъ моимъ дебютомъ на общественной аренѣ. Многихъ изъ студентовъ я нашелъ въ самомъ ужасномъ положеніи: нѣкоторые изъ нихъ не имѣли возможности посѣщать лекцій по недостатку денегъ, хотя формально и числились студентами. Намъ все еще не разрѣшали имѣть постоянный фондъ для помощи въ подобныхъ случаяхъ. На Рождествѣ того же года произошли студенческіе безпорядки въ университетѣ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Посѣщеніе студенческихъ митинговъ считалось тогда обязательнымъ для всѣхъ работавшихъ на общественной аренѣ; я, напримѣръ, пропустилъ только одинъ, хотя ихъ бывало по два и по три въ день въ разныхъ частяхъ города. Студенческое движеніе явилось результатомъ всегдашняго стремленія студенчества къ активному участію въ общественной жизни, что ранѣе выливалось въ форму „кружковщины“. Добиваясь учрежденія постояннаго фонда для поддержанія студенческой библіотеки и столовой, мы тѣмъ самымъ въ сущности требовали признанія за нами права на устройство митинговъ, въ чемъ намъ упорно отказывали. Во время этихъ сходокъ нѣкоторые ораторы, какъ, напримѣръ, С. Г. Нечаевъ, доказывали всю недостаточность нашихъ требованій и вообще тщетность всякихъ попытокъ отстоять

свободу и права студенчества безъ измѣненія общихъ политическихъ условій Россіи. Скоро, приблизительно съ 1869 г., мы всѣ уже стали понимать истинное мѣсто университета въ общей политической жизни страны. Власти пока мало обращали вниманія на это возбужденіе. Но послѣ Рождества университетское начальство рѣшило заставить всѣхъ, принимавшихъ участіе въ митингахъ, письменно дать торжественное обѣщаніе безпрекословно повиноваться впредь университетскимъ постановленіямъ. Нечаевъ и его послѣдователи предпочли оставить университетъ. Что же касается меня, то я подписалъ требуемое обѣщаніе, хотя не безъ раздумья и колебаній. Мы находили себѣ оправданіе въ твердомъ рѣшеніи употребить свои университетскіе годы на тщательную подготовку себя къ безпощадной борьбѣ противъ правительства во имя коренныхъ общественныхъ и политическихъ реформъ. Съ этого момента и до послѣднихъ дней моего пребыванія въ Петербургѣ все мое время уходило или на чтеніе по общественнымъ и политическимъ вопросамъ, что считалось особенно необходимымъ для будущаго революціонера, или же на организацію тѣсно сплоченныхъ между собою кружковъ, занимавшихся пропагандой. Первый шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ мною въ первый же годъ моей университетской жизни, когда мы организовали школы для дѣтей бѣдныхъ ремесленниковъ, лишенныхъ возможности посѣщать обыкновенныя училища. Здѣсь я впервые познакомился съ Софьей Перовской, которой тогда было лѣтъ шестнадцать, и г-жею Корба, урожденной Мейнгардтъ

(послѣдней тоже едва ли исполнилось двадцать лѣтъ; кажется, она еще жива и находится въ восточной Сибири). Ведя занятія въ нашей школѣ, мы все болѣе и болѣе увлекались различными общественными вопросами, какъ-то: положеніемъ народнаго образованія, дѣятельностью земствъ, исторіей революціоннаго движенія и т. д. Параллельно съ нашей кружковой работой крѣпло и развивалось другое, болѣе серьезное теченіе. Послѣ студенческихъ волненій Нечаевъ, принимавшій въ нихъ дѣятельное участіе, рѣшилъ привлечь насъ къ своему заговору. Намъ однако не понравились ни его планы, ни способъ дѣйствія, отталкивавшій своимъ принудительнымъ характеромъ и іезуитизмомъ. Въ дальнѣйшей нашей дѣятельности мы всегда противопоставляли заговоръ Нечаева нашимъ пріемамъ борьбы, такъ какъ нашъ кружокъ былъ организованъ на началахъ абсолютной свободы и сознательности, основанной на самомъ широкомъ ознакомленіи съ существующимъ положеніемъ дѣлъ.

Весною 1869 г. въ Петербургѣ у насъ образовался кружокъ болѣе серьезнаго характера, состоявшій изъ пяти лицъ: Сердюкова, хорошо извѣстнаго, какъ одного изъ первыхъ пропагандистовъ среди рабочихъ, Марка Натансона, человѣка съ сильнымъ и властнымъ характеромъ, Александрова—всѣ трое были студентами медицинскаго факультета и завѣдывали студенческой библіотекой,—меня и еще одного студента техника, впослѣдствіи бросившаго это движеніе. Таковъ былъ первоначальный составъ, основное ядро нашего кружка, сдѣлавшагося извѣстнымъ подъ

именемъ кружка „Чайковцевъ“: вскорѣ къ намъ присоединился женскій кружокъ Корниловой, Перовской, Ободовской и другихъ слушательницъ высшихъ курсовъ. Нашею цѣлью являлось объединеніе всѣхъ передовыхъ элементовъ студенчества, сначала въ Петербургѣ, а потомъ по всей Россіи, послѣ чего предполагалось начать самую дѣятельную пропаганду среди крестьянъ и рабочихъ съ цѣлью постепеннаго подготовленія почвы для революціи. Да, мы съ самаго начала были глубоко убѣждены, что главной нашей задачей является подготовка революціонныхъ кадровъ, созданіе „народной интеллигенціи“. Другіе кружки, преслѣдовавшіе приблизительно одинаковыя съ нами цѣли, какъ, напримѣръ, Долгушинскій, существовали сравнительно недолго. Долгушинъ, одинъ изъ послѣдователей Нечаева, былъ одновременно съ нимъ заключенъ въ тюрьму и по освобожденіи оттуда образовалъ кружокъ, закрывшійся послѣ выпуска нѣсколькихъ прокламацій: главные члены его умерли или въ центральныхъ тюрьмахъ или въ Сибири. Одинъ изъ моихъ гимназическихъ товарищей принадлежалъ къ числу лицъ, наиболѣе близкихъ къ Долгушину.

Непосредственной задачей нашей являлось созданіе въ разныхъ мѣстахъ страны цѣлой сѣти небольшихъ кружковъ для самообразованія и снабженія книгами и извѣстіями изъ Москвы и Петербурга. Мы очень заботились о поддержаніи связи между членами кружка и ихъ домами и земляками, такъ какъ это часто приносило весьма существенную пользу дѣлу. Въ Россіи, въ особенности же между студентами и рабочими, въ

большомъ ходу артельное хозяйство, выливающееся въ форму землячествъ, на почвѣ которыхъ мы и стали оперировать. Посредствомъ этихъ землячествъ наши кружки могли очень удобно сноситься съ находившимися пока еще въ зачаточномъ состояніи провинціальными подгруппами, которыя мы за полцѣны и въ кредитъ снабжали новыми книгами, какъ оригинальными, такъ и переводными. Двое изъ насъ завѣдывали студенческой библіотекой военно-медицинской академіи, такъ что намъ легко было дѣйствовать въ этомъ направленіи. Этотъ способъ постояннаго общенія между собою наиболѣе интеллигентныхъ и энергичныхъ элементовъ русскаго народа мы считали самымъ вѣрнымъ и практичнымъ. И дѣйствительно, это была наиболѣе крупная организація изъ всѣхъ, существовавшихъ до нея въ Россіи, во многомъ подготовившая почву для дальнѣйшаго развитія русскаго революціоннаго движенія. Систематическое осуществленіе заранѣе выработанной программы привело прежде всего къ организаціи тайныхъ студенческихъ кружковъ, послѣ чего на первый планъ выдвинулась пропаганда въ провинціи. Хорошую службу сослужило намъ въ этомъ отношеніи то обстоятельство, что русскіе студенты лѣтомъ обыкновенно или разъѣзжаются по гостямъ, или берутъ уроки въ частныхъ домахъ, или же, если у нихъ состоятельные родители, отправляются домой, въ деревню, гдѣ весело проводятъ время, дѣля его между удовольствіями и спортомъ. Мы, разумѣется, всячески возставали противъ этого, доказывая, что мы—дѣти несчастнаго, замученнаго народа, воспитываемыя на

деньги, добытыя потомъ и кровью крестьянъ и рабочихъ, не имѣемъ права тратить время на личныя удовольствія, такъ какъ на каждомъ изъ насъ лежитъ священная обязанность — по мѣрѣ силъ содѣйствовать освободительному движенію. Благодаря такимъ увѣщаніямъ, мы мало-по-малу собрали человѣкъ двадцать студентовъ и курсистокъ, которые рѣшили нанять въ окрестностяхъ города большую дачу и поселиться тамъ на товарищескихъ началахъ: мужчины на одной половинѣ дома, женщины на другой. Сообща мы выработали планъ совмѣстнаго чтенія избранныхъ книгъ по политической экономіи и психологіи, сначала отдѣльно прочитывая ихъ, а потомъ подвергая детальному обсужденію въ общей залѣ нашего скромнаго table-d'hôte. Съ энтузіазмомъ вырабатывали мы руководящіе идеи и планы нашей будущей дѣятельности: взаимное довѣріе было основой нашего братства, и нерѣдко случалось, что узы товарищества, завязавшіяся такимъ образомъ, сохранялись до самой смерти. Нашъ кружокъ являлся чѣмъ-то бо́льшимъ, нежели обыкновенная организація политическихъ заговорщиковъ, такъ какъ здѣсь были узы дѣйствительнаго братства, подвергавшіяся въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ всевозможнымъ испытаніямъ. Болѣе крупныя организаціи, возникшія въ позднѣйшій періодъ русскаго революціоннаго движенія, никогда не могли похвастаться такою сплоченностью, какъ нашъ кружокъ, ядро идеалистовъ-піонеровъ, съ первыхъ же дней своей общественной дѣятельности рѣшившихъ посвятить себя освобожденію страны отъ политическаго и экономическаго рабства.

Между тѣмъ кружокъ нашъ сильно возрасталъ въ численности. Изъ лицъ, игравшихъ важную роль въ послѣдующемъ періодѣ революціоннаго движенія, можно назвать Сергѣя Кравчинскаго *(Степнякъ)*, Софью Перовскую, Дмитрія Клеменсъ, Феликса Волховскаго, Леонида Шишко, Германа Лопатина, Н. Чарушина, С. Клячко, С. Синегуба, трехъ сестеръ В., А. и Л. Корниловыхъ, Ободовскую, Петра Кропоткина, М. Купріанова, Ф. Лермонтова и Л. Тихомірова.

Къ концу 1872 г. у насъ уже имѣлась небольшая армія мужской и женской интеллигентной молодежи, разсѣянной болѣе или менѣе значительными группами не только въ обѣихъ столицахъ, но и въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Тулѣ, Орлѣ, Вяткѣ, Перми, Саратовѣ, Самарѣ, Ростовѣ, Вильнѣ, Минскѣ и другихъ городахъ Россіи. Изъ книгъ мы главнымъ образомъ распространяли Лассаля, являвшагося однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей нѣмецкаго соціализма; позже появился Марксъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Лавровъ, Флеровскій, Луи Бланъ („Право на трудъ“ и „Революція 1848 г.“), Робертъ Оуэнъ, Дарвинъ, Гербертъ Спенсеръ („Опыты“, „Основы психологіи“, „Основы біологіи“), а также рядъ очерковъ по исторіи рабочаго движенія въ Англіи и въ другихъ странахъ. Кромѣ того, мы выпускали брошюры и спеціально для рабочихъ; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, „Хитрая механика“, впослѣдствіи неоднократно переиздавались; выпущенъ былъ также вольный переводъ извѣстной „Исторіи французскаго крестьянина“ Эркманъ-Шатріана, „Исторія пугачевскаго бунта“, сборникъ революціонныхъ пѣсенъ и др.

Мой первый арестъ, которому я подвергся весною 1871 г., также находился въ связи съ нашей книгоиздательской дѣятельностью. Одинъ изъ членовъ нашего кружка былъ посланъ за границу для того, чтобы завести въ Швейцаріи постоянную типографію, которая тайно снабжала бы насъ необходимой литературой; мы словно предвидѣли, что наша цензура скоро приметъ рядъ строгихъ мѣръ, чтобы пріостановить большую часть тѣхъ книгъ, которыя мы пускали въ обращеніе. Письмо этого товарища ко мнѣ было перехвачено, и меня арестовали въ нашемъ лѣтнемъ лагерѣ, о которомъ я уже упоминалъ выше. Полиція и жандармы, явившіеся арестовать важнаго политическаго преступника, были очень удивлены, найдя меня въ обществѣ человѣкъ двадцати мужчинъ и женщинъ; на нихъ тоже, разумѣется, обратили вниманіе, записали фамиліи и проч. Что же касается меня, то я былъ посаженъ въ полицейскую тюрьму у Цѣпного моста, въ отдѣленіе для политическихъ преступниковъ—„Третье отдѣленіе“, какъ оно называлось въ то время. Тамъ я пробылъ три мѣсяца. Въ эту тюрьму сажали на испытаніе подозрѣваемыхъ въ политическихъ и религіозныхъ преступленіяхъ. Здѣсь я впервые узналъ пытку ничегонедѣланія въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ въ сутки, тягость непрерывнаго надзора со стороны сторожей, то и дѣло заглядывающихъ въ небольшое окошечко въ дверяхъ камеры, называемое „іудой“, нервное возбужденіе одиночнаго заключенія и восторгъ при полученіи первой записочки отъ товарищей на свободѣ, переданной тайкомъ черезъ подкупленнаго тюремщика.

Нечего и говорить, что немедленно по освобожденіи я отправился къ своимъ товарищамъ съ намѣреніемъ неуклонно продолжать прежнюю работу. Мой второй арестъ, послѣдовавшій приблизительно черезъ годъ, былъ вызванъ подозрѣніемъ, что я въ революціонныхъ цѣляхъ организую студенчество всѣхъ университетскихъ городовъ Россіи. Въ это время я уже усвоилъ себѣ обыкновеніе тщательно обыскивать передъ сномъ свою комнату, чтобы прятать всѣ имѣвшіеся при мнѣ подозрительныя бумаги, записки, адреса и т. д. Поэтому, когда ночью явилась полиція съ обыскомъ, она ничего не нашла, кромѣ записки о студенческомъ совѣтѣ, написанной кѣмъ-то изъ моихъ друзей и безъ моего вѣдома въ мое отсутствіе оставленной у меня въ комнатѣ. Жандармы всѣми силами старались уличить меня въ авторствѣ этой записки, но безуспѣшно; въ концѣ-концовъ, хотя и неохотно, они освободили меня за недостаткомъ уликъ, твердо убѣжденные однако въ моей политической „неблагонадежности". Узнавъ впослѣдствіи, что мой арестъ отнюдь не явился случайнымъ, я рѣшилъ скрыться „въ подполье", т.-е. жить по фальшивому паспорту, а то и вовсе безъ него. Тогда-то я снова вернулся въ провинцію.

Революціонные „кадры" были совершенно готовы и только искали поля сраженія, чтобы примѣнить свои силы. Молодежь уже не довольствовалась прежними студенческими сходками. Добровольцы-пропагандисты уже начали дѣйствовать въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, входили въ сношенія съ рабочими и крестьянами; на

первомъ планѣ стояло у нихъ элементарное обученіе въ связи съ развитіемъ самосознанія. Нѣкоторые изъ членовъ нашего кружка, какъ, напримѣръ, Сердюковъ, Чарушинъ, Синегубъ и Степнякъ, пошли въ „артели“ каменщиковъ, землекоповъ и плотниковъ, на прядильныя и ткацкія фабрики; мы же въ это время открыли у себя на квартирѣ вечерніе классы, куда ежедневно приходили десятка два рабочихъ, одни, чтобы учиться чтенію, письму и ариѳметикѣ, другіе, чтобы читать книги и обсуждать интересующіе ихъ вопросы. Такимъ образомъ намъ удалось создать группу молодыхъ и развитыхъ крестьянъ и ремесленниковъ, образовавшихъ въ свою очередь нѣсколько кружковъ спеціально для пропаганды между рабочими и крестьянами. Нашъ принципъ „хожденія въ народъ“ скоро сталъ общимъ лозунгомъ этой стадіи движенія, что, разумѣется, еще болѣе увеличило число лицъ, принадлежавшихъ къ нашему лагерю. Оцѣнка размѣровъ и результатовъ пропаганды дана въ извѣстномъ докладѣ министра юстиціи, графа Палена, за 1874 г., гдѣ сообщается, что слѣды революціонно-соціалистической агитаціи были замѣчены въ тридцати шести губерніяхъ Имперіи.

Послѣ того, какъ у насъ образовались прочныя связи съ рабочими, я рѣшилъ пріостановить на время дальнѣйшую дѣятельность по организаціи интеллигентной молодежи и заняться издательствомъ книгъ, журналовъ и газетъ, спеціально приноровленныхъ для обращенія въ деревнѣ. Для осуществленія этой цѣли, а также вслѣдствіе неоднократныхъ предостереженій, что въ Петербургѣ

меня могутъ арестовать, я уѣхалъ въ провинцію. Всецѣло отдавшись книгоиздательству, я нѣсколько времени какъ бы отдыхалъ отъ тягостнаго гнета стѣснительныхъ условій, въ которыхъ проходила тогда жизнь активнаго революціоннаго работника. Трудность, иногда даже явная безполезность политической и соціалистической пропаганды среди невѣжественнаго, суевѣрнаго крестьянства, полагающагося исключительно на помощь свыше, являлась для насъ главнымъ камнемъ преткновенія и не разъ заставляла прямо-таки отчаиваться въ конечномъ исходѣ борьбы. Во время моего пребыванія въ Кіевѣ и Воронежѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ товарищей, съ которыми довольно долго предавался утопическимъ мечтаніямъ о созданіи новой религіи; для осуществленія этой не совсѣмъ обыкновенной миссіи намъ впослѣдствіи пришлось переселиться въ канзасскія степи. Послѣ двухлѣтней трудовой земледѣльческой жизни въ американскихъ преріяхъ, за которой послѣдовала тяжелая работа на верфи и сахарной фабрикѣ въ Филадельфіи, я задумалъ вернуться въ Европу и въ маѣ 1878 г. высадился въ Ливерпулѣ. Вскорѣ послѣ этого я поселился въ Парижѣ, откуда посылалъ корреспонденціи въ одну изъ передовыхъ московскихъ газетъ. Въ Парижѣ у меня не было недостатка въ друзьяхъ и знакомыхъ; большинство ихъ являлось, такъ сказать, „инвалидами“ террористической партіи Народной Воли. Я хотѣлъ было снова продолжать прежнюю агитаціонную работу, но оказалось, что условія ея теперь гораздо труднѣе, чѣмъ раньше, такъ какъ борьба между „Исполнительнымъ Комитетомъ“ и деспо-

тическимъ правительствомъ превратилась въ какой-то безпощадный поединокъ; я не видѣлъ необходимости вернуться въ Россію, такъ какъ находилъ, что уже мало подхожу къ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявлялись тогда революціонеру. Здоровье мое требовало спокойной и правильной жизни, а потому въ іюнѣ 1880 г. я уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и прожилъ все время, за исключеніемъ только случайныхъ посѣщеній континента".

II. Репрессіи. Воспоминанія Елизаветы Ковальской.

Воспоминанія Николая Чайковскаго достаточно показываютъ намъ благородный энтузіазмъ и безкорыстный идеализмъ перваго бурнаго проявленія русскаго демократическаго возрожденія. Въ 1874 году около двухъ тысячъ человѣкъ, по большей части изъ интеллигентнаго класса, принимало дѣятельное участіе въ движеніи. Если бы у меня не было недостатка въ мѣстѣ, я дополнилъ бы эти воспоминанія другими, не менѣе ярко характеризующими общее направленіе, размѣры и значеніе героическаго крестоваго похода въ защиту „униженныхъ и оскорбленныхъ“ крестьянъ и рабочихъ,—похода, потребовавшаго столько силъ, способностей и энергіи у его участниковъ, погибавшихъ одинъ за другимъ въ безпощадной борьбѣ съ правительствомъ, съ тѣхъ поръ какъ послѣднее поняло всю серьезность сдѣланнаго ему вызова. Ни одно изъ извѣстныхъ намъ новѣйшихъ историческихъ движеній не дало столько примѣровъ человѣческаго героизма. Всѣ эти люди, какъ мужчины, такъ и женщины, жертвовали семьей, положеніемъ въ обществѣ, надеждами на будущее, добровольно отказывались отъ всякихъ радостей и утѣхъ жизни. Нѣкоторые изъ нихъ были богаты и принадлежали къ высшему кругу, но и они

отдавали все, что имѣли, для освобожденія народа. Мировой судья Войнаральскій, человѣкъ лѣтъ сорока, всѣ свои средства (около 40.000 рублей) истратилъ на пропаганду. Онъ и помѣщикъ Коваликъ, занимавшій должность предсѣдателя черниговскаго окружного суда, личность, во всѣхъ отношеніяхъ выдающаяся, дѣятельно вели революціонную агитацію, за что были арестованы и заключены въ Петропавловскую крѣпость; впослѣдствіи ихъ перевели въ харьковскую центральную тюрьму, пользовавшуюся очень дурной славой, затѣмъ въ карійскую и, наконецъ, сослали въ Средне-Колымскъ, находящійся на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Князь Петръ Кропоткинъ, извѣстный изслѣдователь-геологъ, несмотря на страшную опасность, читалъ лекціи и рефераты рабочимъ Петербурга. Пойманный въ одеждѣ маляра, онъ также былъ препровожденъ въ Петропавловскую крѣпость. Обстоятельства его побѣга послѣ того, какъ онъ издалъ свои „Мемуары“, хорошо всѣмъ извѣстны, а потому я не буду еще разъ пересказывать ихъ и лишь замѣчу, что, уступивъ этого замѣчательнаго человѣка Англіи, Россія оказала ей огромную услугу. Богатый черниговскій помѣщикъ Дмитрій Лизогубъ, котораго Степнякъ въ „Подпольной Россіи“ называетъ „святымъ“ партіи, отдалъ революціи все свое громадное состояніе (до 400.000 рублей). Впослѣдствіи, въ августѣ 1879 г., онъ былъ повѣшенъ въ Одессѣ, хотя и не принималъ активнаго участія въ террористическомъ движеніи. Софья Перовская, одна изъ первыхъ поступившая въ кружокъ „Чайковцевъ“ и игравшая потомъ такую видную

роль въ дѣлѣ 1-го марта, была дочерью петербургскаго генералъ-губернатора и племянницей министра народнаго просвѣщенія. Этотъ списокъ при желаніи можно было бы значительно увеличить, но я не буду приводить новыхъ примѣровъ и перейду къ обрисовкѣ идейной подкладки дви-

П. Кропоткинъ.

женія. Слабѣйшіе духомъ скоро выбыли изъ строя; оставшіеся же, по мѣрѣ того какъ у нихъ проходилъ первый порывъ чаяній и надеждъ, становились практичнѣе, трезвѣе и воинственнѣе. Сталкиваясь на каждомъ шагу съ глубокимъ невѣжествомъ и апатіей народныхъ массъ, они не находили нужнымъ „опроститься“; аграрный во-

просъ являлся, правда, главнымъ пунктомъ намѣченной ими программы, но они были убѣждены, что разрѣшеніе его всецѣло зависитъ отъ успѣха ихъ пропаганды; уклоняясь вначалѣ отъ рѣшительной борьбы съ правительствомъ, они тѣмъ не менѣе были вызваны на нее жестокими мѣрами, предпринятыми властями съ цѣлью подавить ихъ агитаціонную дѣятельность.

По оффиціальнымъ сообщеніямъ число лицъ, арестованныхъ по политическимъ дѣламъ съ марта 1873 г. по декабрь 1876 г., простиралось до 1.611 человѣкъ; въ промежутокъ времени съ 1877 г. по 1879 г. цифра находящихся подъ слѣдствіемъ увеличивается уже до 2.348 человѣкъ, не считая административно высланныхъ въ дальнія области и губерніи *). Въ прежніе годы участіе въ сравнительно скромной радикальной партіи, въ родѣ той, о которой я говорилъ въ предыдущей главѣ, считалось важнымъ государственнымъ преступленіемъ. Классическимъ примѣромъ этому можетъ служить знаменитый „процессъ 193“, разбиравшійся въ октябрѣ 1877 г., по которому было произведено болѣе тысячи арестовъ; послѣ предварительнаго тюремнаго заключенія, продолжавшагося отъ одного года до четырехъ лѣтъ, около восьмисотъ обвиняемыхъ были освобождены за недостаткомъ уликъ, восемьдесятъ узниковъ еще до суда частью покончили жизнь самоубійствомъ, частью же сошли съ ума во время заключенія и, наконецъ, пятеро обвиняемыхъ умерли въ первые

*) Мальчиньскій: „Хроника соціально-революціоннаго движенія въ Россіи“, цитируемая Тихоміровымъ въ его книгѣ „Политическая и соціальная Россія“.

дни судебнаго процесса. Эти взятыя наудачу го-
ныя цифры убѣдительнѣе всего свидѣтельствуютъ
о тѣхъ невозможныхъ, ужасающихъ условіяхъ,
въ которыхъ приходилось жить и работать про-
пагандистамъ - революціонерамъ. Изъ всѣхъ муж-
чинъ и женщинъ, привлеченныхъ къ судебному
слѣдствію, только сорокъ были найдены винов-
ными и приговорены: одинъ—къ смерти, другіе—
къ болѣе или менѣе продолжительному тюрем-
ному заключенію и ссылкѣ; что же касается
остальныхъ, признанныхъ невиновными, то они,
разумѣется, не получили никакого удовлетворенія
за незаконное лишеніе свободы, надолго прерваво-
шее ихъ обычную дѣятельность. Мало того, около
половины изъ нихъ тотчасъ же по освобожденіи
подверглись вторичному аресту и были сосланы
административнымъ порядкомъ. „Естественно,—
говоритъ Кеннанъ,—что почти всѣ обвиняемые
стали въ концѣ-концовъ ярыми революціонерами;
въ 1885 г. болѣе трети изъ нихъ томилось въ
Сибири, а двое—Желябовъ и Софья Перовская—
погибли на эшафотѣ съ кровью Александра II на
рукахъ“.

Съ цѣлью нагляднѣе изобразить передъ чита-
телемъ общій ходъ событій, я познакомлю его съ
исторіей трехъ выдающихся дѣятельницъ „нигги-
листическаго“ періода русскаго освободительнаго
движенія, вскорѣ затѣмъ перешедшаго въ откры-
тый терроризмъ. Послѣ многихъ лѣтъ тюремнаго
заключенія и ссылки всѣ трое наслаждаются те-
перь свѣжимъ воздухомъ Запада.

Исторія дѣтства Екатерины Брешковской являет-
ся какъ бы варіантомъ воспоминаній Николая

Чайковскаго. Дворянка по происхожденію, он
росла, съ одной стороны находясь подъ впечатлѣ
ніемъ безысходнаго крестьянскаго горя, а съ дру
гой,— будучи свидѣтельницей блестящаго расцвѣт
освободительныхъ идей Запада, вопреки всево
можнымъ цензурамъ и запретамъ прочно укор
нившихся на русской почвѣ. Полная юношеска
энтузіазма первыхъ дней освобожденія крестьян
она открыла сельскую школу. Скоро однако е
пришлось видѣть разочарованіе крестьянъ, убѣ
жденныхъ, что одновременно съ волей имъ долж
быть дана и земля. Власти безпощадно сѣкли
это цѣлыя деревни, нисколько не задумываяс
надъ ихъ требованіями. Зрѣлище страданій н
рода убѣдило молодую дѣвушку въ необходим
сти коренныхъ реформъ. Проживши нѣкотор
время съ матерью въ Петербургѣ, гдѣ ей част
приходилось сталкиваться въ обществѣ съ ради
калами, она вернулась въ деревню и снова возо
новила свою просвѣтительную дѣятельность сред
крестьянъ. Здѣсь она вышла замужъ за пом
щика, проникнутаго либеральными идеями. Вскор
за свою дѣятельность въ земствѣ мужъ и жен
попали подъ надзоръ полиціи, отецъ Брешко
ской былъ безъ суда уволенъ со службы, а н
которые изъ ихъ ближайшихъ друзей даже с
сланы въ Сибирь. Извѣстіе о „Нечаевскомъ пр
цессѣ“ въ 1871 г. было встрѣчено этими людьм
какъ ударъ набата. „Мнѣ было тогда двадцат
лѣтъ, — говоритъ г-жа Брешковская. — Муж
мой, какъ и я, имѣлъ передъ собою цѣлу
жизнь, а потому я чувствовала, что долж
говорить откровенно. Я спросила его, спос

бенъ ли онъ идти въ ссылку и на смерть во имя свободы? Онъ отвѣтилъ отрицательно, и я ушла отъ него".

Примкнувъ къ кіевскому революціонному кружку, одному изъ наиболѣе дѣятельныхъ за все это движеніе, г-жа Брешковская всецѣло отдалась пропагандѣ. Одѣтая въ крестьянское платье, она пе-

Е. Брешковская.

реходила изъ села въ село, изъ избы въ избу, собирая вокругъ себя толпы крестьянъ, съ которыми вела политическія бесѣды, стараясь выражаться самымъ простымъ языкомъ съ помощью притчъ и примѣровъ. Наконецъ, ее выслѣдили и отправили въ Петербургъ, гдѣ она пробыла два

года въ предварительномъ тюремномъ заключеніи, такъ какъ ея дѣло должно было разбираться вмѣстѣ съ „193“. За протестъ противъ недобросовѣстнаго слѣдствія приговоръ ея былъ увеличенъ пятью годами каторжныхъ работъ и пожизненной ссылкой въ Сибирь. Въ то время Сибирской желѣзной дороги еще не существовало, а потому долгій путь въ тряской телѣгѣ по большой пыльной дорогѣ, прерываемый по ночамъ остановками въ грязныхъ этапахъ, былъ своего рода пыткой, разсчитанной на то, чтобы сломить самый твердый и рѣшительный духъ. Этого однако не удалось достигнуть. Послѣ десятимѣсячнаго пребыванія въ карійской тюрьмѣ г-жа Брешковская была переведена въ деревню Баргузинъ, лежащую по ту сторону Байкала. Лѣтомъ 1881 г. она вмѣстѣ съ тремя другими „политическими“ сдѣлала отчаянную попытку къ бѣгству, но послѣ разныхъ приключеній была схвачена и вторично препровождена на Кару. Ее приговорили къ пятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ и сорока ударамъ плетью (послѣднее наказаніе не было, впрочемъ, выполнено). Во время своего заключенія Брешковская вмѣстѣ съ другими „политическими“ неоднократно принимала участіе въ такъ называемыхъ „голодовкахъ“: въ знаменитой карійской голодовкѣ 1889 г., кончившейся сѣченіемъ г-жи Сигида, она однако не участвовала, такъ какъ ее задолго до этого перевезли въ бѣдную бурятскую деревушку Селенгинскъ, расположенную къ югу отъ Байкальскаго озера, недалеко отъ китайской границы; здѣсь ее впослѣдствіи видѣлъ извѣстный Кеннанъ. „Она была тогда женщина лѣтъ

идцати пяти,—пишетъ онъ *),—съ очень умнымъ цомъ, свободными, непринужденными манерами смѣлымъ, искреннимъ взглядомъ. Лицо ея но-ло слѣды продолжительныхъ страданій; въ ея мныхъ густыхъ волосахъ, коротко остриженныхъ карійской тюрьмѣ, кое-гдѣ пробивалась сѣ-на. Но ни тяжелыя лишенія, ни ссылка, ни ка-жныя работы не сломили ея смѣлаго, нѣжнаго добраго характера, не поколебали ея убѣжденій чести и долгѣ. Она была очень начитана и обра-зана: владѣла французскимъ, нѣмецкимъ и ан-йскимъ языками и страстно любила музыку. Селенгинскѣ она находилась подъ непосред-ственнымъ надзоромъ и контролемъ мѣстнаго на-льника полиціи. Насколько мнѣ извѣстно, Брешковская была самой образованной женщиной во й окрестности. Лишь съ большимъ трудомъ алось ей выхлопотать у полиціи разрѣшеніе учать денежную помощь въ размѣрѣ около хъ съ половиной рублей въ недѣлю. На всю знь лишенная семьи и друзей, она, какъ мнѣ алось, не имѣла ничего впереди, кромѣ еще сколькихъ лѣтъ всевозможныхъ лишеній и стра-ій, долженствующихъ завершиться одинокой илой на пустынномъ селенгинскомъ кладбищѣ. щаясь со мной, она сказала: „Мистеръ Кен-ъ, мы и наши дѣти умремъ въ ссылкѣ, но изъ го рано или поздно что-нибудь должно выйти“. тѣхъ поръ я никогда не видалъ больше у Брешковскую и ничего не слыхалъ о ней; минуты нашего прощанія она словно совер-

*) „Сибирь и система ссылки“, стр. 121—122.

шенно ушла изъ моей жизни, умерла для мен
Но я не могу безъ чувства глубокаго благогов
нія къ мужеству и героическому самопожерт
ванію этой удивительной женщины вспомнить
послѣднія слова".

Водоворотъ жизни приноситъ съ собой неож
данныя перемѣны. Въ то время какъ Кенна
было запрещено посѣщать тюрьмы, Брешковск
навсегда, казалось, покинутая имъ въ самой гл
бинѣ Азіи, переноситъ въ Соединенные Шта
рыцарское служеніе свободѣ, которой она посв
тила всю свою жизнь. Послѣ семилѣтней катор
и нѣсколькихъ лѣтъ скитанія по разнымъ сиби
скимъ городамъ она въ сентябрѣ 1896 г. пол
чила, наконецъ, позволеніе вернуться въ Росс
гдѣ снова примкнула къ революціонерамъ. П
навъ въ число „организаторовъ" партіи соціал
стовъ-революціонеровъ, Брешковская переѣзжа
изъ города въ городъ, изъ деревни въ дереви
тщательно стараясь избѣжать вторичнаго арес
Если бы освободительное движеніе послѣдующи
годовъ шло такъ же быстро, какъ это мы видим
теперь, то Брешковской пришлось бы быть сл
дѣтельницей торжества русской революціи, шан
которой были, повидимому, еще очень слабы
то время, когда американскій путешественни
встрѣтилъ ее отбывающей наказаніе.

Перейдемъ теперь къ другой, не менѣе выда
щейся личности освободительнаго движенія.
весьма обязанъ г-жѣ Ковальской-Маньковской
ея автобіографію, являющуюся во многихъ от
шеніяхъ дополненіемъ къ описанію ея страда
въ карійской тюрьмѣ въ книгахъ Кеннана и Ст

яка. Этой автобіографіей я и буду главнымъ образомъ пользоваться при изложеніи фактовъ я страдальческой жизни.

Какъ и у многихъ другихъ выдающихся женщинъ-революціонерокъ, первымъ „политическимъ“ преступленіемъ Ковальской явилась ея ревностная дѣятельность по народному образованію. Еще въ молодости получивъ ученый дипломъ, она въ 868 г. организовала въ своемъ домѣ въ Харьковѣ спеціально для женщинъ - работницъ рядъ лекцій по исторіи и политической экономіи, которыя посѣщало до пятидесяти человѣкъ; кромѣ того, ею же была устроена вечерняя элементарная школа для неграмотныхъ женщинъ изъ рабочаго класса и заведена небольшая библіотека. Скоро изъ-за постоянныхъ наѣговъ полиціи сдѣлалось невозможнымъ продолжать занятія. Когда Ковальская и еще двѣ дамы отправились въ качествѣ депутатовъ просить разрѣшенія о допущеніи женщинъ въ харьковскій университетъ, онѣ встрѣтили грубый отказъ со стороны министра народнаго просвѣщенія, графа Дмитрія Толстого. Понявъ невозможность дѣлать что-нибудь на родинѣ при существующемъ режимѣ, Ковальская уѣхала за границу, въ Цюрихъ, гдѣ и вступила въ сношенія съ нѣкоторыми изъ

Е. Ковальская.

руководителей пропаганды радикализма. Вскор
она примкнула къ революціонерамъ и, вернувши
домой, въ Россію, возобновила свою просвѣтител
ную дѣятельность среди фабричнаго населен
Колпина, прикрываясь маской учительницы н
родной школы. Ей, разумѣется, не замедлили пре
ложить выйти въ отставку, но она все-таки е
нѣсколько лѣтъ вела пропаганду въ разныхъ м
стахъ Россіи.

За это время многіе изъ ея товарищей бы
арестованы и сосланы; движеніе принимало в
болѣе рѣзкій, активный характеръ: кружки, осн
вывавшіеся первоначально для чтенія и обсужден
прочитаннаго, расширились и превратились
радикальныя сообщества, въ которыхъ стали у
появляться и крестьяне, какъ мужчины, такъ
женщины. Эти-то сообщества и предприняли
1872—1873 гг. „великій крестовый походъ“
народныя массы. Послѣ того какъ на это движ
ніе обрушилась первая лавина мести правител
ства, уцѣлѣвшіе участники похода рѣшили насто
чиво и энергично возбуждать крестьянъ къ во
станію и попутно съ этимъ съ помощью тайных
типографій дѣятельно пропагандировать въ общ
ствѣ революціонныя идеи. Аграрное движен
1876—1877 гг., кое-гдѣ имѣвшее несомнѣнны
успѣхъ, поставило на первую очередь вопросъ
пересмотрѣ тактическихъ пріемовъ. Послѣдн
сдѣлалось особенно необходимымъ съ тѣхъ пор
какъ аресты начали производиться не десятка
и сотнями, а цѣлыми тысячами, при чемъ одн
временно съ ними стали приходить извѣстія
страшныхъ пыткахъ, которымъ подвергаются р

олюціонеры какъ въ центральныхъ тюрьмахъ, акъ и въ мѣстахъ ссылки. Скоро въ разныхъ ѣстностяхъ имперіи появились многочисленные адры убѣжденныхъ революціонныхъ работниковъ, вязанные между собой сознаніемъ общей опасости. Революціонеры, сначала неохотно прибѣгавшіе къ насилію, мало-по-малу вынуждены видѣть въ немъ единственное средство борьбы, становящейся безпощадною съ той и другой стороны; ѣлый призывъ пробуждаетъ у нихъ безумно-чаянную энергію.

Ковальская съ жаромъ отдалась движенію. Въ 880 г. она вмѣстѣ со Щедринымъ объѣзжала крайну съ цѣлью организовать тамъ „южный абочій союзъ", причемъ оба были арестованы въ евѣ; немного спустя были захвачены и остальые члены кружка. Въ 1881 г. послѣ слѣдствія ѣ они—Елизавета Ковальская, Щедринъ, Прераженскій, Павелъ Ивановъ, Софья Богомолецъ очь богатаго полтавскаго помѣщика, вышедшая мужъ за врача, впослѣдствіи сосланнаго), Иванъ шинцевъ, Кузнецовъ (за послѣдніе годы своего ебыванія въ Сибири прославившійся какъ археогъ) и трое другихъ—были судимы военнымъ домъ. Трое первыхъ были приговорены къ смертй казни (Ковальская однако не обвинялась въ рористическихъ актахъ: все ея преступленіе ключалось лишь въ томъ, что она принадлежала революціоннымъ кружкамъ и помогала сформизанію ихъ), Ивановъ—къ двадцати, а Богомоцъ — къ десяти годамъ каторжныхъ работъ, альные же—къ болѣе или менѣе продолжительй ссылкѣ. По ходатайству генералъ-губернатора

приговоръ военнаго суда былъ смягченъ: смер
ную казнь замѣнили пожизненной каторгой.

Не было никакихъ основаній предполагать, что
царское правительство, пресытившись за три ст
лѣтія варварства системой наказаній, рѣшило дѣ
ствовать иными средствами. До восемнадцати т
сячъ человѣкъ ежегодно бросались въ тюрьмы, ед
вмѣщавшія и половину этого количества. Тиф
цынга, сифилисъ, тифондъ и другія злокачестве
ныя болѣзни свили себѣ постоянное гнѣздо
этихъ вонючихъ камерахъ, служившихъ арен
для проявленія всевозможной низости и подлост
Ежегодно до семи тысячъ мужчинъ и женщин
обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіях
безъ всякаго суда и слѣдствія административны
порядкомъ ссылались въ нерчинскіе и карійск
рудники, на островъ Сахалинъ или въ отдаленн
якутскія деревушки крайняго сѣверо-востока С
бири. Нужда и лишенія безконечнаго этапна
пути подъ звонъ цѣпей, грубые окрики казацк
стражи, унылая, за сердце хватающая пѣсн
крутящійся снѣгъ, жестокіе морозы, неудавшая
попытка къ освобожденію, вызывающая цинич
ское восклицаніе „собакѣ собачья и смерть“, д
вольски утонченныя пытки и мученія, начин
съ издѣвательствъ мелкой жандармской сошки
кончая плетью и ужаснымъ заключеніемъ въ те
ный карцеръ,—вотъ чему, безъ различія пола
возраста, ежедневно подвергались террорист
протестовать противъ этого было безполезно, та
какъ ихъ жалобы все равно не могли быть к
кѣмъ услышаны. И въ этомъ-то хаосѣ безнадежн
глупости, издѣвательствъ, самодурства, развра

варварства Ковальская томилась цѣлыхъ двад-
ть лѣтъ.

Въ Красноярскѣ кіевскимъ „политическимъ“
ишлось испытать на себѣ особенно грубое об-
щеніе со стороны тюремщиковъ. Одинъ изъ над-
рателей беззастѣнчиво оскорбилъ Софью Бого-
лецъ и избилъ нѣкоторыхъ изъ арестованныхъ,
о, разумѣется, вызвало среди нихъ сильное воз-
жденіе. Протестъ, выраженный въ формѣ голо-
вки, шестидневнаго отказа отъ принятія пищи,
зымѣлъ однако нѣкоторый успѣхъ. Во время
льнѣйшаго пути женщины страшно страдали
ь морозовъ и усталости. Мѣсяцъ спустя послѣ
ключенія въ иркутскую тюрьму, въ августѣ
32 г. Софья Богомолецъ и Ковальская убѣжали
эколо двухъ недѣль скрывались въ лѣсахъ, но
ли пойманы и заперты въ холодный и темный,
когда не освѣщаемый карцеръ. Явившійся къ
мъ на слѣдствіе полковникъ Соловьевъ, адъ-
антъ губернатора, приказалъ надѣть на Бого-
лецъ смирительную куртку, а Ковальскую за-
зать въ кандалы. Услыхавъ объ этомъ, Щед-
нъ ударилъ полковника, за что тотъ велѣлъ
ивязать его веревками къ столбу и до тѣхъ поръ
ъ тупою стороной шпаги, пока истязуемый не
шился чувствъ; когда же Щедринъ пришелъ въ
я, Соловьевъ велѣлъ заковать его въ „лисицу“,
. особо устроенныя цѣпи для рукъ и ногъ, со-
иненныя между собой такимъ короткимъ брус-
ъ, что члены совершенно не могутъ быть
прямлены; дыханіе и кровообращеніе настолько
ерживаются отъ этого, что даже самые выно-
вые люди, какъ мнѣ говорили, не въ силахъ

болѣе двухъ дней выдерживать этой пытки. Ск
за какой-то новый проступокъ Щедринъ оп
подвергся этому мученію и, кромѣ того, былъ при
воренъ къ смертной казни, которую однако
мѣнили по ходатайству губернатора Педашен
Приговоръ въ смягченномъ видѣ состоялъ
томъ, что Щедринъ пожизненно долженъ бы
прикованъ къ тачкѣ. Шесть мѣсяцевъ спустя, ка
я уже упоминалъ, его—все еще прикованнаго
тачкѣ—отослали обратно въ Шлиссельбургъ, и
онъ сошелъ съ ума и черезъ пять лѣтъ умеръ
тюремной больницѣ; мнѣ сообщали, что день
посылаемыя ему туда, были возвращаемы обра
подателямъ.

Тѣмъ временемъ Ковальская была препро
ждена изъ Иркутска въ Кару, центральный сиб
скій пунктъ для политическихъ преступнико
Вскорѣ послѣ этого (въ апрѣлѣ 1882 г.) Мышки
и семь другихъ заключенныхъ бѣжали изъ му
ской тюрьмы, но были пойманы и возвраще
обратно. Тюремныя власти отвѣтили на этотъ
бѣгъ рядомъ строгостей и репрессивныхъ мѣ
еще болѣе усилившихся вслѣдствіе посѣще
тюрьмы Галкинымъ - Враскимъ, главою русск
тюремной администраціи. Многіе изъ заключ
ныхъ мужчинъ были жестоко избиты и помѣще
вмѣстѣ съ обыкновенными преступниками. Въ ж
ской тюрьмѣ, хотя она находилась на нѣкоторо
разстояніи отъ мужской, также ввели болѣе
ровый режимъ. Малѣйшій комфортъ и свобо
были безусловно запрещены. „Мы были лишены
пишетъ Ковальская, — своего собственнаго бѣл
и платья, вмѣсто котораго намъ выдали тюре

ную одежду, состоявшую изъ грубой холщевой рубашки, еле доходившей до колѣнъ, и очень узкой и короткой юбки изъ того же матеріала. Двери нашихъ камеръ выходили въ помѣщеніе казаковъ, которые постоянно наблюдали за нами въ особыя окошечки, громко критикуя нашъ видъ и платье. Грязная, деревянная бадья, находившаяся въ каждой камерѣ, отравляла и безъ того плохой воздухъ. Мы просили объ удаленіи казаковъ и о выдачѣ намъ болѣе пристойной одежды, на что послѣдовалъ грубый и оскорбительный отказъ. Тогда мы объявили голодовку, а Богомолецъ въ отчаяніи пыталась даже поджечь тюрьму. Послѣ этого намъ выдали кое-что изъ нашего платья и перевели въ другое помѣщеніе. Одна изъ женщинъ, Рогачева, покончила съ собою самоубійствомъ; то же пыталась сдѣлать и Лёшернъ" *).

Въ это время была освобождена и отправлена

---

*) Софья Лёшернъ фонъ-Герцфельдъ была дочерью генерала, принадлежавшаго къ высшему петербургскому обществу. Присоединившись къ освободительному движенію шестидесятыхъ годовъ, она поселилась въ деревнѣ и была арестована за пропаганду среди крестьянъ; послѣ четырехлѣтняго суроваго тюремнаго заключенія она—по процессу „193"—была сослана въ Сибирь. Благодаря стараніямъ одной изъ родственницъ, царской фрейлины, она была помилована и въ 1878 г. освобождена изъ тюрьмы, но потомъ снова арестована въ Кіевѣ, при чемъ съ оружіемъ въ рукахъ сопротивлялась жандармамъ. Вмѣстѣ съ Осиньскимъ она была приговорена къ смертной казни, но ея приговоръ „изъ милосердія" замѣнили пожизненными каторжными работами: въ 1879 г. Лёшернъ была отправлена на Кару. Она была робка и застѣнчива въ манерахъ и производила впечатлѣніе крайне скромной женщины. Дейчъ, стр. 266—267.

на поселеніе Марія Кутитонская *), только что отбывшая свой срокъ каторжныхъ работъ. Прощаясь, она говорила своимъ друзьямъ, что отомститъ за нихъ забайкальскому генералъ-губернатору Ильяшевичу, бывшему главнымъ виновникомъ примѣненія къ нѣкоторымъ изъ заключенныхъ тѣлеснаго наказанія. Въ надеждѣ обратить вниманіе общества на жестокости, допущенныя по отношенію къ „политическимъ", Кутитонская, зная, что это будетъ стоить ей жизни, запаслась револьверомъ, добилась свиданія съ Ильяшевичемъ и ранила его, но не смертельно. Во время трехмѣсячнаго заключенія въ грязной и мрачной читинской тюрьмѣ она спала на голомъ полу, не имѣя даже постельнаго бѣлья. Если бы не тайная помощь со стороны другихъ арестантовъ, она навѣрное умерла бы отъ всевозможныхъ лишеній, которымъ изъ мести подвергало ее тюремное начальство. Кутитонскую приговорили къ смертной казни, но этотъ приговоръ былъ замѣненъ пожизненными каторжными работами. Впослѣдствіи у нея развилась болѣзнь легкихъ, отъ которой она и умерла въ 1887 г.

Нѣсколько лѣтъ продолжалась героическая борьба этихъ несчастныхъ женщинъ, старавшихся за-

*) Еще въ молодости, во время занятій въ Одессѣ она присоединилась къ движенію. Въ 1879 г. ее арестовали, какъ спутницу Лизогуба, присудили къ четырехлѣтнимъ каторжнымъ работамъ и отправили на Кару. Л. Дейчъ описываетъ ее, какъ женщину „съ яснымъ и рѣшительнымъ взглядомъ, пышными волосами и граціозными, изящными манерами"; Кеннанъ отмѣчаетъ ея „необычайную энергію, мужество, самообладаніе и твердость въ исполненіи принятыхъ рѣшеній".

воевать себѣ сколько-нибудь сносное обращеніе. Марія Ковалевская, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ какъ между ними, такъ и вообще во всемъ движеніи, въ 1881 г. серьезно заболѣла нервнымъ разстройствомъ. Послѣ того, какъ ея умственныя способности стали внушать опасеніе, ей было разрѣшено послѣдовать за своимъ мужемъ въ Минусинскъ. Въ то же время было рѣшено перевести въ Иркутскъ, какъ непокорныхъ и безпокойныхъ, Росикову, Богомолецъ и Ковальскую. По ошибкѣ, нерѣдко случающейся въ русской тюремной практикѣ, вмѣсто Ковальской была отправлена Ковалевская. Черезъ десять дней ошибка открылась, но Ковалевскую такъ и не вернули обратно, хотя Ковальская немедленно была препровождена въ Иркутскъ. Осенью 1887 г. Ковальская вторично бѣжала изъ иркутской тюрьмы, но черезъ два мѣсяца была поймана и заключена въ темный, вонючій карцеръ. Ее приговорили къ двадцати ударамъ плетью, но этотъ приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе. Съ цѣлью добиться болѣе человѣческаго обращенія, вскорѣ всѣ четыре женщины снова отказались отъ принятія пищи, причемъ Ковальская покушалась даже на самоубійство, но безуспѣшно. Это подѣйствовало, и ихъ всѣхъ перевели обратно на Кару.

Злоключенія узниковъ однако далеко не кончились. 5 августа 1888 г. карійскую тюрьму посѣтилъ пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ. Елизавета Ковальская рѣшила не подчиняться тюремнымъ правиламъ, требующимъ вставанья во время осмотра тюрьмы знатными лицами. Послѣ того какъ ей стали угрожать силой, она за-

явила, что отказывается вставать передъ предста-
вителями такого безчеловѣчнаго режима. Приве-
демъ здѣсь ея собственный разсказъ о послѣд-
ствіяхъ этого поступка.

„Жизнь въ тюрьмѣ продолжала идти обычным
порядкомъ; прошло два дня. Я ожидала наказані
каждую минуту, хотя мои товарки и увѣряли меня
что это несчастное происшествіе уже забыто. Цѣ
лыми часами расхаживали мы съ Маріей Ковалев
ской по коридорамъ тюрьмы, ломая голову над
тѣмъ, каковы будутъ результаты моего поступка
Всѣ „политическія“, бывшія въ это время въ тюрь
мѣ (Марія Ковалевская, Надежда Смирницкая, Ма
рія Калюжная), вполнѣ одобряли мое поведеніе п
отношенію къ представителю правительства, н
тѣмъ не менѣе очень боялись за меня. Уходя н
ночь въ свою камеру, я всегда крѣпко и горяч
цѣловала Марію Ковалевскую, своего лучшаго и
самаго близкаго друга, съ мыслью, что это наш
послѣдній поцѣлуй, такъ какъ завтра мы, может
быть, будемъ разлучены навѣки. Больная и воз
бужденная, я очень плохо спала ночью. Однажды
меня разбудилъ необыкновенный шумъ въ кори
дорѣ. Открывъ глаза, я съ ужасомъ увидала ка
кія-то мужскія фигуры, осторожно приближавшіяся
къ моей постели. Что это, страшный сонъ или
дѣйствительность? Въ отвѣтъ на свой крикъ я
услыхала слова: „Заткните ей ротъ!“ и убѣдилась
что это былъ не сонъ. Я почувствовала прикосно
веніе къ своимъ плечамъ чьихъ-то грубыхъ рукъ и
тряпку во рту, которая не позволяла мнѣ кричать

„Кто-то изъ мужчинъ, одѣтый въ военную фор
му, быстро схватилъ меня, въ чемъ я была, и, за

крывъ простыней мое обнаженное тѣло, тюремнымъ коридоромъ вынесъ на дворъ. Я чувствовала себя оскорбленной до слезъ, до бѣшенства. Ворота тюрьмы были отворены и около нихъ стояла телѣга, окруженная тюремными чиновниками. Среди нихъ я узнала начальника политическихъ тюремъ, Масюкова. „Бросайте ее сюда“, произнесъ тотъ же голосъ, который приказывалъ заткнуть мнѣ ротъ.

„Казаки бросили меня на дно телѣги; а сами сѣли по бокамъ, придерживая мои руки и ноги, телѣга тронулась. Пасмурное небо, на которомъ не было видно ни звѣздочки, казалось мнѣ тяжелой крышкой гроба, а разстилавшаяся вокругъ унылая пустыня — бѣлымъ саваномъ, по которому гулялъ холодный и рѣзкій осенній вѣтеръ. Вдали, въ томъ направленіи, куда меня повезли, виднѣлась рѣка Шилка. Медленно подвигавшуюся телѣгу окружалъ взводъ жандармовъ съ Масюковымъ во главѣ. Ближайшимъ къ телѣгѣ былъ незнакомый мнѣ офицеръ съ самымъ грубымъ голосомъ, который я когда-либо слышала. Онъ все время подшучивалъ надъ моимъ положеніемъ, и долго послѣ этого звучалъ у меня въ ушахъ его циническій смѣхъ.

„Дикія мысли, одна страннѣе другой, тѣснились въ моей головѣ. Иногда я теряла сознаніе отъ недостатка воздуха. Что они хотятъ со мной сдѣлать? Телѣга медленно подвигалась впередъ по высокому берегу рѣки, мрачныя волны которой, казалось, ждали жертву. Передъ глазами проносились картины прошлаго, вставали дорогія лица: одинокая мать, оставшаяся въ Россіи, горячо любимая подруга, похороненная въ Шлиссельбургской крѣпости, сцены изъ дѣтской жизни.

„Умереть, не успѣвъ отомстить—эта мысль казалась мнѣ нестерпимо обидной и горькой.

„Внезапно телѣга повернула направо, къ стоявшему на берегу рѣки маленькому домику. Конвой остановился. Казаки ввели меня въ домъ и, положивъ на грязный полъ, продолжали держать за руки и за ноги.

„Снимите съ нея рубашку и одѣньте въ тюремное платье!“ прокричалъ смотритель. Въ эту минуту я была на ногахъ, но едва успѣла ударить этого человѣка, какъ меня такъ сильно схватили за руки и за ноги, что я лишилась чувствъ.

„Когда я открыла глаза, было раннее утро. Я лежала на днѣ лодки, а вокругъ меня сидѣло восемь человѣкъ солдатъ, держа въ рукахъ тюремное верхнее платье такимъ образомъ, чтобы помѣшать выпрыгнуть въ воду. Я не могла пошевелиться, голова трещала, все тѣло страшно болѣло. „Смотри, она проснулась!“ услыхала я слова солдата, сопровождаемыя грубымъ смѣхомъ *).

„Такъ привезли они меня въ верхнеудинскую тюрьму“.

Здѣсь-то, въ шестистахъ верстахъ отъ Кары, и провела Ковальская послѣдующіе годы своей ссылки. Послѣ неудавшейся попытки къ бѣгству ее

*) Кеннанъ, имѣвшій возможность знать всѣ подробности этого путешествія какъ отъ политическихъ ссыльныхъ, такъ и отъ одного русскаго знакомаго, жившаго около карійскихъ рудниковъ, слѣдующимъ образомъ говоритъ о немъ въ своемъ сочиненіи: „Разстояніе отъ устья Кары до Срѣтенска равняется приблизительно семидесяти верстамъ вверхъ по теченію, такъ что Ковальская по крайней мѣрѣ три дня должна была провести въ маленькой лодочкѣ на веслахъ вмѣстѣ съ солдатами, которые уже раздѣли ее донага и всячески оскорбляли во время пути“.

перевели въ одну изъ тюремъ Горнаго Зерентуя, самаго отдаленнаго участка нерчинскихъ рудниковъ. На этомъ я и покончу разсказъ о ея страданіяхъ, добавивъ только, что по истеченіи двадцати лѣтъ каторги Ковальской было разрѣшено вернуться къ мужу, Мечиславу Маньковскому, тоже въ свою очередь арестованному въ Варшавѣ по политическому дѣлу и отбывавшему долгосрочныя каторжныя работы. Въ настоящее время Ковальская живетъ въ Швейцаріи. Здоровье ея совершенно разбито, но героическая женщина попрежнему вѣритъ въ правоту и несомнѣнный успѣхъ того дѣла, которому она посвятила всю свою жизнь.

Вернемся однако къ остальнымъ карійскимъ узникамъ. Обстоятельства, при которыхъ Ковальскую увезли съ Кары, скоро стали извѣстны ея друзьямъ и вызвали среди нихъ сильнѣйшее раздраженіе. Слухи о возмутительномъ обращеніи съ „политическими“ проникли въ общество, послѣдствіемъ чего явилась отмѣна тѣлеснаго наказанія для женщинъ и закрытіе карійской тюрьмы; этой мѣрѣ предшествовалъ рядъ волненій среди „политическихъ“.

Во-первыхъ, всѣ четыре женщины (Ковалевская, Смирницкая, Сигида *) и Калюжная) перестали

*) Надежда Сигида была дочерью богатаго таганрогскаго купца. Окончивъ съ золотою медалью мѣстную гимназію, она вышла замужъ за чиновника таганрогскаго окружнаго суда. Вскорѣ оба они примкнули къ революціонному движенію и въ январѣ 1886 г. были арестованы, при чемъ у нихъ нашли тайную типографію. Мужъ, приговоренный сперва къ смертной казни, а потомъ къ пожизненнымъ каторжнымъ работамъ, умеръ по дорогѣ на Сахалинъ. Надежда Сигида, по воспоминаніямъ знавшихъ ее, была гордой и независимой женщиной, очень умной и образованной.

принимать пищу, до тѣхъ поръ, пока ихъ не увѣрили, что офицеръ, позволившій себѣ оскорблять заключенныхъ, будетъ уволенъ. Эти женщины принадлежали къ „бунтарямъ“ и были арестованы за попытку вызвать возмущеніе среди крестьянъ. Правительство крайне жестоко расправилось съ ними за революціонную пропаганду, а потому онѣ рѣшили, что вся ихъ дальнѣйшая жизнь будетъ однимъ горячимъ протестомъ противъ тѣхъ обидъ и несправедливостей, которымъ подвергались въ тюрьмѣ „политическіе“ преступники. Онѣ надѣялись, что когда-нибудь ихъ протестъ будетъ услышанъ и повлечетъ за собою необходимыя реформы, хотя бы изъ желанія замять скандалъ. Л. Дейчъ въ своей книгѣ *) упоминаетъ, что какъ разъ въ это время „политическіе“ были сильно обезкуражены нѣсколькими случаями ренегатства, имѣвшими мѣсто среди революціонеровъ: эти случаи являлись результатомъ искусной политики властей, направленной на то, чтобы обѣщаніями или угрозами вызвать „раскаяніе“ у арестованныхъ. Но эти

Н. Сигида.

Гибкая, стройная брюнетка, она обладала весьма привлекательною наружностью: выразительное лицо ея съ чудными глазами носило печать мысли и энергіи. Ей было всего двадцать пять лѣтъ, когда она умерла.

*) „Шестнадцать лѣтъ въ Сибири“, стр. 276.

женщины были совсѣмъ другого характера. Нѣкоторыхъ изъ заключенныхъ мужчинъ подвергли пыткѣ, чтобы заставить смириться, но они тѣмъ не менѣе цѣлыхъ восемь дней поддерживали голодовку. Вскорѣ послѣ этого начальство обѣщало удалить Масюкова, но не исполнило своего обѣщанія. Тогда всѣ „политическіе", какъ мужчины, такъ и женщины, вторично объявили голодовку, кончившуюся только послѣ личнаго обѣщанія Масюкова оставить Кару: это также не было исполнено.

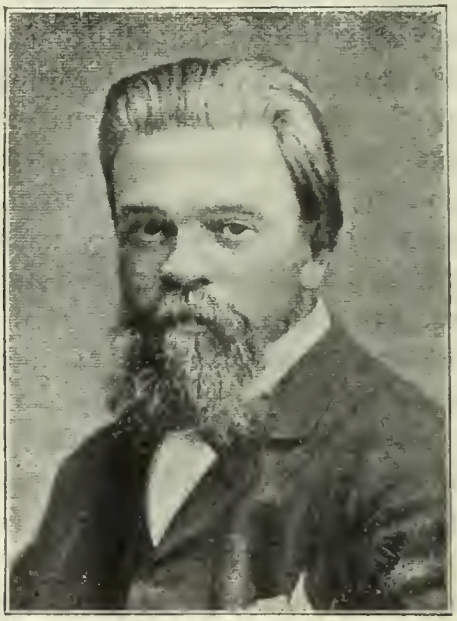
Тогда Сигида потребовала свиданія съ Масюковымъ, во время котораго ударила его по лицу, въ надеждѣ покончить такимъ образомъ съ дальнѣйшими проволочками. За этимъ послѣдовала третья голодовка, одна изъ самыхъ отчаянныхъ и продолжительныхъ, прекратившаяся только на шестнадцатый (!) день. Слухи объ этихъ происшествіяхъ широко распространились повсюду, въ результатѣ чего генералъ-губернаторъ Корфъ приказалъ принять самыя строгія мѣры по отношенію къ „политическимъ" Кары. Сигида должна была получить сто ударовъ розгами въ присутствіи врача, но безъ предварительнаго медицинскаго освидѣтельствованія. Врачъ отказался присутствовать. 6 ноября 1889 г. въ Кару вернулся Бобровскій, офицеръ, отвозившій Ковальскую въ Нерчинскъ, послѣ чего возмутительный приговоръ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. Послѣ сѣченія несчастную женщину безъ чувствъ отнесли въ тюрьму, гдѣ она и умерла черезъ нѣсколько дней— неизвѣстно, отъ яду ли, или отъ послѣдствій наказанія. Въ ночь на 10 ноября Марія Ковалевская,

Марія Калюжная и Надежда Смирницкая приняли ядъ и были перенесены изъ своихъ камеръ въ тюремную больницу, въ которой и умерли одна за другой. Пять дней спустя двадцать мужчинъ также приняли ядъ, но ихъ удалось спасти, исключая только Ивана Калюжнаго, брата Маріи Калюжной, и Сергѣя Бобохова, умершаго 16 ноября. Эти жертвы царизма лежатъ подъ простымъ деревяннымъ крестомъ на карійскомъ кладбищѣ, но „души ихъ“, по выраженію поэта, „все еще несутся впередъ“.

III. Феликсъ Волховскій.

Я хорошо зналъ Феликса Волховскаго, и хотя не безъ основанія говорятъ, что писать о близкихъ друзьяхъ, быть можетъ, всего труднѣе, попробую нарисовать его образъ передъ читателями. Феликсъ Волховскій, поэтъ и политикъ революціонной пропаганды, подобно тому какъ Степнякъ былъ ея воиномъ, а Перовская и Фигнеръ—ангелами-мстителями, представляетъ изъ себя одну изъ крупнѣйшихъ фигуръ русскаго освободительнаго движенія. Болѣе десяти лѣтъ провелъ онъ въ Англіи, всецѣло отдавшись просвѣтительной работѣ, плодотворные результаты которой были признаны всѣмъ англійскимъ обществомъ. За недостаткомъ мѣста я не буду останавливаться здѣсь на этой сторонѣ его дѣятельности и прямо перейду къ воспоминаніямъ о своемъ знакомствѣ съ этимъ прекраснымъ человѣкомъ и неутомимымъ борцомъ за свободу. Подобно Кропоткину и другимъ политическимъ бѣглецамъ, онъ пріѣхалъ къ намъ бѣднымъ и неизвѣстнымъ, и я хорошо помню испытанное мною чувство, когда я сейчасъ же по пріѣздѣ Волховскаго отправился къ нему на его мрачную квартиру въ Ислингтонѣ. Его статьи, года два печатавшіяся въ „Свободной Россіи“, съ большимъ интересомъ читались всѣми,

интересующимися русскими дѣлами, а изданный имъ томикъ волшебныхъ сказокъ обладалъ той особенной, своеобразной прелестью и свѣжестью, которую поймешь лишь тогда, когда начнешь понимать человѣка. Мало-по-малу Волховскій сталъ извѣстенъ и въ прессѣ, и на платформѣ, какъ



Ф. Волховскій.

убѣжденный и блестящій революціонный агитаторъ, дѣло котораго, несмотря на всѣ прилагавшіяся усилія, только потому потерпѣло неудачу, что было затоплено со стороны правительства кровью жертвъ. Долгіе годы заключенія и ссылки, ослабившіе его физически, не погасили однако пылкаго духа, жившаго въ этомъ хрупкомъ тѣлѣ.

Въ то время, какъ другіе изгнанники казались угнетенными и измученными, Волховскій неизмѣнно оставался веселымъ и бодрымъ, ни на одну минуту не сомнѣваясь, что „облака разсѣются“. Теперь, когда для русскаго народа взошла наконецъ заря свободы и наступилъ день отпущенія, слѣдуетъ особенно благоговѣйно чтить память тѣхъ, кто и во мракѣ ночи работалъ для революціи, приготовляя ей путь къ побѣдѣ. Въ общественной и литературной жизни людей западно-европейской страны Волховскій, несомнѣнно, занялъ бы видное мѣсто, какъ смѣлый и послѣдовательный радикалъ съ широкимъ образованіемъ и взглядами. Россія вѣчно будетъ помнить его, какъ второго Герцена, явившагося, несмотря на крайне неблагопріятныя условія, краснорѣчивымъ и безпристрастнымъ истолкователемъ для Европы великой души великаго народа.

Феликсъ Волховскій родился въ Малороссіи въ 1846 г. Въ 1868 г., когда онъ былъ уже студентомъ московскаго университета, ему пришлось испытать первое гоненіе со стороны полиціи. Волховскій принималъ участіе въ подпискѣ на покупку дешевыхъ книгъ по исторіи и политической экономіи, предназначенныхъ для распространенія среди крестьянъ и рабочихъ: нѣкоторые изъ его писемъ были вскрыты. Это повело къ обыску квартиры, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ съ матерью. Ничего обнаружено не было, но тѣмъ не менѣе Волховскій былъ арестованъ и переданъ „Третьему отдѣленію“, которое около семи мѣсяцевъ продержало его въ тюрьмѣ безъ предъявленія обвиненія и безъ всякаго разслѣдованія дѣла,

хотя „допросы“ происходили довольно часто. „Въ теченіе этихъ семи мѣсяцевъ,—вспоминаетъ Волховскій,—каждыя двѣ недѣли, а то и еженедѣльно меня водили на допросъ, производимый въ присутствіи разныхъ генераловъ секретаремъ слѣдственной комиссіи. Допросъ состоялъ въ томъ, что мнѣ старались внушить, будто всѣ мои поступки извѣстны полиціи, а потому единственнымъ шансомъ на смягченіе наказанія для такого ужаснаго преступника является лишь чистосердечное, откровенное признаніе. Если же вмѣсто отвѣта я спрашивалъ, въ чемъ меня обвиняютъ, секретарь говорилъ, что я знаю это не хуже его, и продолжалъ допросъ: знакомъ ли я съ Л.? когда встрѣтилъ его въ первый разъ и когда въ послѣдній? съ кѣмъ онъ вмѣстѣ жилъ изъ товарищей? кто были его друзья и т. д. Черезъ нѣсколько дней я снова долженъ былъ предстать на „слѣдствіе“ съ тою только разницей, что всѣ мои отвѣты были теперь разсмотрѣны и разобраны и могли служить обвиненіемъ противъ меня. Я хорошо зналъ, что малѣйшая неосторожная фраза съ моей стороны была бы истолкована не въ мою пользу, а потому съ безпокойствомъ ждалъ каждаго новаго допроса. Признайся я, что знаю кого-нибудь по имени, и этотъ человѣкъ тотчасъ бы попалъ подъ подозрѣніе, поэтому я уже съ самаго начала держался насторожѣ и старался говорить какъ можно меньше. И все-таки эти допросы въ первое мое тюремное заключеніе не были еще такой пыткой, какой они сдѣлались впослѣдствіи. Я на самомъ дѣлѣ мало кого зналъ, а потому мнѣ почти нечего было скрывать. Но даже тогда, въ

эти скучные мѣсяцы 1868 г., я сталъ бояться вызова къ допросу, какъ настоящей пытки. Послѣ каждаго изъ нихъ я долгое время проводилъ въ обдумываніи предложенныхъ мнѣ коварныхъ вопросовъ, стараясь точно возстановить въ памяти свои отвѣты и ежеминутно опасаясь, что какое-нибудь случайное слово можетъ послужить гибелью невиннаго человѣка. Люди, которые изобрѣли подобную пытку, по праву должны занимать почетное мѣсто въ ряду мучителей. Даже пытки инквизиціи, правда, болѣе звѣрскія, не были столь утонченно жестокими".

Черезъ мѣсяцъ послѣ перевода Волховскаго въ Петропавловскую крѣпость онъ былъ освобожденъ и, разумѣется, еще болѣе приблизился къ революціонерамъ. Въ слѣдующемъ году онъ былъ снова арестованъ въ Москвѣ, гдѣ у него была книжная лавка: арестъ, какъ и раньше, состоялся не только безъ предъявленія обвиненія, но и вообще безъ всякой причины съ его стороны. Пробывъ около трехъ мѣсяцевъ въ грязной тюрьмѣ, при плохомъ питаніи, онъ былъ опять переведенъ въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь ему пришлось просидѣть около года, послѣ чего его перевели въ городскую тюрьму; тюремное заключеніе въ связи съ недостаточнымъ питаніемъ крайне вредно отозвалось на его здоровьѣ. Лишь въ 1872 г., послѣ двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ предварительнаго заключенія, Волховскій предсталъ наконецъ передъ судомъ вмѣстѣ съ 82 другими лицами, обвиняемыми въ прикосновенности къ нечаевскому заговору: всѣ подсудимые были признаны невиновными и освобождены изъ тюрьмы. Вскорѣ по-

слѣ этого Волховскій женился и уѣхалъ сначала на Кавказъ, а потомъ въ Одессу, гдѣ занималъ должность губернскаго письмоводителя. Уже окончательно ставъ за это время крайнимъ и убѣжденнымъ радикаломъ, онъ съ чисто юношескимъ энтузіазмомъ отдался только что народившемуся тогда пропагандистскому движенію. „Совершенно измученный судебнымъ процессомъ,—вспоминаетъ онъ,—я, лишь выйдя на свободу, понялъ и почувствовалъ, до какой степени жестоко можетъ пострадать въ Россіи самый невинный человѣкъ. Въ тюрьмѣ я до того привыкъ къ тишинѣ и молчанію, что чуть не сошелъ съ ума, очутившись на улицѣ. Я не могу найти словъ, чтобы описать то состояніе непреодолимаго возбужденія, въ которое бросила меня жизнь на свободѣ. Мнѣ приходилось употреблять прямо-таки неимовѣрныя усилія, чтобы взять себя въ руки; двухлѣтнимъ пребываніемъ въ тюрьмѣ моя нервная система была совершенно ослаблена и разстроена, и немало времени потребовалось, чтобы привести ее въ порядокъ“.

Въ томъ же году Волховскій былъ арестованъ въ третій разъ и помѣщенъ въ Пугачевскую башню московской центральной тюрьмы. Здѣсь камера его освѣщалась маленькимъ квадратнымъ окошечкомъ, тщательно защищеннымъ, во-первыхъ, большимъ деревяннымъ болтомъ, затѣмъ желѣзной рѣшеткой и наконецъ толстыми проволочными ставнями. „Легко представить себѣ, какъ мало свѣта попадало въ мою келью при такихъ условіяхъ. Я не могъ читать даже лѣтомъ болѣе трехъ часовъ въ день. Положимъ, у меня была

плохая керосиновая лампа, но и съ ея помощью я могъ заниматься около шести часовъ въ сутки. Такимъ образомъ мнѣ приходилось болѣе восемнадцати часовъ проводить въ абсолютной темнотѣ". Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его перевели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ пробылъ около года „въ такомъ уединеніи, которое невозможно себѣ представить". Пища была скверная, крохотное тюремное окошечко загораживалось стѣною крѣпости, прогулки разрѣшались лишь на весьма короткое время, но самымъ ужаснымъ мученіемъ являлась мертвая, абсолютная тишина. Немудрено, что въ такой обстановкѣ здоровье Волховскаго скоро окончательно разстроилось. „Мало-по-малу я почти потерялъ слухъ, вслѣдствіе чего сообщеніе съ другими заключенными посредствомъ постукиванья сдѣлалось для меня положительно невозможнымъ. Проходившій сторожъ изъ жалости разговаривалъ со мной иногда, разумѣется, тихимъ голосомъ, но и отъ этого развлеченія мнѣ скоро пришлось отказаться вслѣдствіе все увеличивающейся глухоты. Вотъ тогда-то понялъ я весь ужасъ одиночнаго заключенія. Между мной и жизнью стояли несокрушимыя стѣны тюрьмы, и часто я по цѣлымъ часамъ въ отчаяніи лежалъ на постели, спрашивая себя, скоро ли наступитъ конецъ моимъ мукамъ. Я почти совсѣмъ разучился говорить, и когда однажды моя мать пришла навѣстить меня, я не могъ сказать ей, что отѣлъ, такъ какъ забылъ самыя обыкновенныя слова и, несмотря на всѣ усилія, никакъ не могъ вспомнить ихъ". Какъ разъ во-время, чтобы спасти его умственныя способности, Волховскаго пе-

ревели въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ онъ и пробылъ до судебнаго разбирательства, послѣдовавшаго 18 октября 1877 г. Въ это именно время произошла извѣстная исторія съ „политическимъ“ Боголюбовымъ, который былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію по распоряженію петербургскаго губернатора, генерала Трепова; Вѣра Засуличъ, молодая дѣвушка, незадолго передъ тѣмъ вернувшаяся на родину, стрѣляла въ него за это, и все русское общество рукоплескало вердикту присяжныхъ, которымъ она была оправдана.

Я уже упоминалъ о „процессѣ 193“, явившимся не только кульминаціоннымъ пунктомъ административнаго произвола, но и той точкой, откуда начинается переходъ отъ сравнительно широкой пропаганды къ открытымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Большая часть арестованныхъ по этому процессу, какъ извѣстно, была освобождена. Левъ Тихоміровъ слѣдующимъ образомъ описываетъ общій видъ заключенныхъ, когда они были, наконецъ, приведены въ залу суда. „Я былъ пораженъ ужасомъ, увидавъ эту огромную толпу. Худые, изнуренные, съ желтыми, осунувшимися лицами и воспаленными глазами, мы походили на какую-то толпу сумасшедшихъ. Заключеніе сдѣлало всѣхъ страшно нервными, больными и раздражительными. Намъ одинаково отказывали въ работѣ и книгахъ, и немудрено, что мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали суда. Одна мысль о безконечныхъ отсрочкахъ, задерживающихъ наше освобожденіе на три, на четыре года доводила насъ чуть не до сумасшествія“. Я уже упоминалъ, что пятеро изъ обвиняемыхъ умерло

въ первые дни слѣдствія. О Волховскомъ Тихоміровъ отзывается такъ: „Онъ казался совершенно изнуреннымъ тюремнымъ заключеніемъ. Съ замѣтной сѣдиной въ волосахъ, почти совсѣмъ оглохшій, онъ чувствовалъ постоянное недомоганье во всемъ тѣлѣ. За нѣсколько недѣль до суда Волховскій получилъ извѣстіе о смерти страстно любимой жены и за это короткое время сдѣлался совершеннымъ старикомъ, хотя ему было немногимъ болѣе тридцати лѣтъ. Старшій по возрасту, онъ былъ наиболѣе даровитымъ и опытнымъ изъ всѣхъ обвиняемыхъ“.

Страданія, причиненныя Волховскому тюремнымъ заключеніемъ, наложили на него неизгладимый отпечатокъ. Три раза подвергавшійся аресту, онъ около семи лѣтъ провелъ въ одиночномъ заключеніи, прежде чѣмъ появиться передъ судомъ, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что этотъ судъ состоялъ изъ спеціально назначенныхъ царемъ сенаторовъ, которые сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы помѣшать возникновенію въ обществѣ симпатіи къ обвиняемымъ: послѣднее оказалось довольно труднымъ, такъ какъ Россія не примирилась еще съ отмѣной реформъ, обѣщанныхъ въ началѣ царствованія. „Намъ задали нѣсколько формальныхъ вопросовъ, послѣ чего Феликсъ Волховскій всталъ и вѣжливо обратился къ предсѣдателю суда съ просьбой разрѣшить ему подойти поближе, такъ какъ вслѣдствіе глухоты на одно ухо онъ плохо слышитъ. Предсѣдатель разрѣшилъ, и Волховскій началъ защитительную рѣчь, въ которой доказывалъ, что сдѣлался жертвой самаго возмутительнаго произвола.

Яркими красками изобразилъ онъ весь ходъ несправедливаго и пристрастнаго судебнаго слѣдствія, разбившаго его жизнь. До сихъ поръ онъ утѣшалъ себя мыслью, что, можетъ быть, гласный судъ, приговоръ котораго сдѣлается достояніемъ общества, накажетъ притѣснителей. Онъ жестоко ошибся, такъ какъ судъ съ первыхъ же шаговъ пересталъ руководиться закономъ.

Здѣсь предсѣдатель остановилъ его, но Волховскій, находившійся въ хорошемъ расположеніи духа, нимало не смутясь, привелъ рядъ параграфовъ изъ Уложенія о наказаніяхъ, неоспоримо доказывавшихъ справедливость его словъ. Въ заключеніе онъ заявилъ, что не довѣряетъ болѣе суду, протестуетъ противъ совершоннаго надъ нимъ насилія и отказывается отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы. Его краткая, блестяще произнесенная рѣчь произвела особенное впечатлѣніе благодаря тому, что даже наиболѣе горькіе упреки по адресу судей были высказаны имъ въ утонченно-вѣжливыхъ выраженіяхъ, полныхъ однако самой злой ироніи.

Предсѣдатель казался очень смущеннымъ, тѣмъ болѣе, что остальные обвиняемые одинъ за другимъ стали заявлять о своей солидарности съ Волховскимъ. Когда судъ приступилъ къ разбору дѣла, каждый изъ насъ по очереди поднимался и объявлялъ, что не довѣряетъ суду, а потому отказывается отвѣчать и проситъ удалить его изъ зала. Предсѣдатель, разумѣется, не согласился на это: тогда мы начали громко разговаривать, смѣяться, кричать и вообще всячески мѣшать продолжать засѣданіе. Въ концѣ-концовъ разсержен-

ный предсѣдатель велѣлъ отвести насъ обратно въ тюрьму, записавъ фамиліи тѣхъ, кто отказался давать показанія. Это насъ, конечно, не испугало... Такъ начался этотъ знаменитый протестъ, продолжавшійся около трехъ мѣсяцевъ, потому что каждая группа обвиняемыхъ протестовала отдѣльно... Въ Петербургѣ только и говорили, что о нашемъ процессѣ; скоро все общество узнало о допущенныхъ по отношенію къ намъ вопіющихъ нарушеніяхъ закона, и мы могли считать себя отомщенными.

Волховскій былъ признанъ виновникомъ въ принадлежности къ тайному обществу, основанному въ цѣляхъ ниспроверженія *въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ* существующей формы правленія. Эта оговорка спасла его отъ смерти: онъ былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ. Послѣднее обозначало, что Волховскій не могъ болѣе заниматься литературной и педагогической дѣятельностью и долженъ былъ искать для себя иныхъ средствъ къ существованію. Къ счастью, полиціи было очень трудно слѣдить за исполненіемъ этого запрещенія.

Въ 1878 г. правила объ обращеніи съ „политическими", какъ съ обыкновенными преступниками, еще не существовало. Когда переѣздъ по желѣзной дорогѣ до Нижняго-Новгорода и водой до Перми кончился, Волховскому и его товарищамъ пришлось вкусить всѣ прелести путешествія въ простой телѣгѣ, при чемъ Волховскій, какъ дворянинъ по происхожденію, не былъ закованъ въ кандалы. Лишь черезъ нѣсколько недѣль добрался онъ до Тюкалинска (Тобольской губерніи), назначеннаго

ему мѣстомъ ссылки; это было небольшое село на сибирской почтовой дорогѣ, состоявшее изъ четырехъ или пяти каменныхъ домовъ и нѣсколькихъ десятковъ бревенчатыхъ избъ. Волховскій пробылъ въ Тюкалинскѣ около четырехъ лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока ему не разрѣшили переѣхать въ Томскъ, гдѣ онъ негласно сотрудничалъ въ одной мѣстной газетѣ. Здѣсь-то и познакомился съ нимъ Кеннанъ.

„Когда я встрѣтился впервые съ Волховскимъ", говоритъ онъ, „ему было около тридцати восьми лѣтъ. Онъ сразу же произвелъ на меня впечатлѣніе въ высшей степени развитого и благороднаго человѣка. Въ совершенствѣ изучивъ англійскій языкъ, Волховскій очень интересовался американской исторіей и литературой и, какъ кажется, много переводилъ изъ Лонгфелло. Это былъ самый умный и милый человѣкъ изъ всѣхъ, какихъ я когда-либо встрѣчалъ въ своей жизни. Здоровье его было сильно расшатано продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ въ Петропавловской крѣпости, волосы преждевременно посѣдѣли и на всемъ лицѣ, въ особенности же въ грустномъ взглядѣ темно-карихъ глазъ, запечатлѣлось выраженіе глубокой тоски".

Разсказъ Кеннана изобилуетъ многими интересными подробностями, ярко обрисовывающими личность Волховскаго. За недостаткомъ мѣста мы не будемъ передавать ихъ здѣсь и прямо перейдемъ къ его послѣдующей судьбѣ. Въ 1888 году Волховскій получилъ разрѣшеніе поселиться въ Иркутскѣ, но оно вскорѣ потомъ было отмѣнено безъ объясненія причинъ; не имѣла успѣха и просьба его о переводѣ въ Троицкосавскъ; тогда Волхов-

кій рѣшился бѣжать. Скопивъ немного денегъ и пріобрѣтя мундиръ армейскаго офицера, онъ смѣло отправился по почтовому тракту въ Читу, сѣлъ на рѣчной пароходъ въ Срѣтенскѣ и, нѣсколько разъ счастливо избѣжавъ ареста, добрался до Уссури; здѣсь ему удалось попасть на англійскій пароходъ, направлявшійся къ Владивостоку, откуда черезъ Ванкуверъ и Вашингтонъ онъ въ іюнѣ 1890 г. добрался до Лондона и послѣ одиннадцати лѣтъ ссылки снова сталъ свободнымъ человѣкомъ.

Въ Россіи за это время произошли большія перемѣны. По мѣрѣ того какъ усиливались репрессивныя мѣры правительства, и революціонное движеніе принимало все болѣе террористическій характеръ. Съ 1876 г. начались убійства шпіоновъ, 24 января 1878 г. послѣдовалъ выстрѣлъ въ Трепова Вѣры Засуличъ, явившійся первымъ покушеніемъ на жизнь высокопоставленнаго чиновника, послѣ чего борьба съ обѣихъ сторонъ сдѣлалась особенно обостренной. Въ отвѣтъ на возмутительный процессъ „193“ и смертную казнь Маріи Ковальской въ Одессѣ 14 августа 1878 г. былъ убитъ въ Петербургѣ среди бѣлаго дня на Невскомъ проспектѣ начальникъ III отдѣленія, генералъ Мезенцевъ. Этотъ террористическій актъ повлекъ за собой многочисленные аресты, а также распоряженіе, чтобы всѣ политическія покушенія на будущее время разбирались военнымъ судомъ. Это не испугало революціонеровъ, и въ февралѣ 1879 г. Гольденбергомъ былъ убитъ харьковскій губернаторъ князь Кропоткинъ *), прославившійся

*) Родственникъ извѣстнаго анархиста, П. А. Кропоткина. *Примѣч. переводчика.*

введеніемъ въ харьковскую центральную тюрьм
самаго варварскаго режима, а 2 апрѣля Соловьев
стрѣлялъ въ самого Александра II, но неудачн
Въ слѣдующіе четыре мѣсяца 13 человѣкъ был
повѣшены въ Петербургѣ, Кіевѣ и Одессѣ—съ тѣх
поръ повѣшеніе прочно укоренилось въ Россі
тюрьмы переполнены арестованными и почти вс
страна объявлена на военномъ положеніи. Тогд
революціонеры рѣшили во что бы то ни стало по
кончить съ царемъ. Лѣтомъ 1879 г. на съѣздах
въ Липецкѣ и Воронежѣ произошло окончательно
распаденіе партіи „Земля и Воля“ на партію „Чер
наго Передѣла“ и „Народной Воли“; исполнитель
ный комитетъ послѣдней партіи имѣлъ въ своем
распоряженіи до сорока семи добровольцевъ, рва
шихся совершить цареубійство, среди которых
были и женщины, какъ, напримѣръ, Софья Перов
ская, Вѣра Фигнеръ, Геся Гельфманъ и др. Сем
надцать мѣсяцевъ—въ Москвѣ, Одессѣ, Алексан
дровскѣ, въ самомъ Зимнемъ дворцѣ—продолжа
лись покушенія на царя, завершившіяся наконец
актомъ 1 марта; Гриневицкій, бросившій въ Але
ксандра II роковую бомбу, самъ былъ убитъ н
мѣстѣ взрыва, а его товарищи: Желябовъ, Перов
ская, Кибальчичъ, Михайловъ и Рысаковъ, погибл
на эшафотѣ.

Отчаянный поединокъ революціонеровъ съ пра
вительствомъ этимъ не кончился. Въ мартѣ 1882 г
былъ убитъ въ Одессѣ извѣстный своею жесто
костью генералъ Стрѣльниковъ, а въ декабр
1883 г. та же участь постигла знаменитаго петер
бургскаго шпіона и сыщика, полковника Судей
кина. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности ре

рлюціонеры старались главнымъ образомъ вы-
зать возмущеніе въ арміи, что имъ до нѣкоторой
тепени удалось. Послѣ раскрытія правительствомъ
ропаганды въ арміи пятнадцать солдатъ петер-
ургскаго гарнизона были отданы подъ судъ, а
ь сентябрѣ 1884 г. послѣдовали многочисленные
ресты между офицерами, повлекшіе за собой
мертную казнь или заключеніе въ Шлиссельбург-
кой крѣпости.

Послѣ массовой потери наиболѣе дѣятельныхъ
энергичныхъ членовъ партія „Народной Воли“
аспалась, и движеніе начало понемногу утихать.
а время царствованія Александра II было каз-
ено тридцать революціонеровъ, число же сослан-
ыхъ въ каторжныя работы или на поселеніе
ужно считать сотнями и тысячами. Сынъ и пре-
ниникъ Александра II, Александръ III, въ пер-
ые же четыре года своего царствованія казнилъ
дну женщину и четырнадцать мужчинъ.

Согласно русскому революціонному альманаху
83 г. исполнительный комитетъ партіи „Народ-
ой Воли“ наканунѣ 1 марта имѣлъ въ своихъ
ядахъ до пятисотъ человѣкъ. Съ марта по ав-
стъ 1881 г. было произведено свыше четырехъ
исячъ политическихъ арестовъ. Простой народъ
е былъ еще готовъ къ возстанію, обезсиленная
нтеллигенція бездѣйствовала. Плеве и Побѣдо-
сцевъ думали, и не безъ основанія, что рево-
юціонному движенію насталъ конецъ. Оба однако
жили до того момента, когда у великаго народа
новой и небывалой еще силой вспыхнуло стре-
леніе къ освобожденію.

IV. Степнякъ и терроризмъ.

Большинство вышедшихъ до сихъ поръ біогра фій Степняка долгое время служило предметом остротъ и смѣха для его друзей. Извѣстная книжк С. М. Драгоманова, посвященная якобы Степняк на самомъ дѣлѣ является чѣмъ-то въ родѣ авт біографіи самого Драгоманова, умершаго полити ческимъ бѣглецомъ въ 1894 г. въ Софіи. На ряд со статьями и книжками, въ сущности только п недоразумѣнію связанными съ именемъ Степняка о немъ написано немало другихъ, продиктован ныхъ нескрываемою непріязнью и ненавистью. Об всемъ этомъ я упоминаю только затѣмъ, чтоб указать на ошибочное представленіе о мнимом тщеславіи и самомнѣніи Степняка, на самом дѣлѣ питавшаго глубокую антипатію ко всяко „извѣстности", добытой вульгарными средствам и пріемами. Въ кругу своихъ друзей, въ свое маленькой квартиркѣ въ Вестъ-Эндѣ, Степняк являлся олицетворенною откровенностью, но чут только разговоръ заходилъ о Россіи, онъ совер шенно забывалъ о себѣ. Благодаря богатому авт біографическому матеріалу, заключающемуся в изданныхъ имъ произведеніяхъ, важнѣйшіе факт бурной и дѣятельной жизни Степняка хорошо и

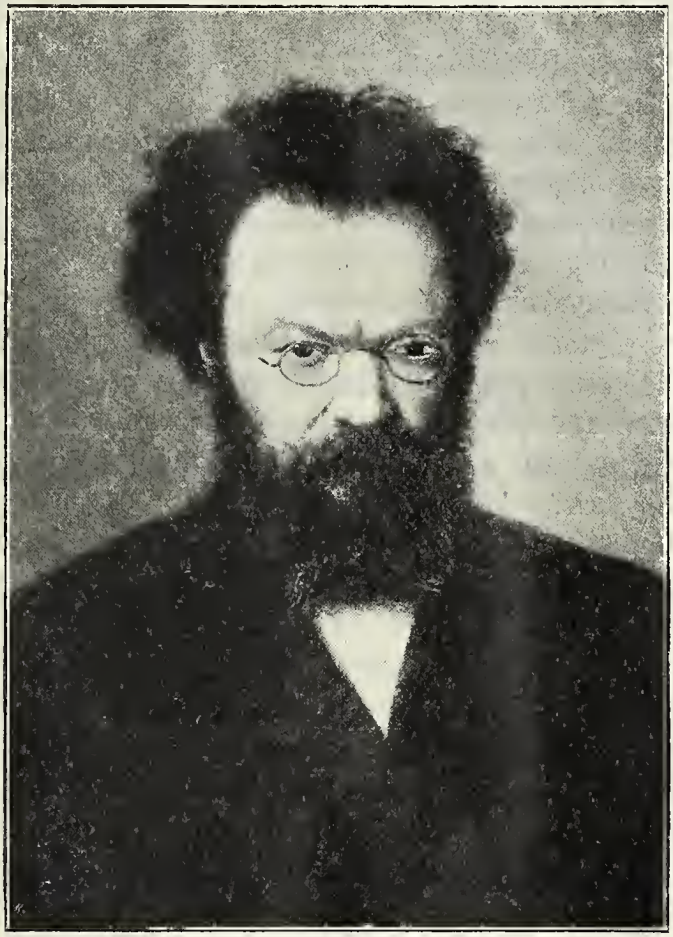
стны не только друзьямъ его, но и вообще
тающей публикѣ.

Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій—таково на-
ящее, хотя и малоизвѣстное имя Степняка—
дился 14 іюня 1852 г. Отецъ его, занимавшійся
ачебной практикой, былъ полу-бѣлоруссъ, полу-
раинецъ по происхожденію. Юность Степняка,
лоть до поступленія его въ военное училище,
отекла безъ особенныхъ событій въ деревенскомъ
микѣ на югѣ Россіи. Въ 1869 г. онъ былъ про-
веденъ въ артиллерійскіе офицеры, послѣ чего
алъ ревностно заниматься пропагандой въ за-
ту угнетенной демократіи, хотя долгое время
встрѣчалъ особеннаго сочувствія у своихъ то-
рищей. Въ 1871 г. онъ вышелъ въ отставку и
имкнулъ къ главному изъ кружковъ „Чайков-
въ", гдѣ былъ однимъ изъ первыхъ революціон-
хъ агитаторовъ среди крестьянъ. Пожертвовавъ
имъ личнымъ счастьемъ революціи, онъ по-
лъ „въ народъ" во имя торжества демократи-
скихъ идей, чтобы помочь мужику встать на
щиту своихъ попранныхъ правъ. Половину
3 г. Степнякъ провелъ среди молоканъ, этихъ
тантовъ-раціоналистовъ, внимательно присма-
иваясь къ ихъ жизни и нравамъ. Въ слѣду-
емъ году онъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ
петербургскому артиллерійскому училищу, от-
внымъ офицеромъ Дмитріемъ Рогачевымъ,
овѣкомъ богатырскаго здоровья и тѣлосложе-
, отправляется въ тверскую губернію подъ ви-
ъ пильщика. Впослѣдствіи это путешествіе
служило основаніемъ легенды о томъ, какъ два
анта пошли по деревнямъ проповѣдывать сво-

боду среди крестьянъ. Вскорѣ однако Степня
и Рогачевъ возбудили подозрѣніе у одного по
щика, не замедлившаго указать на нихъ полиц
послѣ чего оба они были арестованы и подъ к
воемъ отправлены въ ближайшую тюрьму;
счастью, по дорогѣ имъ удалось подкупить одн
изъ стражниковъ, который и помогъ имъ бѣжа
Добравшись до Москвы, Степнякъ нашелъ прі
у Феликса Волховскаго, принимавшаго самое д
тельное участіе въ освободительномъ движе
Послѣдній описываетъ его какъ цвѣтущаго, „у
бающагося юношу, безъ всякихъ слѣдовъ
болѣзненности въ лицѣ, которую онъ пріобрѣ
позднѣе“.

Степнякъ съ жаромъ принялся за составле
популярныхъ книжекъ для народа: въ это вре
имъ между прочимъ была написана имѣвш
большой успѣхъ политическая сказка „Исто
мелкой монеты“. Послѣ своего бѣгства онъ ок
чательно сталъ „нелегальнымъ“ и проживалъ
по паспорту на чужое имя, или и вовсе безъ п
порта. Все это время онъ принималъ самое д
тельное участіе въ пропагандѣ между петербу
скими рабочими, читая для нихъ лекціи по ис
ріи и политической экономіи и организуя круж
и группы, оставившіе замѣтный слѣдъ въ дви
ніи позднѣйшаго періода. Бѣлый терроръ,
стигшій кульминаціонной точки въ послѣд
годы царствованія Александра II, дѣлалъ сов
шенно невозможной всякую попытку пропаган
это однако не могло задавить движенія, и стр
ная эпоха репрессій привела революціонеровъ
убійству царя. Степнякъ, глубоко возмущен

вѣстіями о пыткахъ и оскорбленіяхъ, которымъ
товарищи подвергались въ казематахъ, бро-
лся въ неравную борьбу съ пыломъ и опытно-



С. Степнякъ (Кравчинскій).

ю прирожденнаго заговорщика. Теперь еще не
мя вполнѣ откровенно говорить о его жизни и
тельности въ Петербургѣ между 1875 и 1876 гг.
аничусь замѣчаніемъ, что планъ побѣга князя

Кропоткина изъ Николаевскаго тюремнаго госп
таля принадлежалъ Степняку, на долю же Кр
поткина осталось лишь выполненіе его во всѣ
деталяхъ. Джорджъ Кеннанъ однако говори
мнѣ, что на самомъ дѣлѣ этотъ планъ составле
докторомъ Веймаромъ *). Другое предпріятіе
кого же характера, иниціаторомъ котораго явил
Степнякъ, кончилось, къ сожалѣнію, неудачей, хо
и не по его винѣ. Разсказъ объ этомъ приключ
ніи я слышалъ отъ Феликса Волховскаго, бывша
въ немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.
время тюремнаго заключенія въ Москвѣ Волхо
скому удалось завязать сношенія съ оставшими
на свободѣ друзьями, главнымъ образомъ со Сте
пякомъ, который уже перешелъ на „нелегальн
положеніе“ и дѣятельно разыскивался полиці
Волховскій долженъ былъ заявить о своемъ я
ланіи признаться во всемъ, для чего его времен
вызвали бы изъ тюрьмы. На дорогѣ Волховска
ожидалъ бы Степнякъ въ легкихъ санкахъ, д
браться до которыхъ арестанту предстояло само
Какъ на грѣхъ Степняку пришлось экстрен
уѣхать въ Петербургъ, а замѣститель его дале
не оказался на высотѣ своего положенія. Волхо
скій, которому не удалось, къ несчастью, засыпа
жандармамъ глаза табакомъ, кое-какъ добрал
однако до спасительныхъ санокъ, но не успѣ
еще отъѣхать, какъ его схватили и потащили о
ратно въ тюрьму, гдѣ ему пришлось отбыва
усиленное наказаніе.

---

*) Одинъ изъ лучшихъ врачей Петербурга, другъ императри
впослѣдствіи умершій въ ссылкѣ, въ Сибири.

Въ лагерѣ мстителей за поруганное человѣче-
кое достоинство такой человѣкъ, какъ Степнякъ,
ъ его неисчерпаемымъ запасомъ находчивости и
ергіи, не могъ, разумѣется, остаться незамѣ-
ннымъ. Скоро онъ сталъ однимъ изъ наиболѣе
дныхъ членовъ революціонной партіи, которому
ручались самыя безнадежныя и рискованныя
едпріятія и ввѣрялись сокровеннѣйшія тайны.
есною 1878 года онъ вмѣстѣ съ Зунделевичемъ
овезъ контрабандой въ Россію шрифтъ и все
обходимое для устройства тайной типографіи,
слѣ чего принималъ дѣятельное участіе въ ре-
люціонномъ журналѣ „Земля и Воля“ (первый
меръ появился въ августѣ 1878 г.), печатав-
емся подъ носомъ у полиціи въ самомъ центрѣ
етербурга.

Степняку не пришлось принимать личнаго уча-
ія въ борьбѣ террористовъ съ правительствомъ.
олиція такъ настойчиво искала его по всѣмъ
ламъ, что ему посовѣтовали хотя бы на корот-
е время уѣхать въ Женеву. Замѣшанный въ
мыхъ опасныхъ и отважныхъ революціонныхъ
едпріятіяхъ, онъ тѣмъ не менѣе долго коле-
лся въ выборѣ между возможностью ареста и
играціей. Лишь по настоятельному требованію
варищей, давшихъ ему какое-то спеціальное по-
ченіе, Степнякъ оставилъ родину. Постоянно
няя свое мѣстопребываніе, онъ всячески ста-
лся возбудить въ Европѣ сочувствіе и симпатіи
жертвамъ царизма. Американское и англійское
щества „Друзей русскаго освобожденія“ лучше
его свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ его пропа-
ды въ этомъ направленіи. Степнякъ же явился

основателемъ „фонда русской свободной пресс
въ Лондонѣ (1891 г.). Этотъ фондъ между пр
чимъ поддерживается многочисленными пожер
вованіями со стороны лицъ, хотя и не замѣша
ныхъ непосредственно въ революціонномъ движ
ніи, но тѣмъ не менѣе стремящихся удовлетв
рить потребность въ свободной прессѣ путем
контрабандпаго провоза черезъ границу „запр
щенной“ литературы. Личная дань Степняка эт
литературѣ „бури и натиска“ велика и общеи
вѣстна. Послѣ своего бѣгства въ 1880 г. онъ п
шетъ серію „Революціонныхъ профилей“ и „Оче
ковъ изъ жизни революціонеровъ“ (издано под
заглавіемъ „Подпольная Россія“). Это произведен
полное драматизма и вызывающее глубокое уч
стіе къ судьбѣ благородныхъ борцовъ за народну
свободу, появилось въ Англіи въ 1882 г. въ пер
водѣ съ итальянскаго. Вслѣдъ за „Подпольн
Россіей“, вскорѣ послѣ пріѣзда Степняка въ А
глію, въ 1884 г. были изданы: „Русское крестья
ство“, „Россія подъ властью царей“, „Русская гр
зовая туча“, романъ „Карьера нигилиста“, „Н
гилизмъ, какъ онъ есть“ (переводъ русскихъ пол
тическихъ памфлетовъ Степняка съ предисловіем
д-ра Спенса Уотсона) и „Король-бревно и Корол
аистъ: очерки современной Россіи“.

23 декабря 1895 г. я былъ несказанно поражен
узнавъ отъ Феликса Волховскаго, друга и сосѣ
Степняка, о его смерти. Близорукій и разсѣянны
онъ былъ настигнутъ поѣздомъ, пересѣкающим
Бедфордъ-паркъ, близъ котораго находилась е
квартира. Степнякъ былъ женатъ, но дѣтей у не
не было. Выраженія симпатіи и поклоненія, ко

рыми сопровождались его похороны, никогда не изгладятся изъ моей памяти. Несмѣтное количество вѣнковъ, писемъ и телеграммъ было получено отъ русскихъ эмигрантовъ въ Швейцаріи, Германіи, Парижѣ, Вѣнѣ и Нью-Іоркѣ, отъ армянскихъ и польскихъ революціонныхъ партій, отъ англичанъ самыхъ разнообразныхъ ранговъ и положеній, начиная съ профессоровъ университета и членовъ парламента и кончая священнослужителями.

Отъ того дома, гдѣ Николай Чайковскій произнесъ блестящую рѣчь, обращенную къ товарищамъ-эмигрантамъ, процессія направилась по дорогѣ къ Ватерлоо. Здѣсь печаль, вызванная личной и національной утратой, уступила свое мѣсто выраженіямъ растущаго чувства международнаго демократизма. Это было еще болѣе трогательное зрѣлище, чѣмъ извѣстныя сцены, разыгравшіяся на англійской почвѣ во время Гарибальди. Изъ Уайтчепеля вышла процессія русскихъ евреевъ съ лентами, черными и красными флагами; женщины несли вѣнки въ память „врага произвола“ и „борца за свободу“. Передъ громадной толпой, наполнившей паперть и южный дворъ часовни, Волховскимъ и княземъ Кропоткинымъ были произнесены краткія рѣчи; послѣ нихъ говорилъ д-ръ Спенсъ Уотсонъ отъ имени „Общества друзей русской свободы“, Бернштейнъ — отъ лица германской соціалъ-демократіи; затѣмъ Малатеста, представлявшій итальянскихъ соціалистовъ, Аветисъ Назарбекъ (по-французски) отъ имени армянской революціонной партіи, Каганъ (по-еврейски) въ качествѣ представителя евреевъ восточной окраины

Лондона; былъ ораторъ и отъ партіи польскихъ революціонеровъ; Вильямъ Моррисъ, Джонъ Бернсъ, II., Гербертъ Бюрровъ и Феликсъ Мошелесъ представляли британскія демократическія партіи; въ числѣ присутствовавшихъ русскихъ были Георгій Лазаревъ и Вѣра Засуличъ. Несмотря на дождь и грязь, около двухсотъ друзей шли отъ часовни къ крематоріуму. Сидя въ темноватой часовнѣ Уокингъ въ ожиданіи обряда сожженія, я почувствовалъ гордость при мысли, что Англія до сихъ поръ является убѣжищемъ свободы какъ для ея собственныхъ сыновъ, такъ и для изгнанниковъ менѣе счастливыхъ странъ. Само англійское общество, въ особенности мало сознательные его слои, выиграло отъ этого гостепріимства. Знакомство съ такимъ человѣкомъ, какъ Степнякъ, уже само по себѣ склоняетъ мысль въ сторону либерализма. Болѣе или менѣе близкія отношенія съ нимъ дали совершенно другой оборотъ жизни многихъ англичанъ; знакомство съ Степнякомъ расширило ихъ политическіе и соціальные горизонты, озарило романтическимъ свѣтомъ ихъ будничныя и подчасъ узко-эгоистическія хлопоты; оно дало сильный толчокъ развитію чувствъ международной отвѣтственности и братства. Дѣло, представителемъ котораго являлся Степнякъ, сдѣлало значительный шагъ впередъ; стадія, достигнутая имъ въ настоящее время, далеко превзошла всѣ ожиданія Степняка: дѣло его встрѣтило сочувствіе во всѣхъ концахъ міра. Личность Степняка была далеко не заурядной; онъ сочеталъ въ своемъ характерѣ громадную силу воли съ изумительною чуткостью.

Смерть этого молодого и полнаго силъ человѣка была невознаградимой утратой не для однихъ только его соотечественниковъ. На людей, не знавшихъ его, Степнякъ при первой встрѣчѣ производилъ впечатлѣніе человѣка угрюмаго и суроваго. Но онъ былъ далеко не таковъ въ дѣйствительности. Онъ казался непривѣтливымъ прежде всего вслѣдствіе свойственной ему проницательности, хотя и въ самомъ дѣлѣ былъ нѣсколько задумчивъ. Наиболѣе распространенныя фотографіи Степняка, на которыхъ онъ изображенъ съ суровымъ и даже нѣсколько устрашающимъ выраженіемъ лица, вовсе не передаютъ нѣкоторыхъ чертъ его характера, хорошо извѣстныхъ друзьямъ Степняка. Эти фотографіи говорятъ намъ о вулканической силѣ и рѣшительности характера Степняка, но на нихъ совершенно незамѣтны свойственныя его характеру черты гуманности, великодушія и деликатности. Я припоминаю нѣсколько примѣровъ, обрисовывающихъ эти стороны его характера.

Отношенія его къ животнымъ и дѣтямъ отличались особою нѣжностью. Когда юный Максъ Г. (котораго вмѣстѣ съ отцомъ выбросила изъ Россіи волна анти-семитскаго движенія) еще только завоевывалъ симпатіи лондонскаго музыкальнаго міра, Степнякъ неустанно заботился о его поддержкѣ, и знаменитый впослѣдствіи эмигрантъ дѣлилъ свое время между изданіемъ и редактированіемъ „Свободной Россіи“ и уроками математики, которые онъ давалъ этому развитому не по лѣтамъ мальчику. При этомъ Степнякъ пользовался классной доской, приготовленной его собственными руками. Ловко владѣя плотничьими инструмен-

тами, Степнякъ этимъ больше гордился, чѣмъ своею способностью писать повѣсти на чуждомъ ему языкѣ. Подобно всѣмъ русскимъ товарищамъ, онъ былъ очень скроменъ; простота его жизни еще болѣе усиливала впечатлѣніе, производимое въ Англіи распространенными разсказами о его наивномъ пропагандистскомъ движеніи 76-хъ годовъ въ Россіи, когда молодой Кравчинскій принялъ свое боевое крещеніе. Въ своихъ симпатіяхъ, какъ и въ своихъ вкусахъ, Степнякъ былъ чуждъ какихъ-либо предразсудковъ. Не всякое демократическое движеніе могло разсчитывать на его энергическую поддержку и, высказываясь за то или другое движеніе, онъ съ удивительною ловкостью умѣлъ схватить сущность новыхъ методовъ, вошедшихъ въ обычай на свободномъ Западѣ. У меня сохранилась запись одной изъ нашихъ бесѣдъ, относящаяся къ тому времени, когда Степнякъ жилъ въ St. John's Wood. Это было въ 1890 году. Рѣчь шла объ ирландскомъ гомрулѣ, объ отношеніяхъ между Бисмаркомъ и императоромъ, объ унизительной роли Франціи, заигрывающей съ русскимъ самодержавіемъ; далѣе разговоръ коснулся вопроса о русскомъ воспитаніи, и при этомъ было сдѣлано характерное замѣчаніе о томъ, что, если бы не текущіе вопросы человѣческой жизни, Степнякъ, по естественному влеченію своей натуры, отдался бы скорѣе литературѣ, чѣмъ политикѣ. Послѣ своей не совсѣмъ удачной поѣздки въ Америку, куда онъ отправился въ качествѣ лектора, Степнякъ поселился въ Бедфордскомъ паркѣ. Здѣсь въ своемъ прелестномъ домикѣ онъ проживалъ все время, до самой своей смерти, съ нѣко-

горыми лишь перерывами, когда онъ выѣзжалъ на дачу въ Сюррей. Его домикъ былъ доступенъ для всѣхъ нуждавшихся въ помощи иностранцевъ. Евреи, поляки, штундисты, армяне—всѣ находили у него поддержку, и его сильное перо всегда было къ ихъ услугамъ.

Предо мной лежитъ длинный манускриптъ, написанный собственной его рукой и присланный имъ ко мнѣ для распространенія. Эта рукопись полна мучительныхъ напоминаній о фактахъ, которые въ памяти потомства придадутъ нашей эпохѣ отпечатокъ одного изъ самыхъ позорныхъ періодовъ европейской исторіи. Она представляетъ собой переводъ текста „Протеста киликійскихъ арестованныхъ передъ лицомъ великихъ европейскихъ державъ“, помѣченнаго августомъ 1892 года; мѣсто его составленія — центральная тюрьма въ Алеппо. Въ этомъ заявленіи приводятся случаи возмутительнаго произвола турецкихъ властей въ городѣ Zeitun'ѣ, гдѣ уже въ 1866 году господство мусульманской тираніи привело къ революціонной вспышкѣ. Кромѣ того, Степнякъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ англійскаго рабочаго движенія. Подъ очень замѣтнимъ вліяніемъ Степняка, въ ранній періодъ его жизни, русская радикальная пропаганда отрѣшилась отъ Бакунинскаго анархизма и приняла общее соціалистическое направленіе.

Степнякъ былъ послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ соціалистомъ и состоялъ членомъ Фабіанскаго общества. Его соціализмъ былъ трезвымъ, логически продуманнымъ выводомъ; правильнымъ или ложнымъ—другой вопросъ. Было бы въ выс-

шей степени несправедливо представлять себѣ Степняка фанатикомъ.

Признаніе коренного различія между крестьянскими и пролетарскими слоями, такъ долго тормозившее революціонное движеніе въ Россіи, было совершенно недоступно пониманію. Считая объединеніе этихъ двухъ революціонныхъ силъ существеннымъ условіемъ успѣха, Степнякъ настаивалъ, что нужно пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ для совмѣстной дѣятельности революціонеровъ и либеральныхъ противниковъ олигархіи. Степнякъ былъ практическимъ политикомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Даже въ то бурное время, когда въ Россіи самыя крайнія средства выдавались за единственно разумный образъ дѣйствій, Степнякъ находилъ, что революціонное движеніе должно быть отведено въ политическое русло. Въ спокойные дни жизни Степняка въ Англіи сужденія его о явленіяхъ русской и международной политической жизни отличались осторожностью, строгою объективностью и здравымъ смысломъ; рецензентъ послѣдней его книги вполнѣ правъ, говоря, что Степнякъ въ русскомъ парламентѣ занялъ бы одно изъ видныхъ мѣстъ просто въ силу присущихъ ему качествъ государственнаго человѣка. Можно бы много привести примѣровъ, рисующихъ его объективность и энциклопедическія познанія. Политическія воззрѣнія Степняка составляли прямую противоположность взглядамъ Бакунина; но онъ былъ знакомъ съ отцомъ философскаго анархизма и хорошо зналъ всѣ тонкости трактуемыхъ имъ вопросовъ; поэтому, принявъ во вниманіе и то и другое, онъ могъ дать

вполнѣ безпристрастную оцѣнку какъ личности Бакунина, такъ и его воззрѣніямъ.

Я имѣлъ съ нимъ длинный разговоръ на эту тему по поводу инсинуацій Феликса Дюбуа, автора книги „Анархистская опасность“; Степнякъ рѣшительно отвергаетъ мысль, будто Бакунинъ былъ интриганомъ, предателемъ и даже шпіономъ. Панславизмъ Бакунина, по его мнѣнію, былъ совершенно послѣдовательнымъ, радикальнымъ и демократическимъ міросозерцаніемъ; его панславизмъ никоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ позднѣйшимъ панславизмомъ самодержавія и православія. Степнякъ считаетъ Бакунина наивнымъ, но безусловно честнымъ человѣкомъ, и Бакунинъ, по его мнѣнію, до самой смерти остался вѣренъ своимъ идеямъ. Онъ подтвердилъ, что Бакунинъ никогда не пользовался особымъ покровительствомъ ни короля саксонскаго, ни австрійскаго, ни русскаго правительства и никогда онъ не былъ на подозрѣніи у тогдашнихъ русскихъ революціонеровъ, жившихъ въ Лондонѣ. Идеи Бакунина, прибавилъ онъ, имѣли широкое распространеніе въ Россіи только въ теченіе четырехъ лѣтъ (1874—78), и „безъ преувеличенія можно сказать, что въ настоящее время въ Россіи вовсе нѣтъ анархизма“. Но не изъ одного только интереса къ политическому прошлому Степняка и его обширнымъ познаніямъ всѣ собирались у него. Хотя и трудно было немного вызвать Степняка на разговоръ объ интересующихъ его вопросахъ, но, несомнѣнно, онъ слѣдилъ за всѣми новостями въ области литературы и искусства и обнаруживалъ при этомъ удивительную критическую проница-

тельность. Онъ могъ говорить о самыхъ знаменитыхъ англійскихъ писателяхъ, въ особенности о Теккереѣ, Диккенсѣ и Джорджѣ Мередитѣ, у котораго онъ былъ очень хорошо принятъ; въ этихъ бесѣдахъ онъ обнаруживалъ такое знаніе дѣла и такую мѣткость сужденій, которыя поставили бы въ неловкое положеніе любого средняго англичанина; но эта неловкость смѣнилась бы полнымъ смущеніемъ, когда Степнякъ отъ великихъ представителей нашей литературы перешелъ бы къ писателямъ, музыкантамъ и художникамъ Германіи и Франціи.

Ему случилось однажды прочесть импровизированную лекцію о русской литературѣ въ одномъ кружкѣ лондонской богемы, извѣстномъ подъ именемъ „The Cemented Bricks". Эта лекція представляла собой самый ясный и прелестный очеркъ русской литературы, какой только мнѣ приходилось встрѣчать. Но его лекціи не всегда имѣли успѣхъ. Помимо этого, онъ больше всего извѣстенъ какъ плодовитый писатель, если оставить въ сторонѣ его роль, какъ одного изъ дѣятелей „динамическаго періода" русскаго революціоннаго движенія, о чемъ намъ еще придется говорить. Его повѣсть „Карьера нигилиста", какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, носитъ въ значительной степени автобіографическій характеръ.

Теперь уже ни для кого не тайна, что Степнякъ наканунѣ выхода въ свѣтъ своей штундистской повѣсти „Великій путь печали" рѣшилъ снять съ обложки свое имя и подписать ее именемъ миссъ Гесбы Стреттонъ. Онъ перевелъ томъ произведеній русскаго беллетриста Короленко, и это напо-

минаетъ мнѣ, что въ неправовѣрномъ салонѣ Степняка я встрѣчалъ немало „легальныхъ“ русскихъ; гостепріимствомъ эмигранта пользовался и д-ръ Брандесъ, извѣстный датскій критикъ, и многія другія замѣчательныя лица.

Къ сожалѣнію, едва ли когда будетъ написана точная и подробная біографія этого необыкновеннаго человѣка. Но отсутствіе біографіи Степняка до нѣкоторой степени восполняется тѣмъ обстоятельствомъ, что бо́льшая часть его книгъ богата автобіографическимъ элементомъ. Такъ, въ „Подпольной Россіи“ и указанной выше повѣсти мы имѣемъ, по меньшей мѣрѣ, обобщенное и идеализированное изображеніе прошлаго Степняка. Но съ другой стороны, благодаря именно отсутствію точныхъ свѣдѣній о Степнякѣ, о его жизни циркулируетъ немало совершенно невѣрныхъ и подчасъ злонамѣренныхъ разсказовъ, которые не могутъ не смущать историка.

Одну изъ подобныхъ инсинуацій, внушенную, очевидно, желаніемъ отомстить, представляетъ распространенный въ первой половинѣ 1894 года памфлетъ, подъ названіемъ „Русскій меморандумъ“, и изложеніе въ существенныхъ чертахъ его содержанія, появившееся въ „New Review“ за январь того же года, за подписью „Ивановъ“. Памфлетъ помѣченъ ноябремъ 1892 года; но многія извѣстныя въ Лондонѣ лица получили его изъ Парижа четырнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ указанной даты. „Общество друзей русской свободы“ обвинялось этимъ памфлетомъ въ собираніи средствъ „для организаціи динамитныхъ заговоровъ въ Россіи“. Степнякъ же, говорилось въ этомъ памфлетѣ,

выдавая себя сторонникомъ англійскаго конституціонализма и беря англійское золото, въ то же время подготовляетъ террористическое движеніе въ Россіи путемъ своихъ брошюръ, издаваемыхъ имъ и фондомъ свободной русской прессы. Ни одинъ безпристрастный человѣкъ, хорошо знающій Степняка, не можетъ ни на минуту заподозрѣть его въ приписываемыхъ ему неблаговидныхъ намѣреніяхъ.

На самомъ же дѣлѣ онъ всегда думалъ, что только люди, живущіе въ предѣлахъ имперіи, отвѣчаютъ и могутъ отвѣчать за форму и направленіе революціоннаго движенія; всякое же подстрекательство почему-либо, въ родѣ терроризма изъ-за границы, по его мнѣнію, было бы столь же позорно, какъ и безполезно. Какъ только стали распространяться подобныя инсинуаціи, Степнякъ на этотъ разъ рѣшилъ не ограничиваться гордымъ и презрительнымъ молчаніемъ, какъ онъ всегда поступалъ при появленіи въ англійскомъ переводѣ памфлетовъ, содержащихъ нападки на его личность.

Его отвѣтъ, подъ названіемъ „Нигилизмъ, какъ онъ есть“, появился съ предисловіемъ д-ра Спенса Уотсона и съ другими дополненіями. Что касается вопроса объ отношеніяхъ Степняка къ терроризму, то, несомнѣнно, мнѣніе его по этому вопросу не осталось неизмѣннымъ, когда стали очевидны недостатки тактики крайнихъ средствъ; поэтому онъ сталъ все больше склоняться къ признанію англійскихъ идей и методовъ.

Въ сущности онъ никогда не разставался съ первоначальной своей моральной точкой зрѣнія; но есть большая разница въ томъ, когда онъ безъ

всякихъ оговорокъ превозноситъ тактику крайнихъ мѣръ въ „Подпольной Россіи“, первой его книгѣ, и заключительными страницами книги, оконченной имъ всего за нѣсколько дней до смерти. Указанная разница находитъ свое объясненіе въ измѣнившихся условіяхъ,—съ этимъ не можетъ не согласиться безпристрастный наблюдатель. Для гражданина всякаго государства съ прочно установившимся конституціоннымъ режимомъ нѣтъ, быть можетъ, ничего труднѣе, какъ признать, что заговорщикъ вообще—не говоря уже о террористѣ—можетъ быть, въ сущности, благонамѣреннымъ человѣкомъ и представить изъ себя моральную силу. Ничего вообще нельзя имѣть противъ существованія подобнаго предразсудка; милитаризмъ и привилегіи военнаго сословія при этомъ условіи не могутъ пустить глубокихъ корней; ихъ мѣсто занимаютъ наемники, состоящіе на жалованьѣ у народа. Но способы дѣйствія могутъ быть весьма различны—нелишне время отъ времени напоминать это—и разумные люди, отвергая или принимая ихъ, опираются на конкретныя условія каждаго отдѣльнаго строя, представленныя на судъ общественнаго разумѣнія и совѣсти. Мы, англичане, слишкомъ бѣдны историческимъ воображеніемъ, чтобы справиться съ этой трудной задачей объективной, безпристрастной оцѣнки. Но рѣчи, произнесенныя надъ останками Сергѣя Степняка, дѣлаютъ вполнѣ законнымъ вопросъ, предъявляемый британскимъ здравымъ смысломъ: чѣмъ же собственно замѣчательны личность и жизнь этого человѣка? Если бы мы не были такъ увѣрены въ сдержанности и разсудительности англійскаго ха-

рактера, мы не могли бы не видѣть опасности, заключающейся въ неразборчивомъ культивированіи подобныхъ чувствъ. Степнякъ выдавался среди другихъ политическихъ эмигрантовъ искреннимъ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ нашимъ идеямъ и учрежденіямъ; въ личномъ его характерѣ также было не мало замѣчательныхъ чертъ: онъ былъ проникнутъ сознаніемъ своего достоинства, и его собственная личность очень высоко стояла въ его глазахъ; характеръ его представлялъ собой своеобразное сочетаніе силы воли и крайней отзывчивости; разсудительность въ его характерѣ не исключала твердости. Радушный пріемъ, оказываемый Англіей во имя свободы изгнанникамъ менѣе счастливыхъ странъ, имѣетъ свои основанія и доступенъ далеко не всѣмъ.

Личный обмѣнъ мыслей съ Степнякомъ въ теченіе того времени, пока онъ жилъ въ Англіи, невольно приводитъ независимаго изслѣдователя къ цѣлому ряду выводовъ, къ которымъ его не скоро привелъ бы обычный методъ изслѣдованія. Изслѣдованіе, направляемое этими бесѣдами, даетъ возможность нарисовать правдивую картину одной изъ самыхъ бурныхъ эпохъ новѣйшей исторіи. Періодъ активной революціи въ своихъ типическихъ и характерныхъ чертахъ какъ въ фокусѣ отразился въ личности Степняка и различныхъ перипетіяхъ его жизни. Онъ принесъ съ собой на нашъ островъ частичку жизни своей родины въ ея, такъ сказать, чистомъ видѣ. По счастливому для него и для насъ стеченію обстоятельствъ Степнякъ сумѣлъ блестяще завершить пережитый имъ періодъ національнаго развитія. Освѣщая

историческій годъ событій, онъ оставилъ въ оправданіе своей дѣятельности такое наслѣдство, какъ немногіе политическіе дѣятели. Предо мной лежатъ три литературныхъ произведенія Степняка, трактующія о терроризмѣ. Первое представляетъ собою необработанныя, хотя и захватывающія рапсодіи—„Подпольная Россія“. Въ интересахъ справедливой оцѣнки этого сочиненія, которое, быть можетъ, болѣе всего способствовало популярности автора, нужно замѣтить, что оно было написано за границей въ то бурное время, когда описываемая нами война достигла своего апогея; по формѣ это фельетоны, писанные для одной итальянской газеты. Болѣе трезвые взгляды высказываются въ статьѣ, напечатанной въ „Contemporary“ за мартъ 1884 г. въ этой статьѣ проводится рѣзкое различіе между динамитнымъ терроризмомъ на свободномъ Западѣ и терроризмомъ, какъ единственно возможнымъ до сихъ поръ средствомъ борьбы противъ грубаго деспотизма. Въ сочиненіи, выпущенномъ Степнякомъ въ свѣтъ за нѣсколько дней до своей смерти, подъ заглавіемъ „Король-бревно и Король-аистъ“, вліяніе зрѣлаго размышленія и англійскихъ условій сказывается еще сильнѣе. На этомъ мы прерываемъ наше изложеніе, предоставляя слово самому Степняку и его товарищамъ, слова которыхъ должны встрѣтить сочувствіе всѣхъ гуманныхъ и хорошихъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. „Терроризмъ,—писалъ Степнякъ,—является худшимъ изъ всѣхъ методовъ революціонной борьбы; но есть нѣчто еще болѣе худшее—это рабская покорность и отсутствіе всякаго протеста. Въ возрожденіи

терроризма мы должны видѣть только несчастье для Россіи. Но еще большимъ несчастьемъ для Россіи было бы, если бы она оказалась не въ состояніи путемъ протеста создать что-нибудь болѣе прочное, чѣмъ терроризмъ. Въ настоящее время это только одно изъ средствъ предупредить возможность подобной вспышки и дать надлежащее направленіе народному движенію въ самомъ его началѣ. Всѣмъ партіямъ, борющимся за освобожденіе, слѣдуетъ воспользоваться теперешнимъ временнымъ затишьемъ и рядомъ смѣлыхъ и энергичныхъ дѣйствій заставить готовое рухнуть правительство перемѣнить направленіе своей политики". Когда умеръ Степнякъ, Кропоткинъ такъ писалъ о немъ: „Онъ вѣрилъ въ народное движеніе; но въ то же самое время онъ думалъ, что подобное движеніе можетъ застать народъ неподготовленнымъ. Ему ненавистенъ былъ рабскій духъ, въ какихъ бы онъ формахъ ни проявлялся. Онъ ненавидѣлъ стѣсненіе индивидуальной свободы всюду, гдѣ только его встрѣчалъ: въ общественной жизни и семьѣ, въ политическихъ и партійныхъ организаціяхъ. Чувство личнаго страха было ему неизвѣстно. Въ немъ не было никакого тщеславія. Онъ не понималъ чувства партійности; онъ твердо держался своего мнѣнія, но въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что ни одно великое дѣло не можетъ быть результатомъ дѣятельности одной только партіи; по его глубокому убѣжденію, для успѣха великихъ соціальныхъ переворотовъ необходимы усилія различныхъ партій; ни одна изъ нихъ не можетъ быть устранена и онѣ должны тратить свои силы не на борьбу

между собой, а идти, каждая своимъ путемъ, къ одной общей цѣли—освобожденію. И все это было въ немъ не теоретическимъ только убѣжденіемъ, а было заложено въ глубинѣ его существа, въ томъ чувствѣ справедливости, которое ему было врождено. Во время бесѣды съ человѣкомъ совершенно противоположныхъ взглядовъ въ умныхъ и привѣтливыхъ глазахъ Степняка свѣтилось глубокое пониманіе самыхъ тонкихъ движеній ума и сердца его собесѣдника. Между его собственной психикой и взглядами и чувствами другого человѣка устанавливалось такое полное соотвѣтствіе, на какое способны только великіе поэты". Покойный профессоръ Іоркъ Поуэлль писалъ: „Я зналъ Сергѣя Степняка, какъ очаровательнаго собесѣдника и тонкаго цѣнителя и критика литературы. Сужденія его отличались полною искренностью и здравымъ смысломъ; на все онъ старался установить самую правильную точку зрѣнія. Этими чертами своего характера и своею способностью читать на многихъ языкахъ (я думаю, онъ могъ читать на всѣхъ европейскихъ языкахъ, кромѣ баскскаго) онъ напоминалъ мнѣ моего учителя Гудбранда Вигфуссона. Онъ на лету схватывалъ мысли другихъ и понималъ ихъ взгляды. Онъ или молчалъ, или же говорилъ прямо и откровенно, никогда не стѣсняясь высказывать всю правду, какъ онъ ее чувствовалъ и понималъ, но въ такой благородной и вѣжливой формѣ, что даже люди самые обидчивые не могли ничего имѣть противъ него. Онъ много работалъ, былъ очень настойчивъ и строгъ къ самому себѣ; про-

живи онъ дольше, я убѣжденъ, онъ могъ бы сдѣлать цѣнный вкладъ въ литературу. Правдивый, безкорыстный, до щепетильности справедливый, отзывчивый, твердый и разсудительный во всѣхъ своихъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, онъ былъ въ то же время единственнымъ человѣкомъ, чуждымъ всякаго тщеславія и пошлости, какого я только зналъ. Д-ръ Спенсъ Уотсонъ рисуетъ другой портретъ этой „прекрасной, талантливой и сильной натуры“: „Когда въ Англію приходили извѣстія, что мадамъ Сигида не могла устоять подъ гнетомъ жестокостей и оскорбленій, которыя ей приходилось переносить, Степнякъ страшно страдалъ. Я увидѣлъ тогда въ немъ человѣка, бывшаго душой великаго террористическаго движенія, мщенія, объявленнаго угнетенными ихъ угнетателямъ, суроваго, отважнаго и непреклоннаго мстителя за зло, причиненное грубой силой. Это былъ величественный и грозный образъ“. Д-ръ Уотсонъ прибавляетъ: „Я не буду говорить объ этой великой утратѣ, понесенной дѣломъ свободы. Всѣ наши великіе люди умираютъ, дѣло же ихъ безсмертно. Тяжела участь эмигранта. У него бываютъ друзья, но гдѣ тѣ, съ которыми онъ провелъ свою юность? Ландшафтъ прекрасенъ, но все же не родной. Однако страна, пріютившая эмигранта, можетъ уважать и любить его, но это, въ лучшемъ случаѣ,—чужая сторона. А по временамъ она бываетъ очень жестокой. Лишенія, судебные процессы, оскорбленія, непріятности, среди которыхъ приходится проводить свою жизнь людямъ этого сорта, безчислен-

ны. Выслѣживаемые иностранными шпіонами, посѣщаемые и допрашиваемые англійскими полисменами, дружественныя отношенія которыхъ съ иностранными шпіонами внушаютъ отвращеніе всѣмъ честнымъ гражданамъ, дѣлаютъ жизнь еще тяжеле, хотя она и безъ того нелегка. Но Степнякъ, повидимому, былъ выше всего этого. Всѣ подобныя непріятности не задѣвали его; онѣ не вызывали въ немъ даже мгновеннаго чувства досады. Вся мысль его посвящена была его дѣлу; сердцемъ онъ былъ вмѣстѣ съ родиной; для него было благодарной задачей работать для нея и бороться за нее. Онъ былъ ничѣмъ, русскій же народъ—и, прежде всего, русскій крестьянинъ—всѣмъ, ибо горе крестьянства было тяжелѣе всѣхъ; Степнякъ служилъ ему и жилъ для него; на службѣ русскому народу онъ положилъ свою жизнь". Я закончу словами изъ рѣчи его товарища, Ф. Волховскаго, посвященной памяти „борца русской революціи": „Весь міръ понесъ тяжелую утрату, но мы, русскіе, опечалены вдвойнѣ. Мы потеряли въ немъ не только человѣка, доказавшаго всею своею жизнью, что русскіе не рождены рабами, человѣка, не желавшаго, подобно барану, покорно терпѣть обиды и униженія; въ немъ мы потеряли не только того, кто такъ много сдѣлалъ для признанія русскаго генія другими національностями и еще крѣпче стянулъ узы братства, связующія насъ, русскихъ, съ ними,—нѣтъ, мы удручены чувствомъ, что даже для такого человѣка, какъ онъ, въ родной странѣ не нашлось куска земли, чтобы похоронить его останки. Только одно можетъ служить намъ утѣ-

шеніемъ при этой безотрадной мысли: Степняка лишили родины тѣ, кто могъ отнять у него все; но онъ нашелъ себѣ новое, болѣе обширное отечество—въ сердцахъ всѣхъ угнетенныхъ, въ сердцахъ благородныхъ людей всего міра, не исключая и его родного народа. Не будемъ же ни на минуту предаваться отчаянію, не будемъ оскорблять этимъ его памяти!“

V. Молодое поколѣніе. Д-ръ Соскисъ, Маркъ Бройдо.

На первый взглядъ могло показаться, что съ окончаніемъ періода террора прекратилось и все революціонное движеніе. Многія организаціи, правда, прекратили свое существованіе за неимѣніемъ достаточной опоры въ средѣ народныхъ массъ, но движеніе тѣмъ не менѣе принимало все новыя формы и постепенно расширялось до болѣе значительныхъ размѣровъ, по мѣрѣ того какъ стали участвовать въ борьбѣ все новыя и новыя силы, какъ выступали на историческую сцену новыя и важныя обстоятельства. Если бы все движеніе было главнымъ образомъ дѣломъ немногихъ вожаковъ, оно безъ сомнѣнія было бы вырвано съ корнемъ при первомъ безпощадномъ натискѣ со стороны правительственной власти. Но оно все время имѣло спорадическій характеръ, поддерживалось по большей части событіями мѣстной жизни и мѣстной провокаціи и еще не носило характера сколько-нибудь значительной организаціи. За послѣдніе годы царствованія Александра III было нѣсколько политическихъ покушеній, происходили довольно часто крестьянскіе бунты, университетскіе безпорядки и стачки ра-

бочихъ и появились новые слѣды возмущені
въ арміи. Холерная эпидемія и голодные годы
дали новый толчокъ горячему чувству недоволь
ства, переполнявшему всѣ общественные слои
Народная нужда съ одной стороны и свѣтъ про
паганды, занесенный въ самые темные уголки
обширной имперіи, съ другой—подкопали под
конецъ главные устои царизма. Протесты либера
ловъ-конституціоналистовъ и въ особенности зем
цевъ все время не прекращались, несмотря н
нихъ полную безуспѣшность. Но быстрое развити
дѣлъ началось главнымъ образомъ благодар
дѣятельности интеллигенціи, сосредоточившейс
въ университетахъ и вокругъ нихъ и въ сфер
такъ называемыхъ свободныхъ профессій, а такж
вслѣдствіе разраставшейся коллективной дѣятель
ности городскихъ рабочихъ, каковая дѣятельност
стала развиваться особенно послѣ большой весьм
успѣшной петербургской стачки въ 1896 году
(годъ коронаціи Николая II). Около того же времен
произошли волненія во многихъ мѣстахъ сред
доведеннаго до крайности крестьянства. Слѣдует
указать также и на то, что ростъ раскольниче
скихъ сектъ и разлившаяся по всей землѣ про
повѣдь Льва Толстого, хотя и враждебная по дух
политической революціи, немало содѣйствовал
соціальному пробужденію народа, которое въ сво
очередь не могло не имѣть политическихъ послѣд
ствій.

Университетскіе „безпорядки“, этотъ офиціаль
ный терминъ для публичныхъ сходокъ въ уни
верситетѣ, фигурировалъ довольно часто за по
слѣдніе годы въ сообщеніяхъ изъ мрачной поли

тической жизни русской имперіи и нерѣдко приводилъ въ недоумѣніе читателя, незнакомаго съ русской исторіей и съ условіями русской жизни.

Другой видъ безпорядковъ, о которыхъ намъ приходилось часто слышать, это—стачки рабочихъ. Стачки у насъ, въ Англіи, составляютъ обыденное явленіе, и мы можемъ только удивляться тому, что онѣ происходили еще сравнительно рѣдко въ Россіи—въ этой странѣ, гдѣ капитализмъ находится въ открытомъ союзѣ съ гражданскими и военными властями и гдѣ нужда фабричныхъ рабочихъ достигаетъ такихъ размѣровъ, о которыхъ мы, англичане, не имѣемъ даже понятія. Но какой смыслъ и какая можетъ быть цѣль этого постояннаго броженія въ русскихъ университетахъ? Англійскій студентъ тоже далеко не смирнаго поведенія; но всѣ его выходки,—касается ли дѣло перекрашиванія шутки ради какой-нибудь статуи, чествованія какого-нибудь государственнаго дѣятеля или освистыванія опернаго актера—все это неспособно завоевать ему общественныхъ симпатій... Но мы не можемъ не симпатизировать ихъ русскимъ собратьямъ, студентамъ-культуртрегерамъ. Дѣло въ томъ, что русскій университетъ отражаетъ въ себѣ всѣ особенности русской жизни. Въ его стѣнахъ сосредоточилась общественная организація, уже успѣвшая выдвинуть много весьма выдающихся талантовъ на службу наукѣ, искусству и морали,—организація, слѣдящая за прогрессомъ всемірной человѣческой мысли и самосодѣйствующая этому прогрессу, но лишенная при всемъ томъ всякой свободы мысли и дѣятельности въ своей собственной сферѣ и нахо-

дящаяся нынѣ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, въ полной зависимости отъ произвола полицейскаго чиновника и цензора. Это такая общественная группа, которая легче другихъ можетъ быть преслѣдуема, такъ какъ она, съ одной стороны, сравнительно немногочисленна, съ другой же—она по соціальному положенію своему стоитъ довольно далеко отъ рабочихъ массъ и крестьянства, составляющихъ девять десятыхъ населенія государства. Всякая организація изъ лицъ, принадлежащихъ къ среднему сословію, безпомощна въ борьбѣ съ бюрократіей, опирающейся на сильную армію. Революціонеры конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ пользовались, пожалуй, такимъ же успѣхомъ въ своей дѣятельности, какимъ могли хвалиться одно время и буры въ южно-африканской войнѣ: это—успѣхъ фанатиковъ, которые хотя и въ состояніи дискредитировать и ослабить централизованную и сильную власть, но которые рано или поздно должны быть ею покорены. Разрастаясь однако до болѣе значительныхъ размѣровъ, организаціи эти начинаютъ изобиловать постоянными запасами зажигательнаго матеріала для новыхъ взрывовъ революціоннаго движенія. Такими постоянными складами горючаго матеріала и отдушинами для чувствъ народнаго недовольства, не имѣющихъ другого выхода, и являются фабрика и университетъ, единственныя сколько-нибудь значительныя общественныя организаціи въ Россіи. Въ Англіи дѣло обстоитъ, конечно, иначе. Не говоря уже о томъ, что старѣйшіе изъ англійскихъ университетовъ имѣютъ непосредственныхъ представителей въ парламентѣ,

ито многіе университетскіе „союзы“ славятся сво-
ими диспутами и дебатами на политическія темы,
каждый британскій студентъ, имѣющій только
здравое представленіе объ общественности и обще-
твенной жизни, смотритъ на годы своего пребы-
анія въ университетѣ, какъ на время подготовки
къ свободному участію въ тѣхъ политическихъ
равахъ и обязанностяхъ, которыми онъ одинаково
ользуется и на университетской скамьѣ вмѣстѣ
съ своими товарищами-согражданами. Предъ рус-
кимъ студентомъ стоятъ тѣ же задачи по отно-
шенію къ общей культурѣ, какъ и у его запад-
ныхъ собратьевъ; но онъ сталкивается скоро съ
тѣмъ удручающимъ фактомъ, что въ его даль-
нѣйшей жизни всякое свободное пользованіе лич-
ными знаніями и дарованіемъ встрѣтитъ безпо-
щадныя и непреодолимыя затрудненія. Только
наиболѣнѣйшіе студенты и пожилые господа изъ нихъ
могутъ, пожалуй, безропотно подчиняться разнымъ
правиламъ и постановленіямъ, которыя закрыва-
ютъ для нихъ всѣ виды общественной дѣятель-
ности, сдѣлавшейся давно достояніемъ послѣдняго
бездняка и человѣка необразованнаго въ другихъ
европейскихъ странахъ. Молодежь мыслитъ и
чувствуетъ даже подъ гнетомъ олигархіи. Это
высказалъ между прочимъ и Степнякъ въ его
„Russia under the Tsars“: „Когда правительство,
опирающееся на деспотическую власть, наказы-
ваетъ всякое проявленіе оппозиціи противъ
его воли, какъ преступленіе, тогда всѣ тѣ, кого
возрастъ успѣлъ сдѣлать осторожнымъ или бо-
ятство—эгоистичнымъ, всѣ тѣ, кто находится въ
фавалѣ у счастья,—всѣ они избѣгаютъ борьбы.

Разочаровавшись въ нихъ, вожаки движенія обра
щаются тогда къ молодежи; хотя у послѣдней не
всегда имѣется достаточный запасъ знаній и
жизненнаго опыта, зато она никогда не обнаружитъ
недостатка въ смѣлости или преданности къ дѣлу.
Такъ было въ Италіи во времена заговоровъ
Мадзини; то же мы видѣли и въ Испаніи во вре
мя Ріего и Кверога; то же, наконецъ, имѣло мѣсто
въ Германіи въ эпоху „тугендбунда“ и во вто
рой разъ около средины девятнадцатаго столѣтія.
Если это перемѣщеніе центра тяжести полити
ческой жизни въ сторону молодежи болѣе за
мѣтно въ Россіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то
это происходитъ вслѣдствіе того, что опредѣляю
щія причины въ этой странѣ были болѣе могу
щественными по своему вліянію и болѣе продол
жительными по времени своего дѣйствія“.

Помимо ограниченій, касающихся всего обще
ства въ цѣломъ, университеты въ частности тер
пѣли всегда отъ самаго строгаго контроля адми
нистративныхъ властей и отъ постояннаго вмѣ
шательства со стороны полицейскихъ агентовъ,
для которыхъ всякій центръ мысли есть центръ
„крамолы“, активной или потенціальной. Эта по
литика мелкой тираніи, систематично примѣняв
шаяся къ университетамъ въ продолженіе послѣд
нихъ сорока лѣтъ, политика, успѣвшая сдѣлаться
уже общественной традиціей, не могла не имѣть
послѣдствіемъ своеобразныхъ въ своемъ роде
систематично повторявшихся безпорядковъ. Въ
лучшемъ случаѣ русскіе университеты предста
вляютъ собою орудіе и дѣтище деспотическаго
государства, лишенное какой бы то ни было само

оятельности. Университетскіе профессора, эти
сударственные „чиновники“, находятся въ вѣч-
мъ страхѣ доносовъ на нихъ и обвиненія ихъ
ереси или „политической неблагонадежности“.
арая исторія объ извѣстной инструкціи профес-
рамъ математики, чтобъ они, говоря о треуголь-
кахъ, старались обращать сердца своихъ слу-
ателей къ небу, напоминая имъ черезъ посред-
во этой фигуры о таинствѣ Св. Троицы,
едставляетъ образецъ обскурантизма, который
леко нельзя считать невозможнымъ и въ наше
емя. Тихоміровъ въ своей книгѣ „Политиче-
ая и соціальная Россія“ говоритъ: „Универси-
тъ въ глазахъ правительства есть одна изъ кан-
лярій департамента общественной безопасности,
которомъ мечталъ Наполеонъ I“.

Но взгляды правительства—одно дѣло; другое же
ло—взгляды молодежи и значительнаго боль-
инства образованной Россіи.

Отсюда и постоянный разладъ между массами
удентовъ, находящими всегда болѣе или менѣе
крытую поддержку въ нѣкоторыхъ профессорахъ,
одной стороны, и ихъ университетскимъ и вся-
мъ инымъ начальствомъ—съ другой. Отсюда
кже и постоянное недовѣріе правительства къ
кому бы то ни было проявленію независимости
профессорской средѣ,—недовѣріе, имѣющее по-
ѣдствіемъ на одной сторонѣ обузданіе стропти-
хъ профессоровъ (Стасюлевичъ, Костомаровъ,
асовичъ, Драгомановъ, Пыпинъ—наиболѣе из-
стныя жертвы этого рода), а на другой—низве-
ніе профессорской университетской коллегіи на
епень умственной посредственности и моральной

импотентности. И несмотря на все это, универс
тетъ продолжаетъ служить обѣтованной страно
куда направляется вся молодая энергія, всѣ юн
шескія стремленія молодежи.

Большинство студентовъ происходитъ изъ сра
нительно или даже положительно бѣдныхъ семе
средняго сословія и мелкаго дворянства. Они г
товы переносить иногда самыя крайнія лишені
если только имѣютъ возможность притомъ пр
ходить свои курсы. Правда, преподаватели въ ру
скихъ университетахъ представляютъ собою лиш
слабыя копіи съ ихъ западно-европейскихъ прот
типовъ; но къ услугамъ студентовъ зато библіот
ки, музеи, лабораторіи; университетъ даетъ сл
шателямъ особыя льготы по отбыванію воинско
повинности; здѣсь, въ университетскомъ город
студентъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ многих
стѣснительныхъ предразсудковъ и традицій д
машняго очага; здѣсь, на университетской скамь
наконецъ, открывается для него возможность тов
рищеской жизни и настоящей дружбы, труд
находимыхъ внѣ университета.

Дальнѣйшее теченіе обстоятельствъ дѣлает
понятнымъ въ виду русскаго бюрократическа
режима. Развитіе извѣстнаго корпоративнаго ду
въ университетѣ было бы, конечно, неизбѣжно, ес
бы всякое проявленіе корпоративной жизни
вело за собой, какъ это мы видѣли изъ хр
ники многихъ городовъ, цѣлаго ряда безпоря
ковъ и безчисленнаго множества жертвъ. Куч
студентовъ сходится для простой бесѣды—и мож
быть увѣреннымъ, что если полиція не собирает
подъ окнами дома, то только потому, что шпіон

ітъ внутри. Найдена запрещенная книга, под-
пана критика предержащихъ властей—и слѣ-
ъ арестъ, ведущій за собой тюремное заклю-
е или ссылку.

ли же студенты устраиваютъ торжественныя
роны какому-нибудь вождю русской мысли,
пему жертвою палачей самодержавія,—и похо-
ое шествіе подвергается нападенію казаковъ,
уженныхъ нагайками. Вихрь сочувствія и не-
ванія проносится черезъ всѣ круги образован-
общества и вызываетъ сочувственные безпо-
ки и въ другихъ университетахъ.

страиваются сходки, составляются петиціи, а въ
тъ на это слѣдуютъ репрессіи въ грандіоз-
ъ размѣрахъ; десятки и сотни студентовъ
ючаются, что означаетъ для нихъ разрушеніе
еры; „вожаки“ наказываются обыкновенно
болѣе жестоко. И вотъ во всѣхъ большихъ
дахъ подъ рядъ—Петербургѣ, Кіевѣ, Москвѣ,
ьковѣ, Казани—возникаютъ студенческія заба-
ки. Это отнюдь не должно считаться рѣдкимъ
ніемъ: въ безпорядкахъ 1899 года бастовало
о 30.000 студентовъ. И такимъ образомъ борь-
ежду студентами и правительствомъ прини-
ь дѣятельный и затяжной характеръ.

четыре года тому назадъ царское правитель-
въ то самое время какъ оно хвасталось предъ
мъ Европы „уничтоженіемъ ссылки и поселе-
въ Сибирь“, рѣшилось прибѣгнуть къ но-
опыту укрощенія,—опыту, который далеко,
венно, не является новымъ, а ведетъ свое
схожденіе отъ „императора въ рейтузахъ“,
ратора Николая I. Около 200 студентовъ—

183 кіевскаго университета и 25 петербургска
были насильственнымъ образомъ отданы въ
даты на сроки отъ одного, двухъ до трехъ
за участіе въ сходкахъ, гдѣ они высказы
громко свои нужды, каковой проступокъ подлея
собственно, по смыслу основныхъ русскихъ
новъ, вѣдѣнію мирового судьи, а не суду адм
стративнаго произвола,—проступокъ, за кот
законъ опредѣляетъ наказаніе въ видѣ штраф
свыше 100 рублей или кратковременнаго ар
Намъ, англичанамъ, трудно понять всю тяж
жизни въ казармахъ какой-нибудь Восточной
объ этомъ мы можемъ заключить лишь изъ
что образованному русскому человѣку это кая
чѣмъ-то болѣе ужаснымъ, чѣмъ представля
бы намъ внѣдреніе части оксфордскаго или
бриджскаго студенчества въ какой-нибудь
индскій военный отрядъ. Британская арми
можетъ считаться, конечно, идеальной средой
довершенія университетскаго образованія; но
ба русскихъ молодыхъ людей въ какомъ-ни
уединенномъ дальне-восточномъ гарнизонѣ
стойна поистинѣ глубочайшаго сожалѣнія
зываетъ наше справедливое негодованіе по а
ихъ притѣснителей. Ихъ друзья и товарищи
лировали—и небезуспѣшно—къ „мнѣнію и
всего цивилизованнаго міра“. И Франція, н
отдать ей справедливость, пошла впереди
цивилизованныхъ странъ. Свыше сорока пр
соровъ французскихъ университетовъ обрат
съ письмомъ къ русскимъ профессорамъ, в
торомъ они прямо заявили, что они отказы
во всякой солидарности людямъ, не только

шимъ лишить университеты ихъ независимости
втономіи во внутреннихъ дѣлахъ, но и лично
йствовавшимъ варварской отдачѣ студентовъ
солдаты, вопреки всякимъ основнымъ зако-
ь государства. Подобная буря протеста воз-
ла и въ другихъ странахъ. Въ Россіи этотъ
идентъ послужилъ причиною важныхъ послѣд-
й: многочисленныя толпы различныхъ слоевъ
ленія выступили въ открытыхъ демонстра-
ъ противъ властей. Весь Петербургъ закипѣлъ
ымъ негодованіемъ, и повторныя демонстраціи
ли здѣсь мѣсто. 5-го марта (19 февр.) 1901 г.
день освобожденія отъ крѣпостной зависимо-
полиція произвела до 300 арестовъ; 17-го же
о мѣсяца подверглась жестокому нападенію
ціи и казаковъ мирная демонстрація предъ
нскимъ соборомъ: около восьми человѣкъ
ентовъ и курсистокъ было убито, десятки лю-
были избиты и болѣе 700 арестовано. На об-
ную площадь, противъ полукружной колон-
и собора, расположеннаго на одной изъ глав-
ь улицъ столицы, собралось нѣсколько тысячъ
да. Здѣсь казаки съ высоко приподнятыми
йками, драгуны съ вытянутыми шашками и
ція, неожиданно появившаяся изъ всѣхъ
ежащихъ улицъ и дворовъ, внезапно окру-
и толпу, состоявшую изъ студентовъ, торгов-
, дѣтей, офицеровъ, женщинъ и рабочихъ, и
и силою тѣснить ее по направленію къ собору.
къ ужаса пронесся по площади; народъ па-
, вставалъ и пускался бѣжать въ церковь;
ie возвращались оттуда и стали устраивать
оборону, бросать снѣжки, калоши, палки и пр.

Толпа, тѣснимая казаками, старалась найти у
жище въ церкви; но врагъ продолжалъ прес
довать по пятамъ убѣгающихъ, и, кромѣ то
двери собора по распоряженію генерала Кл
гельса были заперты. Такое же избіеніе проис
дило и въ соборѣ. Тамъ однако публика наш
нѣкоторое орудіе для самозащиты: тяжелые к
делябры, хоругви и пр.". Другой очевидецъ эт
событій разсказываетъ слѣдующее: „Священн
храмъ застоналъ отъ криковъ народа, котор
топтали подъ ногами. Жестокая борьба начал
между студентами и полиціей; летѣли въ возд
тяжелые подсвѣчники, разбивались и разрушал
священныя иконы и картины, и все это ср
страшныхъ криковъ раненыхъ и задавленн
людей...

На паперти собора завязался рукопашный б
Казаки, бывшіе здѣсь въ количествѣ двухъ п
ковъ, безпощадно хлестали по толпѣ своими
роткими нагайками. Къ счастью, напоромъ то
оттолкнуло меня на средину улицы. Здѣсь повс
виднѣлись кучки полицейскихъ. Со всѣхъ бал
новъ и оконъ домовъ смотрѣла масса народу...
всѣхъ углахъ улицы происходили отдѣльн
стычки. Толпа казалась одной разнородной бо
щейся массой, состоящей изъ бранящихся и
рущихся солдатъ, полицейскихъ, студентовъ
всякой другой публики".

Мы приводимъ и другой отчетъ объ этихъ
бытіяхъ, подписанный сорока пятью выдающим
литераторами, въ числѣ которыхъ находилис
многіе очевидцы, въ отвѣтъ на каковой проте
ихъ послѣдовало административное закрытіе

писателей". Согласно этому отчету, „избіеніе
защитной публики производилось въ такой
тематической и организованной формѣ, что не
жетъ быть никакого сомнѣнія относительно того,
все это было заранѣе предусмотрѣно и подго-
лено... Избитыя и совершенно изнеможенныя
щины, добровольно отдававшіяся въ руки по-
іи, задерживались ею и тутъ же подвергались
льнѣйшему избіенію. Били лежачихъ до послѣд-
о вздоха, до потери сознанія".
риводимые здѣсь факты не являются извѣ-
ми изъ недостовѣрныхъ источниковъ, говорятъ
ье писатели въ этомъ протестѣ. „Многіе изъ
ь, заступавшіеся за невинно избиваемый на-
ь, были избиты или арестованы". Въ числѣ
еныхъ былъ между прочимъ извѣстный стати-
къ и экономистъ—Анненскій; арестованы были,
ди другихъ, извѣстные писатели Петръ Струве
Туганъ-Барановскій. Генералъ-лейтенантъ Вя-
скій, бывшій шефъ дворцоваго вѣдомства (?),
лалъ царю отъ своего имени протестъ. Про-
соръ Милюковъ и другіе выдающіеся обще-
нные дѣятели составили петицію, а генералъ
гомировъ послалъ царю докладную записку,
которой онъ высказался противъ отдачи моло-
ь людей въ солдаты, какъ карательной мѣры,
вая мѣра послужила, собственно, главной при-
ой безпорядковъ. И дѣйствительно, эта форма
заній больше не примѣнялась съ того вре-
и.
не только одна столица была заражена рево-
ционнымъ духомъ. Въ Москвѣ и въ особенности
арьковѣ произошли столкновенія подобнаго же

характера, не сопровождавшіяся однако такими тяжкими побоями. На улицахъ Москвы въ перв разъ за все время историческаго существова этого города были воздвигнуты студентами съ бочими настоящія баррикады противъ полиці казаковъ. Тюрьмы стали наполняться „полит ческими преступниками", а ходъ занятій въ вы шихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ до того на шенъ, что потребовались спеціальныя правила д урегулированія университетскихъ занятій со с роны министра народнаго просвѣщенія.

Между тѣмъ 23-го марта и 1 апрѣля покончи жизнь самоубійствомъ два студента, Проскуряко и Перовскій, отданныхъ въ полкъ на основа временныхъ правилъ.

Около того же времени лишили себя жизни д друга Проскурякова, офицеръ Кутневъ и г- Смирнова.

9 марта подвергся разстрѣлу въ Кіевѣ оди изъ студентовъ, насильно отданныхъ въ солда по фамиліи Пиратовъ, за то, что онъ удари офицера въ отвѣтъ на его ругань; а нѣсколь дней спустя такая же судьба постигла и товари его, кіевскаго студента Подгорецкаго. Эти со тія — прямой результатъ примѣненія іюльски правилъ 1899 года—пріобрѣли особое значеніе глазахъ общества, успѣвшаго дойти въ то вре до высшей точки отчаянія. Повсемѣстно ста обнаруживаться слѣды напряженнаго состоя умовъ, стала выступать небывалая смѣлость рѣшительность въ народномъ протестѣ проти узурпаціи олигархіи.

Въ прежнее время крестьянство стояло вооб

далеко отъ борьбы за свободу, такъ какъ оно съ недовѣріемъ относилось ко всякому движенію, исходящему изъ того класса, изъ котораго рекрутируются ненавистные ему „чиновники“,—класса, находящагося въ союзѣ съ помѣщиками, убившими, по мнѣнію его, „царя-освободителя“. Такими же чувствами недовѣрія къ интеллигенціи, хотя въ гораздо меньшей степени, проникнуты были и фабричные рабочіе, которые тогда едва ли могли разсматриваться какъ особый классъ, такъ какъ большинство изъ нихъ имѣли свои насиженные участки земли и даже, работая гдѣ-нибудь на фабрикѣ, сохраняли всегда живую связь съ деревней.

Но за пятнадцать лѣтъ произошли большія перемѣны. Наивная вѣра въ отеческія заботы царя, стѣсняемаго чиновниками и помѣщиками въ своемъ желаніи удовлетворить всѣ народныя нужды, мало-по-малу исчезала въ виду явныхъ фактовъ дѣйствительности послѣднихъ двухъ царствованій. Въ студенческихъ демонстраціяхъ 1901 года впервые приняли также участіе и тысячи рабочаго люда. На многихъ крестьянъ не могъ не произвести впечатлѣнія тотъ фактъ, что студенты собираются въ одинъ изъ православныхъ соборовъ праздновать память освобожденія крестьянъ и что ихъ же избиваютъ тутъ полиція и казаки. Всѣ слои образованнаго общества—лидеры земствъ и городскихъ думъ, представители свободныхъ профессій, писатели, журналисты, академики и даже многія знатныя лица—вновь стали требовать съ замѣчательнымъ единодушіемъ и рѣдкою неустрашимостью гарантій общественной и личной безопасности. Отреченіе Толстого и смѣ-

лый отвѣтъ старца святѣйшему синоду сдѣлали его однимъ изъ главныхъ героевъ дня. Изъ Кіева была послана поздравительная телеграмма съ тысячью подписей по случаю его выздоровленія отъ болѣзни. Сотни людей письменно заявили, что они желаютъ быть отреченными вмѣстѣ съ нимъ. Никогда еще въ исторіи русскаго народа оппозиція не принимала такихъ обширныхъ размѣровъ, никогда еще она не имѣла такого внушительнаго характера, никогда до сихъ поръ народный духъ не выступалъ въ такой активной и независимой формѣ.

Со стороны правительства послѣдовалъ старый, испытанный отвѣтъ. Массовые аресты производились во всѣхъ большихъ городахъ. Между прочимъ былъ арестованъ цѣлый составъ редакцій двухъ прогрессивныхъ ежемѣсячныхъ журналовъ: „Жизнь“ и „Міръ Божій“, и нѣсколько профессоровъ, въ томъ числѣ историкъ Мякотинъ и анатомъ Лесгафтъ. Цензура ежедневной прессы становилась еще строже. Бывшій профессоръ Туганъ-Барановскій и извѣстный литераторъ Петръ Струве (который сталъ издавать потомъ—сначала въ Штутгардтѣ, а затѣмъ въ Парижѣ—органъ конституціоналистовъ „Освобожденіе“) были высланы административнымъ порядкомъ. Въ Нижнемъ посажены были въ тюрьму Максимъ Горькій и еще четырнадцать лицъ изъ состава редакціи мѣстной газеты „Нижегородскій Листокъ“. Положеніе объ усиленной охранѣ распространено было болѣе чѣмъ на половину населенія Европейской Россіи. Весною 1902 года произошли серьезные безпорядки въ губерніяхъ полтавской, харьковской и сара-

товской, гдѣ голодающіе крестьяне разграбили много богатыхъ имѣній. Это повело къ настоящей вакханаліи реакціи. Цѣлыя селенія крестьянъ подверглись сначала поркѣ, затѣмъ были заключены въ тюрьму. Главный виновникъ этого бѣлаго террора, харьковскій губернаторъ князь Оболенскій (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Финляндіи), удостоился за свой подвигъ ордена и благодарности отъ царя, который въ свою очередь лично произнесъ карательную рѣчь предъ явившейся къ нему съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ депутаціи старшинъ.

На крестьянскія общины тѣхъ мѣстностей, гдѣ произошли безпорядки, была возложена за круговою порукою всѣхъ членовъ уплата высокой суммы въ возмѣщеніе причиненныхъ убытковъ.

Трудно прослѣдить подробности дальнѣйшаго хода и теченія все разраставшейся борьбы. Какъ важные моменты въ развитіи ея, нужно отмѣтить, съ одной стороны, оживленіе вновь террора, о которомъ будетъ рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ, а съ другой—широкое распространеніе по всей землѣ революціоннаго духа, въ особенности среди рабочихъ и интеллигенціи. Это видно ясно изъ доклада министра юстиціи Муравьева государственному совѣту отъ 28 января 1904 года, въ которомъ онъ, приводя важныя статистическія данныя, указываетъ на желательность внесенія въ новое уголовное положеніе нѣкоторыхъ измѣненій въ отношеніи производства политическихъ процессовъ.

„Существенные недостатки, касающіеся производства политическихъ процессовъ, — говоритъ ми-

пистръ въ этомъ докладѣ,—особенно сильно ощущаются въ настоящее время въ виду значительнаго ожесточенія въ послѣдніе годы революціонно-соціалистической пропаганды. Число политическихъ преступленій возросло до необыкновенныхъ размѣровъ. Слѣдуетъ отмѣтить особенно то, что законъ отъ 19 мая 1874 г., опубликованный первоначально въ видѣ временной мѣры, законъ, которымъ предоставляется право изъятія нѣкоторыхъ дѣлъ по политическимъ преступленіямъ изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ, какъ то требовалось судебнымъ уставомъ 1864 г., и передачи таковыхъ на разсмотрѣніе административнымъ порядкомъ,—этотъ законъ сдѣлался de facto почти общимъ правиломъ, за нѣкоторыми лишь весьма незначительными исключеніями.

Яркой иллюстраціей такого положенія дѣлъ является представляемый ниже (см. таблицу на стр. 113) статистическій матеріалъ изъ архива министерства юстиціи, относящійся къ періоду времени отъ 1894 до 1903 года.

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ можно усмотрѣть, что, во-первыхъ, число политическихъ дѣлъ возросло за послѣднія 10 лѣтъ въ чрезвычайной пропорціи и что всѣ эти дѣла, во-вторыхъ, разсматривались въ порядкѣ административномъ. Слѣдуетъ вообще отмѣтить, что за періодъ времени отъ 1894 до 1901 года ни одно политическое дѣло не было передано суду присяжныхъ согласно статьямъ закона, предусмотрѣннымъ нашимъ сводомъ уголовнаго уложенія. Только 3 такихъ дѣла въ 1902 году и 12—въ 1903 году разбирались смѣшаннымъ судомъ сословныхъ представителей. Что

ГОДЫ.	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903
1. Политическія дѣла, зарегистрированныя въ министерствѣ юстиціи	158	259	309	289	257	338	384	520	1053	1988
2. Всего обвинялось по политическимъ дѣламъ	919	944	1668	427	1144	1884	1580	1784	3744	5590
3. Дѣла, представленныя на Высочайшее разсмотрѣніе	56	90	67	122	149	166	144	250	347	1522
4. Привлекалось къ отвѣтственности лицъ по дѣл. предыдущей категоріи	559	623	561	1474	1004	1325	1363	1238	1678	6405
5. Политт. дѣла, разбиравшіяся военнымъ судомъ	3	2	3	4	1	2	4	1	5	10
6. Обвинялось всего по дѣламъ предыдущей категоріи лицъ	3	2	4	11	1	4	10	3	5	45
7. Дѣла, пріостановлен. или прекращенныя произв.	61	175	180	180	108	156	119	197	364	791
8. Обвинялось лицъ по дѣламъ, прекращеннымъ затѣмъ производствомъ	120	407	335	499	135	82	162	310	303	429
Приговоры по вышеназваннымъ дѣламъ:										
Иностранцевъ, высланныхъ за предѣлы имперіи	5	6	1	11	2	11	1	9	10	31
Сослано въ Сибирь	21	42	53	117	47	49	49	38	115	910
Сослано въ не-сибирскія губерніи	34	66	42	79	119	105	85	51	77	592
Отдано подъ надзоръ полиціи	244	219	218	767	340	308	618	486	193	1268
Присуждено къ тюремному заключенію	156	104	105	148	162	108	57	203	362	332
Къ заключенію въ арестномъ домѣ	29	20	16	92	88	195	102	141	217	845

касается дѣлъ, отданныхъ, въ силу дѣйствія исклю чительныхъ законовъ, на разсмотрѣніе военных судовъ, то число ихъ незначительно и не превы шаетъ 3 или 5 въ годъ. Слѣдуетъ также указат на то, что число преслѣдованій, возбужденных по приказанію Его Императорскаго Величества число, равнявшееся 56 въ 1894 году, возросло в 1903 году до цифры 1533, или, другими словами увеличилось въ 27 разъ".

Министръ Муравьевъ находилъ такое уклонені отъ нормальныхъ законовъ вполнѣ правильным и съ своей стороны не предлагалъ никакихъ су щественныхъ реформъ этой системы.

Едва ли найдется болѣе яркій представител молодого поколѣнія революціонной Россіи, чѣм докторъ Давидъ Соскисъ, выдающійся молодо юристъ и политико-экономъ, принявшій окол года тому назадъ отъ прежняго издателя Феликс Волховскаго изданіе „Свободной Россіи". Человѣк тонкаго ума и широкаго образованія, докторъ Со скисъ, какъ конспираторъ, не легко найдетъ себ подобныхъ. Характерно то, что я лишь послѣ мно гихъ лѣтъ нашего знакомства, и то только на прямы разспросы съ моей стороны, могъ узнать отъ нег тѣ свѣдѣнія о его полной приключеній жизни которыя и позволю себѣ изложить здѣсь съ ег собственныхъ словъ.

„Первое представленіе, полученное мною о борь бѣ между правительствомъ и его жертвами,—раз сказывалъ докторъ Соскисъ въ отвѣтъ на мо разспросы,—относится къ тому времени, когда я будучи ученикомъ второго класса кіевской гим назіи, узналъ о трехъ молодыхъ студентахъ

а немного спустя и о двухъ другихъ *), повѣшенныхъ за то только, что были уличены въ распространеніи соціалистической литературы, т.-е. такихъ сочиненій, на которыя въ Англіи смотрѣли бы какъ на совершенно невинныя вещи. Это было въ 1880 году. Помню, что на 14-мъ году моей жизни я уже считалъ себя соціалистомъ или революціонеромъ, чтб въ моихъ глазахъ означало тогда одно и то же. 15-ти лѣтъ я былъ очевидцемъ еврейскихъ погромовъ въ Кіевѣ (въ 1881 году). Впечатлѣніе, оставленное послѣднимъ событіемъ, усилило мое стремленіе къ революціонной дѣятельности. Въ послѣдующіе годы я часто имѣлъ случай оказывать содѣйствіе революціонерамъ, пытавшимся бѣжать за границу или скрываться отъ преслѣдованія. Затѣмъ я сталъ принимать участіе въ сборищахъ тайныхъ кружковъ, содѣйствовать устройству нелегальныхъ библіотекъ и кассъ и вступать въ близкія сношенія съ рабочими. То было время послѣднихъ дней „Народной Воли"; революціонное движеніе переживало переходный періодъ и нашъ кружокъ вырабатывалъ свою собственную программу. Все время между 1883 и 1885 годами я подвергался выслѣживанію со стороны шпіоновъ и надзирателей гимназіи; квартира моя была нѣсколько разъ обыскана. Въ 1884 г. я былъ въ первый разъ арестованъ, но скоро опять выпущенъ на свободу. Затѣмъ я поступилъ въ кіевскій университетъ, на юридическій факультетъ. Здѣсь я

*) Рѣчь идетъ о „политическихъ" Бильчанскомъ, Горскомъ и Лобстѣ, повѣшенныхъ въ 1879 г. въ Кіевѣ, солдатѣ Лозинскомъ и студентѣ Розовскомъ, 19 лѣтъ, повѣшенныхъ въ 1880 г. за распространеніе революціонной прокламаціи. *Прим. автора.*

принималъ участіе въ безпорядкахъ 1884 года, при усмиреніи которыхъ студенты забросали камнями министра народнаго просвѣщенія Делянова.

„Университетъ послѣ этого закрыли, я же и нѣкоторые другіе товарищи были исключены. Спустя шесть мѣсяцевъ мнѣ разрѣшили опять поступить въ университетъ, и я продолжалъ принимать участіе въ революціонномъ движеніи. Въ 1885 г. опять произошли безпорядки въ этомъ университетѣ. Чтобъ избѣжать вторично исключенія, я перевелся въ петербургскій университетъ.

„Въ ноябрѣ 1886 года имѣла мѣсто въ столицѣ большая политическая демонстрація по поводу чествованія памяти великаго русскаго критика Добролюбова. Мирная толпа была окружена казаками, продержавшими ее нѣсколько часовъ на морозѣ, при чемъ было арестовано около 40 чел. Я въ числѣ другихъ былъ высланъ въ Казань. Но и здѣсь я не отсталъ отъ революціоннаго движенія. Поступать въ университетъ не разрѣшали, а къ концу зимы мнѣ приказано было оставить городъ. На пути моемъ на югъ, при проѣздѣ черезъ Кіевъ, я снова былъ арестованъ, на этотъ разъ вмѣстѣ съ моею матерью; но послѣ тщательнаго обыска и допроса насъ скоро выпустили на свободу. Мы поселились въ городѣ Луцкѣ, гдѣ я находился подъ надзоромъ полиціи, что означаетъ собственно, что я обязанъ былъ извѣщать мѣстныя власти о всякомъ намѣреніи своемъ покинуть городъ. Это скоро сдѣлалось для меня невыносимымъ, и мы опять пустились въ путь, указавъ полиціи будто мы уѣзжаемъ въ Казань: на самомъ же

дѣлѣ мы отправились въ Одессу. Здѣсь я сталъ ходатайствовать о разрѣшеніи держать выпускные экзамены при университетѣ; и такъ какъ мои дѣянія начальству еще не были извѣстны, я это разрѣшеніе получилъ и черезъ три мѣсяца съ отличіемъ сдалъ государственные экзамены при юридическомъ факультетѣ и получилъ степень кандидата правъ.

„Въ продолженіе всего этого времени я принималъ горячее участіе въ пропагандѣ среди рабочихъ и въ собраніяхъ студенческихъ и другихъ кружковъ. Я оставилъ Одессу весною 1889 года и переѣхалъ въ Москву, желая заняться здѣсь адвокатской практикой. Черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзда, едва я успѣлъ устроиться и снять квартиру, я вызванъ былъ въ „охранное отдѣленіе“, гдѣ предложили мнѣ сообщить все о своей личности. Затѣмъ мнѣ заявили, что три года тому назадъ мнѣ было запрещено жить въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ и во всѣхъ трехъ соотвѣтствующихъ губерніяхъ. На мое возраженіе, что приговоръ объ этомъ мнѣ никогда не былъ объявленъ, мнѣ сказали, что въ этомъ не было никакой надобности, и замѣтили, что я немедленно долженъ покинуть Москву. Спеціально командированный приставъ долженъ былъ лично удостовѣриться въ моемъ дѣйствительномъ отъѣздѣ; конфиденціально онъ признался мнѣ, что полиція была очень встревожена моимъ исчезновеніемъ изъ Луцка и телеграфировала во всѣ города, желая открыть мое мѣстопребываніе. Я поѣхалъ обратно въ Казань, и, такъ какъ мѣстная полиція не имѣла еще о мнѣ свѣдѣній, мнѣ представлялась полная воз-

можность заниматься судебными дѣлами. Все свободное время я отдавалъ дѣлу организаціи независимой и самостоятельной партіи изъ рабочихъ, студентовъ, офицеровъ, учителей начальныхъ училищъ и молодыхъ священниковъ духовной академіи. Работа шла замѣчательно успѣшно, и къ концу перваго года наша организація насчитывала уже нѣсколько сотенъ энергичныхъ членовъ.

„Я лично террора не признавалъ, но традиціонная вѣра въ силу террористическихъ актовъ была до того сильна, что пришлось включить въ нашу программу и терроръ; однако мы обставили его различными условіями и ограниченіями. Послѣ пяти мѣсяцевъ такой работы физическія силы мои были надорваны.

„Мнѣ приходилось защищать много дѣлъ въ судѣ, писать статьи для двухъ газетъ, къ составу редакціи которыхъ я принадлежалъ, по вечерамъ же я долженъ былъ посѣщать различныя собранія разныхъ тайныхъ кружковъ, гдѣ я выступалъ въ качествѣ лектора или принималъ участіе въ дебатахъ, — и все это, подвергаясь постоянному риску быть арестованнымъ. Я не говорю уже о томъ, что шпіоны преслѣдовали меня на каждомъ шагу, что цензоръ немилосердно искажалъ мои статьи, но дѣло дошло до того, что однажды составъ суда былъ предупрежденъ мѣстнымъ жандармскимъ полковникомъ, что я являюсь центромъ цѣлаго революціоннаго гнѣзда.

„Въ маѣ 1890 года я совсѣмъ потерялъ силы и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Тогда я опять переѣхалъ изъ Казани въ Кіевъ, гдѣ надѣялся поправить свое здоровье гдѣ-нибудь на лонѣ при-

роды, среди окрестныхъ сосновыхъ лѣсовъ. Но мнѣ суждено было пользоваться отдыхомъ не болѣе пяти недѣль. Однажды ночью цѣлый эскадронъ жандармовъ нагрянулъ на мою дачу, и послѣ тщательнаго обыска всей мѣстности меня повезли въ городъ и бросили въ какой-то подвальный казематъ при полицейскомъ участкѣ. Камера имѣла около девяти футовъ въ длину и около 4 или 5 въ ширину. Воздухъ въ ней былъ отвратителенъ и удушливъ, а маленькое рѣшетчатое окошко подъ самымъ потолкомъ и на уровнѣ съ землей пропускало лишь слабый дневной свѣтъ. Здѣсь меня продержали трое сутокъ, не предъявивъ мнѣ никакаго обвиненія, а затѣмъ я былъ отправленъ подъ конвоемъ двухъ жандармовъ въ Петербургъ. Проѣздъ по желѣзной дорогѣ продолжался трое сутокъ; во время пятичасовой стоянки въ Москвѣ меня помѣстили въ холодную влажную камеру Таганской тюрьмы. Въ Петербургѣ я первыя шесть недѣль провелъ сравнительно хорошо и удобно въ „домѣ предварительнаго заключенія“, гдѣ я усердно сидѣлъ надъ книгами философскаго содержанія, взятыми мною изъ прекрасной тюремной библіотеки. Обвинительный актъ мнѣ все еще не былъ предъявленъ, и я все еще не имѣлъ понятія о причинѣ моего ареста.

„Однажды ночью неожиданно явилась стража въ мою камеру, приказала мнѣ собрать вещи и идти за нею въ канцелярію. Сердце мое стучало. „Наконецъ-то свобода“, думалъ я. Въ канцеляріи я нашелъ очень любезнаго жандармскаго полковника и начальника тюрьмы. Я спрашивалъ, выпускаютъ ли меня на свободу, но получалъ лишь

уклончивые отвѣты. Три часа меня заставили ждать здѣсь въ канцеляріи. Было уже около полуночи, когда меня помѣстили въ закрытую карету, гдѣ рядомъ со мной усѣлся упомянутый жандармскій полковникъ; два жандарма сѣли насупротивъ меня, а третій помѣстился рядомъ съ возницей.

„Я никакъ не могъ догадаться, куда мы ѣдемъ. Наконецъ, когда мы проѣзжали черезъ Невскій мостъ по направленію къ какой-то мрачной крѣпости, полковникъ вдругъ воскликнулъ:—Ну, теперь вы уже знаете?—„Куда?“ спросилъ я.—Въ Петропавловскую крѣпость,—былъ отвѣтъ. „Значитъ, правительство рѣшило убить меня“, проговорилъ я. Мною овладѣлъ непреодолимый страхъ. Но полковникъ успокоительно увѣрялъ меня, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его рисуютъ.

„Я не намѣренъ рисовать здѣсь передъ вами тѣ страшныя картины, которыя прошли предъ моимъ умственнымъ окомъ, когда я подумалъ о моихъ предшественникахъ, о жертвахъ, погибшихъ въ этомъ ужасномъ мѣстѣ, начиная съ княжны Таракановой, заживо похороненной здѣсь по приказанію императрицы Екатерины и утопленной въ собственной ея камерѣ, и кончая Нечаевымъ, котораго держали на цѣпи привязаннымъ къ стѣнѣ, и далѣе—пропагандистами послѣднихъ двадцати лѣтъ. Пройдя сквозь строй солдатъ и далѣе черезъ длинный рядъ мрачныхъ коридоровъ, я предсталъ, наконецъ, предъ лицо полковника Лѣсника, коменданта крѣпости. Онъ повелъ меня въ обширную, но страшно холодную и влажную камеру въ башнѣ Трубецкого, ту самую, кажется, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ заключенъ

былъ Максимъ Горькій. Мнѣ приказали раздѣться и подвергли меня обыску, что страшно взволновало мою кровь.

„Но, будучи окруженъ стражей, я не могъ думать о бѣгствѣ или противодѣйствіи. Мнѣ дали старую, рваную холстяную куртку, такіе же старые штаны, бѣлые полотняные чулки, плохонькій халатъ и пару желтыхъ кожаныхъ туфель. Лишь послѣ усиленныхъ протестовъ съ моей стороны мнѣ обмѣнили куртку на новую. Затѣмъ меня повели въ другую камеру, обширную, но вонючую, грязныя стѣны которой покрыты были пятнами отъ сырости. Въ этой камерѣ я и провелъ цѣлый годъ.

„Вообще говоря, условія заключенія въ крѣпости таковы еще, какъ они были въ свое время описаны княземъ Кропоткинымъ.

„Ежедневно мнѣ полагалась пятиминутная прогулка и разъ въ мѣсяцъ непродолжительная горячая баня. Кажется, положеніе о доставленіи арестованнымъ книгъ легче, чѣмъ въ прежніе годы. Мнѣ позволили, напримѣръ, покупать книги, прошедшія, конечно, черезъ цензуру. Но муки одиночнаго заключенія, отягчаемыя мыслью о возможности всякихъ случайностей при безчеловѣчномъ и основанномъ на произволѣ режимѣ, остались тѣ же, какъ и прежде. Стража абсолютна нѣма; изъясняется съ арестованными исключительно знаками; и такъ какъ она ходитъ къ тому же въ мягкихъ башмакахъ, то ничто не нарушаетъ господствующей тамъ мертвой тишины. Отъ этой тишины слухъ у человѣка дѣлается до того чувствительнымъ, что мерцаніе маленькой лампочки, напримѣръ, стало пугать меня впослѣдствіи не

менѣе, чѣмъ шумъ орудійнаго выстрѣла. И это не есть преувеличеніе! Вы, счастливый человѣкъ, не можете себѣ представить, какое значеніе пріобрѣтаютъ, повидимому, мелкія событія въ этой мрачной подземной жизни.

„Одному изъ надзирателей, сидящихъ всю ночь за вашими дверьми, вмѣняется въ обязанность обыскать всѣ книги въ тюрьмѣ, на случай если найдутся какія-нибудь помѣтки, дѣлаемыя на книгахъ арестованными съ цѣлью сообщаться другъ съ другомъ. Такіе поиски ихъ не всегда, конечно, успѣшны. Зато они успѣваютъ въ томъ, чтобы не давать спать въ продолженіе многихъ часовъ ихъ несчастному сосѣду внутри камеры по причинѣ шума отъ перелистыванія книгъ. И какъ трудно бываетъ тамъ сохранить свое здоровье и чистоту тѣла! Несмотря на то, что я ежедневно дѣлалъ гимнастику въ продолженіе часа или двухъ, я послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ заключенія сталъ страдать цынгой.

„Въ теченіе этого года меня вызывали два раза въ охранное отдѣленіе на допросъ. Мнѣ показывали фотографическія карточки знакомыхъ мнѣ людей, знакомство съ которыми я, конечно, отрицалъ. Мнѣ все еще и не думали предъявлять обвиненія. Въ одинъ прекрасный день въ концѣ этого года мнѣ вдругъ принесли мою собственную одежду и повели меня въ сопровожденіи того же жандармскаго полковника въ „домъ предварительнаго заключенія“. Мнѣ объявили, что предварительное слѣдствіе по моему дѣлу закончено и что я долженъ сидѣть здѣсь до тѣхъ поръ, пока дѣло не пройдетъ черезъ судебныя инстанціи. Такимъ-

то образомъ я остался жить въ этой тюрьмѣ опять цѣлый годъ. По истеченіи этого года, когда судебное слѣдствіе по моему дѣлу было окончено, меня перевели въ „Кресты“—тяжелую и непріятную тюрьму. При этомъ мнѣ прочитана была бумага, сущность которой состояла въ томъ, что „политическій преступникъ, Давидъ Вольфовъ Соскисъ, присяжный повѣренный и кандидатъ правъ, осужденъ по Высочайшему повелѣнію къ тюремному заключенію срокомъ на одинъ годъ и къ послѣдующей трехлѣтней ссылкѣ и отдачѣ подъ надзоръ полиціи“. Итакъ, пришлось провести и третій годъ въ этой ужасной тюрьмѣ; послѣдніе три мѣсяца однако я провелъ въ тюремной больницѣ. За все время моего заключенія я ни разу не былъ призванъ къ суду, и ни разу не было предъявлено мнѣ какое бы то ни было точно формулированное обвиненіе.

„По истеченіи срока я былъ отправленъ съ маршрутомъ, т.-е. по особому проходному свидѣтельству, въ городъ Бердичевъ, кіевской губерніи. Мать моя скоро переселилась ко мнѣ, и я надѣялся зажить, наконецъ, спокойно, занимаясь своею прежнею профессіей. Оказалось однако, что мнѣ было запрещено, по особому приказу министра внутреннихъ дѣлъ, защищать дѣла на судѣ, учить дѣтей, открывать какую-нибудь торговлю, продавать спиртные напитки, быть проповѣдникомъ, лекторомъ или сценическимъ дѣятелемъ. Послѣдній эпизодъ во всей этой исторіи имѣлъ мѣсто три мѣсяца спустя, лѣтомъ 1893 года, когда здоровье мое какъ разъ стало только что поправляться. Я говорю о сдѣланномъ мнѣ ночномъ визитѣ цѣлой кучи

жандармовъ во главѣ съ жандармскимъ полковникомъ и прокуроромъ, предъявившими письменное приказаніе арестовать меня, въ случаѣ если найдено будетъ что-либо предосудительное. И они дѣйствительно арестовали бы меня, если бы не сочли меня безнадежно больнымъ. Изъ ихъ допроса я могъ узнать, что два студента, казанскаго и московскаго университетовъ, признались въ томъ, что присутствовали четыре года тому назадъ на тайныхъ сходкахъ, гдѣ я выступалъ въ качествѣ оратора. Наконецъ-то нашелся матеріалъ для опредѣленнаго обвиненія противъ меня!

„Къ счастью, возникли какія-то недоразумѣнія между полицейскими властями этихъ двухъ городовъ, и, пока полиція ждала инструкцій, я, воспользовавшись тѣмъ временемъ, благополучно перебрался черезъ австрійскую границу“.

Я позволю себѣ привести здѣсь еще одинъ біографическій эскизъ.

На вопросъ, какъ онъ сдѣлался революціонеромъ, Маркъ Бройдо, исторія изгнанія котораго изложена нами въ одной изъ предыдущихъ главъ, разсказалъ намъ приблизительно слѣдующее: „Я возвращаюсь въ своихъ воспоминаніяхъ къ тому времени, когда я, юноша шестнадцати лѣтъ, былъ еще ученикомъ гимназіи одного изъ уѣздныхъ городовъ ковенской губерніи. Двое изъ нашихъ учителей— всего ихъ было десять—были настроены либерально. Такихъ учителей легко найти въ каждомъ городѣ. Одинъ изъ нихъ приглашалъ обыкновенно старшихъ учениковъ къ себѣ на домъ и велъ съ ними бесѣды на разныя общественныя темы. Другой давалъ намъ для чтенія книги, между прочимъ

и такія, которыя не дозволены въ нашей гимназической библіотекѣ. Однажды попался мнѣ въ руки нелегальный экземпляръ книги Степняка „Подпольная Россія“.

„Если эта книга производитъ впечатлѣніе на васъ, трезвыхъ англичанъ, то легко судить о томъ, какъ она дѣйствуетъ на насъ, окруженныхъ еще и теперь страшной массой зла и несправедливостей, противъ которыхъ выступалъ въ свое время этотъ благородный борецъ. Я сдѣлался сознательнымъ революціонеромъ, не будучи еще пока соціалистомъ. Чтеніе русскихъ писателей—Гоголя, Тургенева, Толстого—еще болѣе усилило и развило мои чувства потребности въ болѣе широкой свободѣ. Я долженъ сказать, что первая соціалистическая книга, которую мнѣ пришлось читать,—это „Утопія“ Томаса Мора. Прочелъ я ее въ нѣмецкомъ переводѣ. Годъ спустя у насъ образовался кружокъ изъ 6 или 7 учениковъ старшихъ классовъ.

„Мы собирались въ извѣстные дни и бесѣдовали на соціальныя и политическія темы. Рабочее движеніе—какъ это теперь извѣстно—въ то время было только въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе мы имъ очень интересовались; мы даже приглашали къ себѣ на домъ по нѣскольку рабочихъ и давали имъ уроки, поскольку позволяли намъ тогдашнія знанія, и читали съ ними нехитрыя, конечно, вещи, которыя были доступны и имъ и намъ. Въ городѣ проживалъ нѣкій докторъ, который провелъ два года въ одиночномъ заключеніи въ петербургской крѣпости за „крамольный образъ жизни“, послѣ чего онъ былъ сосланъ къ намъ. Здѣсь онъ былъ центромъ прогрессивной мысли въ томъ узкомъ

кругу конечно, въ которомъ ему представлялась возможность дѣйствовать. Ко времени перехода въ послѣдній классъ я переселился въ болѣе крупный городъ, Либаву, гдѣ было много соціалистовъ и революціонеровъ, съ которыми я и свелъ здѣсь знакомство. Здѣсь я подружился между прочимъ съ однимъ бѣднымъ студентомъ, бывшимъ рабочимъ, зарабатывавшимъ свой хлѣбъ собственнымъ трудомъ. Вмѣстѣ съ нимъ и его невѣстой, принимавшей до того времени участіе въ рабочемъ движеніи въ Вильнѣ, я запутался потомъ въ одно дѣло, за которое мы всѣ трое заплатили нашей свободой. Трэдъ-юніонизмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ достаточно развитъ, и отчасти вслѣдствіе морской торговли этого края, отчасти же въ силу вліянія національныхъ чувствъ евреевъ и поляковъ онъ можетъ похвалиться своей прекрасной организаціей.

„Я переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ технологическій институтъ, но сохранилъ связи со своими старыми виленскими и либавскими друзьями. Революціонная партія не имѣла еще тогда характера національной организаціи, но въ нѣкоторыхъ городахъ уже существовали отдѣльные комитеты. Въ главныхъ чертахъ движеніе было пока чисто экономическимъ. Многіе изъ насъ находили своевременнымъ выставить также и политическую программу. Съ этой цѣлью я рѣшилъ устроить новую организацію по распространенію прокламацій и другой пропагандистской литературы, для чего я старался найти какую-нибудь тайную типографію. Какое мѣсто можно было считать для этого удобнымъ? Въ большихъ городахъ

ществуетъ постоянная опасность со стороны бди-
льнаго глаза полиціи; въ маленькихъ городахъ
деревняхъ очень мѣшаютъ любопытство и по-
зрительность невѣжественныхъ сосѣдей. Мы рѣ-
или держаться золотой средины и избрали для
ого г. Вильну. Здѣсь мы сняли квартиру изъ
ехъ комнатъ, гдѣ открыли переплетное заведеніе
дъ именемъ одного изъ нашихъ товарищей.
обходимыя приготовленія къ дѣлу продолжались
вять мѣсяцевъ. Я и жена моя собирали деньги
Петербургѣ путемъ устройства, главнымъ обра-
мъ, студенческихъ вечеровъ. Двое товарищей
нашихъ вмѣстѣ съ двумя рабочими, изъ ко-
рыхъ одинъ былъ переплетчикъ, а другой на-
рщикъ, дѣйствовали въ Вильнѣ, запасаясь по-
епенно всѣми необходимыми типографскими при-
длежностями и устраиваясь съ ними въ ком-
тѣ за переплетнымъ магазиномъ. Многіе богатые
ди изъ русскаго общества всегда готовы под-
ржать такого рода предпріятіе. Слѣдующій фактъ
статочно показываетъ однако, насколько риско-
нно обращаться за помощью въ подобныхъ слу-
ихъ. Нѣкій Г., прогрессивный столичный изда-
ль, къ которому я обратился по рекомендаціи
гра Струве, пожертвовалъ въ мою кассу сто руб.
ослѣдствіи же я узналъ, что онъ былъ не бо-
е и не менѣе какъ полицейскій шпіонъ въ кру-
ъ „интеллигенціи". Оказали мнѣ также под-
жку нѣкоторыя студенческія землячества, а
огіе журналисты обѣщали мнѣ свое содѣйствіе
ературнымъ трудомъ.

Но самой трудной и рискованной частью нашего
дпріятія являлась организація сбыта и распро-

страненія литературы послѣ ея напечатанія. должны были развозить особые агенты, снабж ные необходимыми средствами для разсылки тра портовъ въ различныя части имперіи, не иск чая и Сибири. Въ Вильнѣ мы или совсѣмъ пускали въ обращеніе нашихъ листковъ, или крайней мѣрѣ только послѣ того, какъ они появ лись сначала въ другихъ городахъ, и насъ до смѣшило однажды газетное сообщеніе, что на типографія накрыта въ какомъ-то предмѣстьи Пет бурга. Нѣкоторое время мы работали очень усе но, успѣшно вербуя себѣ союзниковъ среди акт ныхъ соціалистическихъ рабочихъ группъ, а т же среди рабочихъ петербургскихъ фабрикъ и водовъ. Но наконецъ въ началѣ 1901 года н накрыли въ самомъ дѣлѣ.

„Типографія наша просуществовала только ше мѣсяцевъ и выпустила въ свѣтъ не болѣе се или восьми тысячъ экземпляровъ полдюжины п изведеній. Вамъ интересно, вѣроятно, узнать рактеръ литературы, составляющей такой предм ненависти и боязни нашего правительства. Од листокъ представлялъ собою манифестъ, въ торомъ излагались наши взгляды и цѣль на программы; второй—представлялъ переводъ дв рѣчей Либкнехта о русско-китайской войнѣ.

„Содержаніемъ третьяго листка была рѣчь ми ра Кейръ Гэрди о южно-африканской войнѣ. Да былъ листокъ, содержавшій конспектъ русск законовъ, съ эпиграфомъ Пушкина: „Въ Ро нѣтъ закона; есть столбъ, а на столбѣ корона“ еще одна книжонка, представлявшая собою н изданіе повѣсти Короленко „Чудесное созда

Мы намѣревались также издавать газету съ такой же почти программой, какъ и газета „Искра“— органъ русской соц.-демократической партіи. Но мы такъ и остались при своемъ намѣреніи. Я уже успѣлъ заручиться необходимымъ содѣйствіемъ и найти корреспондентовъ во многихъ городахъ, какъ мы всѣ были вдругъ арестованы.

„Цѣлая толпа жандармовъ и дворниковъ ворвалась ночью въ мою квартиру и, не давши мнѣ даже одѣться, приступила къ систематическому обыску, для чего безцеремонно срывали обои, обшаривали печь и дымовую трубу. Характерно для умственнаго облика типичныхъ жандармовъ, что, найдя у меня нѣсколько книгъ на нѣмецкомъ языкѣ, между прочимъ исторію французской революціи 48 года и исторію парижской коммуны, а также нѣкоторыя сочиненія Маркса съ портретами, они вынуждены были спросить у меня, какія это книги, и оставили мнѣ ихъ, вполнѣ удовлетворенные моимъ объясненіемъ, что это часть иллюстрированной всемірной исторіи.

„Меня они однако не оставили въ покоѣ. Я былъ отвезенъ въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ и оставался въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; все это время мнѣ не предъявляли даже намека на какое-нибудь обвиненіе.

„Скоро меня подвергли первому допросу. Мнѣ было объявлено, что я арестованъ за участіе въ организаціи, угрожающей общественной безопасности, и за сборы денегъ и литературнаго матеріала для нелегальнаго изданія. Оказалось потомъ, что въ одну ночь со мной было арестовано двѣнадцать лицъ, только поверхностно съ нами зна-

комыхъ, въ томъ числѣ какой-то издатель, жена котораго давала мнѣ иногда для чтенія книги. Ихъ продержали пять мѣсяцевъ и, наконецъ, выпустили. За время моего заключенія меня допрашивали еще 4 или 5 разъ. Нѣкоторые изъ товарищей моихъ по заключенію, устроившіе сообщеніе между собою черезъ посредство постукиванія, рѣшили протестовать противъ этого наказанія безъ суда объявленіемъ голодовки; и мы стойко отказывались отъ пищи и питья въ продолженіе пяти дней. Послѣ этого нѣкоторыхъ изъ насъ выпустили на свободу, другіе же, въ томъ числѣ и я, были сосланы въ Сибирь—и все это безъ суда и слѣдствія и безъ объявленія намъ приговора. Только въ началѣ 1904 года, находясь уже въ отдаленной подарктической якутской губерніи, я узналъ о присужденномъ мнѣ родѣ наказанія—восемь лѣтъ ссылки въ отдаленныя мѣста Сибири".

Въ видѣ приложенія къ собственной біографіи Бройдо предоставилъ въ мое распоряженіе слѣдующія подробныя свѣдѣнія изъ жизни 11 лицъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ ссылкѣ и близко съ нимъ знакомыхъ. Я привожу этотъ матеріалъ въ доказательство того, что я отнюдь не останавливался на исключительныхъ случаяхъ, а также и того, что революціонеры послѣдняго времени дѣйствуютъ не менѣе рѣшительно, чѣмъ ихъ предшественники.

1. *Моисей Лурье,* 32 лѣтъ, наборщикъ. Онъ обвинялся какъ политическій преступникъ семь разъ. Въ первый разъ былъ арестованъ въ 1891 году въ Варшавѣ—за принадлежность къ Польской Рабочей партіи; во второй разъ въ 1893 году въ Харь-

ковѣ—за провозъ черезъ границу революціонной литературы; въ третій разъ въ Екатеринославѣ—за пропаганду среди рабочихъ. Въ четвертый, пятый и шестой разъ, въ промежутокъ времени отъ 1896 до 1898 года, его арестовывали то въ Кіевѣ, то въ Москвѣ. Въ послѣдній же разъ онъ былъ арестованъ въ 1901 г. по обвиненію въ принадлежности къ соціалистической организаціи подъ названіемъ „Рабочее знамя“ и въ знакомствѣ съ Карповичемъ, убійцей министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова. Два года и одинъ мѣсяцъ просидѣлъ онъ въ одиночномъ заключеніи въ Петропавловской крѣпости. Приговоръ, вынесенный ему по послѣднему дѣлу, гласилъ: пять лѣтъ ссылки въ г. Колымскъ, каковой городъ находится въ отдаленной сѣверо-восточной части якутской обл. Участвовалъ въ двухъ голодовкахъ и въ бунтѣ арестантовъ Александровской *) тюрьмы. По пути въ Колымскъ онъ сдѣлалъ стоянку въ Якутскѣ. Здѣсь, конечно, онъ въ числѣ первыхъ присоединился къ рядамъ бунтовщиковъ, усмиреніе которыхъ уже описано нами въ одной изъ предыдущихъ главъ.

2. *Викторъ Курнатовскій,* 35 лѣтъ, дворянинъ, военный врачъ и инженеръ съ дипломомъ цюрихскаго университета. Въ первый разъ арестованъ въ 1889 году въ Москвѣ и сосланъ на 3 года въ Архангельскую губернію. Во второй разъ его арестовали въ 1897 году на пограничной станціиЕржболово при перевозѣ транспорта нелегальной литературы. Былъ приговоренъ къ трехлѣтней

*) Городъ Александровскъ лежитъ недалеко отъ Иркутска.

ссылкѣ въ Восточную Сибирь, откуда бѣжалъ. Въ 1901 году онъ арестованъ былъ въ третій разъ въ Тифлисѣ—за революціонную рѣчь, произнесенную на сходкѣ рабочихъ. Приговоренъ къ 2 годамъ 5 мѣс. тюремнаго заключенія и четыремъ годамъ ссылки въ Восточную Сибирь. Въ то время, когда Бройдо свелъ съ нимъ знакомство, онъ жилъ въ инородческомъ селеніи въ 120 миляхъ отъ Якутска.

3. *Николай Кудринъ*, 29 л., инженеръ. Арестованъ въ первый разъ въ 1899 году, по обвиненію въ содержаніи тайной типографіи на Уралѣ. Приговоренъ къ пяти годамъ ссылки въ Сибирь; бѣжалъ. Въ 1903 году арестованъ былъ во второй разъ въ Каменецъ-Подольскѣ—за провозъ черезъ границу революціонной литературы. Послѣ восьмимѣсячнаго заключенія приговоренъ къ восьми годамъ ссылки въ Нижній-Колымскъ, въ арктической полосѣ сѣверо-восточной Сибири.

4. *Владиміръ Перасичъ*, сербъ, студентъ харьковскаго и вѣнскаго университетовъ. Въ первый разъ арестованъ въ 1889 г. въ Харьковѣ—за соціалистическую пропаганду, послѣ чего просидѣлъ 3 года въ тюрьмѣ. Въ 1898 г. арестованъ былъ во второй разъ въ Москвѣ—какъ членъ нѣсколькихъ соціалистическихъ рабочихъ организацій. Приговоръ по этому дѣлу: два года одиночнаго заключенія, пять лѣтъ ссылки. Работалъ подъ ложнымъ именемъ Солодухи, въ чемъ онъ признался властямъ лишь послѣ якутской исторіи, въ которой онъ также былъ замѣшанъ.

5. *Левъ Тесслеръ*, 32 л., химикъ, съ дипломомъ цюрихскаго университета; арестованъ въ 1899 г

Кіевѣ—за принадлежность къ соціалистической
тіи; приговоренъ къ 2 годамъ 2 мѣсяцамъ
лученія въ Петропавловскую крѣпость и къ
ьмилѣтней ссылкѣ въ Колымскъ.

. *Павелъ Тепловъ,* 36 л., журналистъ. Арестоъ въ 1900 году—за издательство соціалистичего журнала „Рабочее Дѣло".

. *Ольга Виккеръ,* 28 л., учительница. Арестована первый разъ въ Бѣлостокѣ въ 1898 г., какъ нъ „Рабочаго знамени". Во второй разъ она а арестована въ 1901 г. въ Одессѣ. Когда къ ея, студентъ кіевскаго университета, отпрася въ пятилѣтнюю ссылку въ Сибирь, она ровольно послѣдовала за нимъ. Вмѣстѣ съ гими товарищами ея по якутской исторіи она а приговорена къ 12 годамъ каторжныхъ раъ; но по пути въ каторжную тюрьму бѣжала и ерь находится въ Швейцаріи.

. *Владиміръ Бодневскій,* 29 лѣтъ, артиллерійй офицеръ. Арестованъ въ 1903 г.—за пропаду среди войскъ. Приговоренъ къ десяти гоъ ссылки въ Нижній-Колымскъ. Былъ однимъ главарей якутскаго бунта, гдѣ использовалъ ю военную опытность и необыкновенную рѣшиьность (онъ участвовалъ въ восточно-китайской нѣ). По пути на каторгу онъ сдѣлалъ попытку кать, но безуспѣшно. Тогда онъ покончилъ знь самоубійствомъ.

. *Александръ Израэльсонъ,* 39 л., художникъ, дипломомъ брюссельской академіи искусствъ. естованъ въ 1902 году въ Москвѣ — за подотельное знакомство. Приговоръ по его дѣлу: ѣсяцевъ тюремнаго заключенія и 3 года ссылки.

10. *Левъ Никифоровъ*, 31 года, литераторъ ветеринарный врачъ. Арестованъ въ первый ра въ Москвѣ въ 1899 году, во второй разъ въ 19 году, также въ Москвѣ,—за свободныя рѣчи. Пр говоренъ къ 5 мѣсяцамъ тюрьмы и 3 годамъ ссы ки въ Сибирь. Старикъ-отецъ его, извѣстный п сатель, переведшій на русскій языкъ сочинен Рёскина, арестованъ былъ за нѣсколько мѣсяцевъ ареста сына. Братъ его, содержавшійся въ моск ской тюрьмѣ, облилъ свои нары керосиномъ, по несъ къ нимъ огонь и сжегъ себя заживо.

11. *С. Комай* членъ соціалъ-демократическ рабочей организаціи. Арестованъ въ Вильнѣ, ка наборщикъ тайной типографіи. Послѣ того ка онъ просидѣлъ годъ и 2 мѣсяца въ одиночно заключеніи въ Петропавловской крѣпости, а семь мѣсяцевъ провелъ въ больницѣ для душев больныхъ имени св. Николая Чудотворца, е сослали на 8 лѣтъ въ Колымскъ, гдѣ онъ се отравилъ.

VI. Начало рабочаго движенія. Священникъ Гапонъ.

Движеніе рабочихъ массъ въ русской столицѣ
ою 1904—5 гг. явилось совершенной неожи-
ностью для большинства англичанъ. Общее
ніе о Россіи было въ Англіи таково, что почти
ь русскій народъ занимается земледѣліемъ,
машинное производство находится еще въ
одышевомъ состояніи, и даже больше того, что
бѣдное населеніе имперіи царя до того по-
зло въ невѣжествѣ и лѣности, пьянствѣ и дру-
ь порокахъ, что о настоящемъ народномъ воз-
деніи не можетъ быть и рѣчи. Такого рода
оразумѣніе является слѣдствіемъ главнымъ
азомъ того, что англійская пресса, какъ еже-
вная, такъ и еженедѣльная, не давала надле-
даго освѣщенія тѣмъ глубокимъ и быстрымъ
альнымъ превращеніямъ, которыя совершались
царствованіе Николая II. Правда, обрабатываю-
промышленность и горнодѣліе и теперь еще
имѣютъ въ Россіи первенствующаго значенія,
они сдѣлали замѣчательно быстрые успѣхи, и,
ь мы видѣли выше, промыслы эти занимаютъ
настоящее время около двухъ съ половиною
ліоновъ рабочихъ рукъ ($^3/_4$ милліона рабочихъ

заняты при одномъ текстильномъ производств
приблизительно, столько же въ горнозаводско
металлической промышленности). Если прибав
къ тому рабочихъ, занятыхъ въ сельской и д
гихъ видахъ промышленности, а также и разв
рода служащихъ, то получимъ (по статисти
скимъ даннымъ, собраннымъ „Русскими Вѣдо
стями") крупную цифру въ десять, приблизител
милліоновъ, что составляетъ около 20% во
числа взрослыхъ работниковъ въ странѣ. С
этихъ новыхъ индустріальныхъ классовъ еще
лѣе возросла, благодаря концентраціи ихъ въ го
дахъ. За послѣднія 30 лѣтъ городское насел
въ государствѣ возросло отъ восьми съ поло
ною до семнадцати или восемнадцати мил
новъ. Населеніе Москвы и Петербурга увели
лось въ 3 раза, а населеніе такихъ городовъ, к
Лодзь, Екатеринославъ, Баку, Варшава, Одесс
Ростовъ, въ еще болѣе значительной мѣрѣ. В
стѣ съ разрастаніемъ населенія въ численн
отношеніи шли поразительный ростъ его обра
ванности, сознательнаго отношенія его къ дурн
положенію дѣла въ государствѣ и развитіе
способностей къ общественной дѣятельности.

Описаніе первыхъ стадій рабочаго движенія
Россіи мы находимъ въ одномъ изъ томовъ н
сульскихъ донесеній, изданныхъ м-ромъ Джеф
Драгомъ для государственной комиссіи работ
вышедшихъ въ свѣтъ въ 1894 г. *).

---

*) Эта Синяя книга является пока наиболѣе полезным
обстоятельнымъ отчетомъ объ экономическомъ состояніи Ро
Прим. автор

ризисъ перепроизводства, наступившій за рус-
-турецкой войной 1877—78 гг., имѣлъ послѣд-
емъ пониженіе заработной платы, доходившее
10 и даже 20 процентовъ. Вмѣсто того чтобы
ньшить число рабочихъ на фабрикахъ, многіе
дприниматели произвели въ 1884 г. искусствен-
пониженіе заработной платы путемъ уменьше-
числа рабочихъ дней въ недѣлѣ. Шагъ этотъ,
вшій послѣдствіемъ для рабочихъ потерю
одневнаго или двухдневнаго заработка въ те-
іе одной недѣли и находившійся въ явномъ
тиворѣчіи съ условіями наемнаго договора,
валъ страшное недовольство на многихъ фаб-
ахъ. Общее недовольство увеличилось еще
ѣдствіе невѣроятнаго злоупотребленія штра-
и и обязыванія рабочихъ забирать товары въ
ричномъ складѣ, гдѣ цѣны были иногда на
выше обыкновенныхъ цѣнъ розничной про-
и. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ злоупотребленій
лся цѣлый рядъ безпорядковъ 1884—85 гг.,
исшедшихъ главнымъ образомъ въ губерні-
владимірской и московской.

ъ предупрежденіе возобновленія подобныхъ
порядковъ былъ опубликованъ законъ отъ
оля 1886 года, возложившій на фабричныхъ
пекторовъ обязанности по урегулированію от-
неній между рабочими и работодателями и
ановившій строгія наказанія за стачки и вся-
нарушенія наемнаго договора. Въ силу этого
она предприниматель, нарушившій условія до-
ора со своими рабочими, подвергался штрафу
50 до 300 рублей. Когда поведеніе предпри-
ателя по отношенію къ рабочимъ ведетъ за

собою нарушеніе мирной жизни на фабрикѣ, о
подлежитъ тюремному заключенію до 3-хъ мѣ
цевъ. Далѣе, предприниматель лишается въ
кихъ случаяхъ права на дальнѣйшее веденіе п
мысла или предпріятія.

По первому закону отъ іюля мѣсяца 1893 го
лишеніе этого права было ограничено однако с
комъ до двухъ лѣтъ.

Съ другой стороны, рабочіе, прекратившіе ра
ту до истеченія срока договора, подлежатъ закл
ченію на срокъ не болѣе одного мѣсяца. Въ сл
чаѣ забастовки или прекращенія работы съ цѣл
достиженія прибавки жалованья или измѣне
другихъ непредвидѣнныхъ въ договорѣ условій,
чинщики движенія подвергаются тюремному закл
ченію на срокъ отъ четырехъ до восьми мѣсяцев
а сообщники ихъ на срокъ—отъ двухъ до четыре
Кто по предложенію фабричнаго начальства опя
станетъ на работу, тотъ освобождается отъ во
каго наказанія. Если забастовавшіе силою зас
вятъ работающихъ прекратить работу, или буду
препятствовать имъ приняться за таковую, и
же сдѣлаютъ нападеніе на владѣльца фабри
или кого-нибудь изъ его служащихъ, то главн
подстрекатели и ихъ сообщники подлежатъ закл
ченію въ тюрьму на различные сроки, смотря
обстоятельствамъ—отъ 4 до 8 и отъ 8 до 12 мѣ
цевъ. Рабочіе, являющіеся виновниками без
рядковъ, могутъ быть высланы мѣстными влас
ми, административнымъ порядкомъ, безъ су
Если работодатель найдетъ необходимымъ по
зить размѣръ заработной платы или распусти
въ большомъ числѣ своихъ рабочихъ, онъ о

нъ представить предварительно частныя свѣдѣ-
я объ этомъ губернатору и фабричному инспек-
ру, который долженъ заботиться о пріисканіи
нятія для уволенныхъ рабочихъ.

До введенія института фабричныхъ инспекто-
въ посредникомъ между работодателями и ра-
чими являлась полиція, постановленія которой
къ извѣстно, склонялись почти всегда въ пользу
рвыхъ. Въ настоящее время фабричный инспек-
ръ старается при всякой стачкѣ уладить споръ,
часто ему удается содѣйствовать ея окон-
нію. Жалобы на рѣшенія фабричнаго инспек-
ра подаются въ губернскіе фабричные комитеты
какъ въ послѣднюю инстанцію, къ министру
нансовъ. По имѣющимся свѣдѣніямъ большин-
во случаевъ обжалованія приходится на сторону
ботодателей.

Первая большая и хорошо организованная стач-
имѣла мѣсто въ 1885 году на фабрикѣ Моро-
за въ Орѣховѣ-Зуевѣ. Стачкою руководили ре-
люціонеры: Волковъ и Мосоенко. „Бунтъ“ этотъ
званъ былъ, главнымъ образомъ, арестами ра-
нихъ депутатовъ, оправданныхъ сначала по
ду, но арестованныхъ вторично и сосланныхъ
Сибирь административнымъ порядкомъ. Одна-
стачка эта имѣла характеръ случайнаго явле-
. Связь между болѣе интеллигентными рабо-
ми и старыми революціонными организаціями
держивалась все время, но провалъ послѣд-
хъ къ концу восьмидесятыхъ годовъ ясно обна-
жилъ потребность въ новыхъ средствахъ и спо-
бахъ борьбы. Если бы насажденіе и развитіе со-
временной индустріи въ странѣ шло естествен-

нымъ ходомъ и было бы построено на здоров
основаніи; если бы оно вызывалось естественны
ростомъ предпріимчивыхъ силъ въ странѣ, п
влеченныхъ открытымъ рынкомъ и условіями
ціальной и политической свободы,—новое движе
вылилось бы, вѣроятно, въ форму западнаго трэ
юніонизма; но, какъ мы видѣли, общественной с
боды въ государствѣ не было, а насажденіе
дустріи и промышленности было искусственн
нездорово отъ начала до конца. Политика
нистра Витте, политика ультра-протекціонизм
всяческаго поощренія отечественной промышл
ности, вела неминуемо къ перепроизводству и п
мышленному кризису, послѣдствія котораго ст
особенно чувствительны вслѣдствіе системати
скихъ неурожаевъ послѣдняго десятилѣтія и всл
ствіе новаго реакціоннаго похода министерс
фонъ-Плеве. И, какъ новое явленіе въ Россіи,
казалась безработица, какъ она существуетъ
западѣ. Уволенные рабочіе очутились вдругъ
такомъ же самомъ положеніи, какъ и преслѣд
мые студенты или интеллигенты, какъ притѣсн
мые старовѣры или угнетаемые евреи. И голод
толпа естественно должна была задавать себѣ
просъ, почему нигдѣ въ Европѣ и только въ Рос
крестьяне пухнутъ постоянно и умираютъ съ голо
Драгъ приводитъ позаимствованную у русск
экономиста сравнительную табличку условій тр
и заработной платы въ разныхъ странахъ:

Заработная плата (въ рубляхъ за мѣсяцъ):

	Массачузетъ	Англія	М
Ситце-прядильное и ткацкое производство	53	41	
Машинное производство	66	44	
Среднее число рабочихъ часовъ въ мѣсяцъ	255	234	2

По даннымъ одного офиціальнаго автора*), русскій сельскій рабочій получаетъ среднимъ числомъ, при условіи найма на годъ, около 60 рублей въ годъ въ „черноземной полосѣ“ Россіи и 64 рубля въ другихъ мѣстахъ при готовыхъ харчахъ и квартирѣ, при чемъ плата эта возрастаетъ по мѣрѣ движенія нашего отъ центра страны къ западу и понижается по направленію къ востоку. Стоимость харчей вычисляется въ 45 рублей за годъ. Плата поденнаго рабочаго колеблется отъ 40 до 60 коп. въ день. Заработокъ рабочихъ въ горнозаводской промышленности болѣе высокъ; онъ достигаетъ круглымъ числомъ до 150 и 200 рублей въ годъ. На фабрикахъ московскаго и владимірскаго районовъ средній мѣсячный заработокъ взрослаго мужчины—отъ 14 до 15 рублей, взрослой женщины—10 руб., подростковъ—отъ $6^1/_2$ до $7^1/_2$ руб. и дѣтей—отъ 4 до 5 рублей. Въ Лодзи и Варшавѣ цифры эти возрастаютъ на 50 процентовъ. Приведенныя цифровыя данныя имѣютъ цѣлью показать, насколько хуже условія труда въ Россіи по сравненію съ Западной Европой. Кромѣ того, положеніе русскаго рабочаго гораздо хуже положенія рабочаго въ Англіи даже до періода уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, легализаціи закономъ профессіональныхъ союзовъ и расширенія гражданской свободы,—хуже въ томъ отношеніи, что русскій рабочій не имѣетъ никакихъ личныхъ правъ, никакой возможности самостоятельно управлять своей соціальной и политической жизнью. Представьте себѣ, какъ сильно долженъ былъ дѣйствовать на настроенные подобнымъ обра-

*) „Россія въ концѣ XIX столѣтія“, стр. 597 и слѣд.

зомъ умы призывъ, исходившій изъ комитетовъ прежняго революціоннаго движенія, ложно называемаго „нигилизмомъ“, и отъ всякой новой организаціи, жертвовавшей собою ради свободы!

Въ 1895 году былъ организованъ въ Петербургѣ группою соціалъ-демократовъ, состоявшей отчасти изъ обломковъ старыхъ революціонныхъ организацій, „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочихъ классовъ“. Хотя союзъ и не стремился къ непосредственному расширенію состава своихъ членовъ, что могло бы вести къ преждевременному столкновенію съ властями, онъ въ скоромъ времени располагалъ тѣмъ не менѣе 20.000 годовымъ доходомъ и насчитывалъ до 6 отдѣленій въ наиболѣе крупныхъ провинціальныхъ городахъ. Большая стачка петербургскихъ ткачей лѣтомъ 1896 года, когда забастовало 35.000 рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, съ 29 фабрикъ, выставивъ требованія повышенія заработной платы и уменьшенія рабочаго дня, явилась первымъ случаемъ, гдѣ сказалась дѣятельность этого союза. О дисциплинированности и значеніи этой забастовки свидѣтельствуютъ не только тѣ суровыя мѣры наказанія, которыя примѣнены были къ забастовавшимъ (1.050 человѣкъ было арестовано, изъ которыхъ многіе заключены въ тюрьму, а другіе высланы на родину), но также и послѣдовавшее затѣмъ прямое обѣщаніе правительства улучшить положеніе рабочихъ законодательнымъ путемъ,—обѣщаніе, которое было исполнено однако не ранѣе того, какъ въ январѣ мѣсяцѣ 1897 г. возникла вторичная забастовка, въ которой участвовало до восемнадцати тысячъ рабочихъ съ восьми фабрикъ и заводовъ.

Законъ 2 іюня 1897-го года понизилъ норму рабочаго дня до 11½ час., а при ночной работѣ—до 10 часовъ; кромѣ того, этимъ закономъ запрещалась работа по воскреснымъ днямъ и въ другіе 17 праздничныхъ дней въ году. Но, по словамъ правительственнаго сообщенія, „законъ этотъ не слѣдуетъ толковать въ абсолютномъ смыслѣ". Работа можетъ производиться и въ теченіе бо́льшаго числа часовъ въ день, а также и по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, но такого рода работа не является обязательной".

„Успѣхъ этой и слѣдующихъ стачекъ,—говоритъ Волховскій,—и развитіе рабочаго движенія вообще обязано въ значительной степени тому активному участію, которое принимала въ немъ болѣе независимая и смѣлая часть русскаго образованнаго общества и, главнымъ образомъ, молодые соціалисты. Студенты и курсистки, молодые юристы, доктора, гражданскіе и техническіе инженеры, журналисты и даже нерѣдко фабричные инспектора и др. чиновники дѣлали для рабочихъ все то, чего они сами не привыкли или не въ состояніи были дѣлать. Они излагали письменно и формулировали ихъ требованія; печатали тайно прокламаціи съ большимъ рискомъ для самихъ себя; выпускали листки на общія политическія темы; снабжали рабочихъ литературой; собирали деньги для забастовщиковъ; собирали свѣдѣнія изъ другихъ городовъ о ходѣ и положеніи дѣлъ и старались вообще упрочить и сдѣлать постоянной рабочую организацію, которая, возникши собственно въ виду потребностей отдѣльныхъ стачекъ, имѣла первоначально лишь временный характеръ".

Такимъ-то образомъ образовались въ Петербургѣ, Москвѣ и Кіевѣ „лиги освобожденія рабочихъ классовъ“. Другіе города скоро послѣдовали ихъ примѣру, и движеніе распространилось по всей Россіи. Стачка за стачкой стали возникать въ различныхъ концахъ обширной имперіи. Въ маѣ 1898 года произошло объединеніе нѣсколькихъ хорошо организованныхъ рабочихъ группъ и соціалистовъ, принадлежащихъ къ другимъ классамъ; и такимъ-то образомъ составилась соціалъ-демократическая рабочая партія Россійской имперіи. Партія эта далеко не обнимаетъ собою однако всѣхъ силъ русскаго рабочаго движенія. Существуютъ и другія группы; между прочимъ одна, называющая себя партіей соціалистовъ-революціонеровъ, и другая, выразителемъ которой является періодическое изданіе—„Рабочая Мысль“.

Спросъ на соціалистическую литературу расширился тѣмъ временемъ до очень значительныхъ размѣровъ. И на удовлетвореніе этого все возраставшаго спроса потрачена была масса энергіи за послѣдніе годы не только со стороны соціалъ-демократической партіи, въ составъ которой съ 1899 года вошелъ и союзъ освобожденія рабочихъ, партіи соціалистовъ-революціонеровъ (о которой будетъ рѣчь въ одной изъ слѣдующихъ главъ), еврейскаго рабочаго „Бунда“ или общаго рабочаго союза Россіи и Польши и провинціальныхъ группъ и комитетовъ всѣхъ этихъ партій,—этому дѣлу посвятили свои силы также колоніи русскихъ политическихъ эмигрантовъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Женевѣ. Каждая стачка стала служить образцомъ и урокомъ въ отношеніи пропаганды и организа-

іи; благодаря тайной прессѣ, этотъ урокъ и при-
ѣръ проникалъ во всѣ углы и закоулки болѣе
ли менѣе значительныхъ городовъ. На рабочемъ
соціалистическомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ
900 году Россія была представлена 72 делегата-
и. Большинство было эмигрантовъ, но они имѣли
3 мандата отъ различныхъ организацій внутри
мперіи. Докладъ, представленный одной изъ со-
іалистическихъ группъ, давалъ отчетъ о 217 стач-
ахъ; приблизительно въ половинномъ числѣ этихъ
гачекъ участвовало всего не менѣе 236.020 чел.
Выставленныя требованія сводились по большей
асти къ укороченію рабочаго дня и повышенію
іаты; и въ значительномъ большинствѣ случаевъ
гачки имѣли успѣхъ. Группа эта—соціалъ-демо-
ратическій союзъ—имѣла, начиная со времени пе-
рбургской стачки 1896 года, свою тайную рабо-
ую прессу, которая частью печаталась въ Рос-
и, частью перевозилась черезъ границу. За ука-
нный промежутокъ времени было выпущено ею
ъ свѣтъ нѣсколько тысячъ летучихъ листковъ и
рвомайскихъ прокламацій и около 30 воззваній
олѣе обширнаго размѣра—успѣхъ, довольно скром-
ый, но достаточный для начала. Далѣе въ этомъ
окладѣ говорится о 5.492 лицахъ, арестованныхъ
послѣднія 5 лѣтъ за участіе въ стачкахъ и ра-
чихъ демонстраціяхъ, каковое число составляетъ,
мнѣнію докладчика, около половины дѣйстви-
льнаго числа случаевъ.

По вычисленіямъ составителей отчета, эти 5.000
ертвъ подверглись въ общей суммѣ тюремному
ключенію на 700 лѣтъ, и то считая только „предва-
ительное заключеніе“ до какой бы то ни было

формы суда или приговора. По отчету комитет „Общаго рабочаго союза Россіи и Польши“, союз помимо двухъ періодическихъ изданій, постоянн выходившихъ въ самой Россіи, выпустилъ за пе ріодъ времени 18 мѣсяцевъ 25.800 летучихъ лист ковъ на еврейскомъ и 3.300 на польскомъ языкѣ

Вся эта соціалистическая пропаганда, въ кото рой естественно отводилось первое мѣсто специали нымъ условіямъ рабочаго труда, проводила такж съ каждымъ днемъ настойчивѣе и рѣзче взгляд о необходимости для народа политической свободы гражданскихъ правъ и смѣло возставала против всемогущаго произвола административной власти Русская соціалъ-демократическая партія, возник шая на развалинахъ разрушенныхъ, старыхъ револю ціонныхъ организацій, добровольно ограничивал сначала свою дѣятельность индустріальной и эконо мической программой; въ теченіе многихъ лѣт потрачено было масса энергіи лидеровъ молодог рабочаго движенія на споры между секціями, при знававшими необходимость политической дѣятель ности, и секціями, не признававшими таковой Разногласія еще и теперь не исчезли совершенно но быстрый ходъ обстоятельствъ частью облагора зумилъ и частью отстранилъ теоретиковъ-доктрине ровъ; вслѣдствіе того въ послѣднее время дѣлаетс замѣтнымъ сильное стремленіе къ объединенно дѣятельности и даже совершенному сліянію всѣх революціонныхъ силъ, и начинаетъ господствоват то общее мнѣніе, что извѣстный минимумъ поли тической свободы долженъ быть достигнутъ ранѣ того, чѣмъ можно будетъ думать о какой бы т ни было радикальной экономической реформѣ.

Поставленное лицомъ къ лицу съ поразительно быстрымъ и угрожающимъ развитіемъ соціалистическаго движенія, правительство, помимо примѣненія безпощадной репрессіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, стало прибѣгать одно время къ другому единственно оставшемуся въ его распоряженіи средству—средству, обезсмертившему нѣкоего темнаго полицейскаго агента, по фамиліи Зубатова.

Исторія съ этимъ Зубатовымъ показываетъ, что русская бюрократія далеко перещеголяла самую необузданную фантазію разныхъ писакъ „нигилистическихъ“ повѣстей въ отношеніи самыхъ невѣроятныхъ, грязныхъ и темныхъ полицейскихъ интригъ. Зубатовъ былъ когда-то студентомъ московскаго университета. Въ срединѣ 80-хъ годовъ онъ сдѣлался офиціальнымъ сыщикомъ; далѣе онъ перешелъ на службу въ „политическую полицію“ и спустя десять лѣтъ сдѣлался главой московскаго охраннаго отдѣленія, при чемъ онъ получалъ невѣроятно высокое жалованье и, кромѣ того, 60.000 рублей на секретные расходы по дѣламъ службы.

Когда рабочая агитація стала принимать внушительные размѣры, когда сдѣлалось очевиднымъ, что ни казацкія нагайки, ни тюрьма и ссылка не въ состояніи ее искоренить, Зубатовъ, съ согласія своего начальства, великаго князя Сергѣя и бывшаго московскаго оберъ-полицеймейстера генерала Трепова, пустилъ въ ходъ другого рода государственную политику,—политику, которая явилась, собственно, полицейской переработкой системы „отеческихъ попеченій“ г. Витте. Сущность этой политики сводилась къ организаціи рабочихъ сою-

зовъ на государственныхъ и „патріотическихъ основахъ“ и подъ сѣнью полицейскаго контроля цѣль же ея составляло „выловить неблагонамѣренныхъ“ и выслѣдить изъ самой средины рабочаго движенія его „главныхъ и опасныхъ вожаковъ“. Въ 1901 году было собрано въ Москвѣ в так называемый Зубатовскій „университетъ“ окол тысячи слушателей рабочихъ. Но движеніе стран нымъ образомъ не поддавалось успокоенію ни мѣрами лести, ни мѣрами чрезвычайной строгост 1-е мая 1902 года ознаменовалось въ Петербург убійствомъ 8 и арестомъ 500 человѣкъ изъ числ демонстрантовъ. Во время рабочихъ безпорядков въ Златоустѣ, на Уралѣ, произошло страшное п боище, при чемъ убито было 30 человѣкъ и р нено 250. Здѣсь и тамъ выставлялись требован свободы, и духъ народнаго возмущенія быстр усиливался съ каждымъ днемъ. Въ 1903 год когда Одесса и др. южные города сильно пок леблены были успѣшной агитаціей, агенты З батова рѣшили пойти нѣсколько дальше: он стали принимать на себя активное руководств стачками и организацію забастовокъ. Это однак скоро обнаружилось; Зубатовская политика, как совершенно дискредитированная, была отвергну правительствомъ, а самъ Зубатовъ былъ уволен отъ должности.

Подъ предлогомъ слѣдовать его примѣру, обр тился весною 1904 г. къ министру Плеве свяще пикъ о. Гапонъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ем основать „легальную“ рабочую организацію въ П тербургѣ. Разрѣшеніе это мин. Плеве ему было дан Это была, можетъ быть, самая глупая и непрост

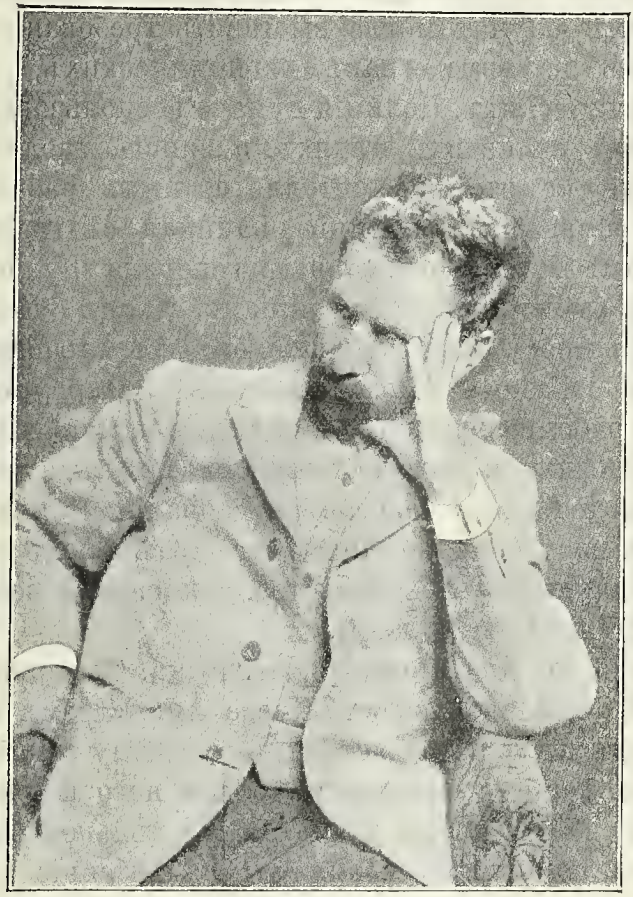
тельная ошибка, — съ его собственной точки зрѣнія, конечно,—которую когда-либо дѣлалъ г. фонъ-Плеве. Но какъ могъ этотъ великій полицеймейстеръ подозрѣвать въ простомъ священникѣ простого крестьянскаго происхожденія неблагонадежный и крамольный образъ мыслей?

Георгій Аполлоновичъ Гапонъ дѣйствительно происходилъ изъ простой крестьянской семьи большого села Билики, близъ Полтавы (въ Южной Россіи). Разсказъ о томъ, что онъ внукъ солдата-итальянца, оставшагося въ Россіи послѣ бѣгства арміи Наполеона I и занявшагося здѣсь фермерствомъ,—чистѣйшій вымыселъ. Родъ его (настоящая фамилія его—Гапонъ-Бидакъ) ведетъ свое происхожденіе отъ запорожскихъ казаковъ, прославившихся въ русской исторіи своими военными подвигами противъ турокъ и татаръ. Слово Бидакъ означаетъ собою большую лодку, или галеру. Преданіе разсказываетъ, что однажды, когда эти грабители-крестоносцы плыли внизъ по теченію рѣки Днѣпра, лодка ихъ сѣла на мель, и только благодаря геркулесовой силѣ казака Гапона удалось ее согнать въ воду, за что онъ и получилъ прозвище Бидакъ, которое перешло къ его потомству. Гапонъ вспоминаетъ, что въ дѣтствѣ онъ находилъ на чердакѣ родного дома нѣкоторыя сохранившіяся старинныя вещи отъ своихъ отдаленныхъ предковъ-казаковъ. Въ семьѣ онъ былъ самый старшій; изъ 19 дѣтей осталось въ живыхъ 6 братьевъ и 4 сестры. Мальчикъ Георгій, не отличавшійся особеннымъ физическимъ здоровьемъ, но обнаруживавшій зато большую склонность къ ученію, былъ отданъ отцомъ въ начальное ду-

ховное училище, откуда онъ перешелъ потомъ въ мѣстную духовную семинарію. По окончаніи семинаріи онъ служилъ одно время статистикомъ въ земствѣ. Скоро затѣмъ онъ сошелся съ одной молодой дѣвушкой, на которой женился и которая пробудила въ немъ мысль о томъ, какъ много добра онъ можетъ сдѣлать народу своимъ пастырскимъ словомъ и авторитетомъ.

По смерти жены онъ рѣшилъ продолжать образованіе въ столичной духовной академіи. Будучи священникомъ, онъ, въ качествѣ активнаго дѣятеля Общества распространенія христіанскихъ ученій среди промышленныхъ классовъ и въ качествѣ исповѣдника дома предварительнаго заключенія, имѣлъ возможность непосредственно познакомиться съ несчастною жизнью обездоленныхъ столицы—фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ и политическихъ и всякаго другого рода заключенныхъ. Первый опытъ, съ которымъ выступилъ Гапонъ въ дѣлѣ оказанія помощи рабочимъ,—былъ проектъ городскихъ и сельскихъ колоній для безработныхъ. Онъ добивался одобренія этого проекта нѣкоторыми высокопоставленными лицами для дальнѣйшаго представленія его императрицѣ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался вхожъ въ нѣкоторые петербургскіе салоны. Проектъ однако дальше не пошелъ, и важное знакомство скоро надоѣло Гапону. Какъ священникъ одного изъ самыхъ большихъ приходовъ, онъ сдѣлался очень популярнымъ среди бѣдныхъ рабочихъ. И въ головѣ его мало-по-малу зарождалась та мысль, что для блага и спасенія Россіи рабочіе эти должны быть организованы во что бы то ни стало. Теоретическій соціализмъ его, очевидно, не привле-

калъ. Что же касается революціонеровъ-интеллигентовъ, то онъ видѣлъ, что, несмотря на ихъ усилія и жертвы въ теченіе прошлыхъ десятилѣтій, они нисколько не ослабили силъ русскаго правитель-



Г. Гапонъ.

ства. Зубатовская организація, очевидно, играла роль чисто полицейской ловушки... Но умнаго, энергичнаго и смѣлаго Гапона осѣнила мысль о возможности совершенно новаго средства и спо-

соба борьбы. Онъ имѣлъ въ виду чисто-рабочую организацію, которая, возникши сначала съ согласія властей и съ совершенно невинною программой, должна была сдѣлаться съ теченіемъ времени достаточно сильной для того, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ могла выставить требованія коренныхъ реформъ, какъ экономическихъ, такъ и политическихъ. Полиція думала воспользоваться Гапономъ въ своихъ цѣляхъ, а Гапонъ заодно съ тайнымъ комитетомъ интеллигентныхъ рабочихъ хитро обманывалъ полицію, начиная съ градоначальника Петербурга, стараго генерала Фулона, и кончая самыми низшими чинами. Уходъ Зубатова открылъ просторное поле для его дѣятельности, и такимъ образомъ былъ основанъ „Петербургскій Союзъ рабочихъ людей“ съ видимою цѣлью устройства чайныхъ и потребительныхъ лавокъ, а также образовательныхъ классовъ и собраній. Всѣмъ извѣстно, во что превратилась эта затѣя подъ вліяніемъ народнаго недовольства, усиленнаго войной и вызванною ею нуждой.

Только въ тотъ моментъ, когда кн. Святополкъ-Мирскій сдѣлался вмѣсто Плеве министромъ внутреннихъ дѣлъ и предоставилъ русскому обществу краткій періодъ непривычной для него и неожиданной свободы рѣчей и движенія,—только въ тотъ моментъ сдѣлались возможны дальнѣйшіе шаги по пути къ достиженію свободы. Не Гапона, но Сазонова слѣдуетъ признать непосредственнымъ виновникомъ великаго пробужденія народа.

———

К. Каутскій.

ЭТИКА И МАТЕРІАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНІЕ ИСТОРІИ.

I. Античная и христіанская этика.

II. Этика эпохи просвѣщенія.

Переводъ Т. Бронъ.

I. Античная и христіанская этика *).

Въ исторіи философіи этическіе вопросы выступаютъ впервые на передній планъ въ Греціи послѣ персидскихъ войнъ. Побѣда, одержанная небольшимъ эллинскимъ племенемъ надъ колоссальной деспотической монархіей персидскихъ царей, имѣла для него такія же приблизительно послѣдствія, какъ и недавнее отраженіе сильнаго русскаго деспотизма для японскаго народа. Сразу, какъ бы однимъ ударомъ, оно превращается въ міровую державу, пріобрѣтаетъ господство на морѣ и завладѣваетъ торговлей. И если въ Японіи, повидимому, воцарится теперь крупное капиталистическое производство во всей его силѣ и красѣ,— производство, которое до сихъ поръ находилось въ этой странѣ только въ зачатіи, то, что касается Греціи и въ особенности Аѳинъ, нужно сказать, что онѣ сдѣлались послѣ персидскихъ войнъ центромъ всей тогдашней міровой торговли; торговый капиталъ сдѣлался господиномъ всей страны; мало-по-малу онъ успѣлъ подкопать

*) Три слѣдующія главы предлагаемаго сочиненія Каутскаго (III—Этика Канта, IV—Этика дарвинизма и V—Этика марксизма) будутъ помѣщены во „Второмъ сборникѣ“, имѣющемъ появиться въ самомъ непродолжительномъ времени.

въ корнѣ всѣ освященныя традиціей общественныя отношенія и разрушить господствующіе взгляды, которые до тѣхъ поръ оказывали сильное вліяніе на всѣ поступки и всю дѣятельность каждаго отдѣльнаго индивидуума. Каждый индивидуумъ увидѣлъ себя переселеннымъ въ новый міръ общественныхъ отношеній, гдѣ онъ вдругъ терялъ подъ собою всякую почву традиціи, гдѣ онъ всецѣло предоставленъ былъ личной самодѣятельности и собственнымъ силамъ,—и это тѣмъ въ большей степени, чѣмъ высшее положеніе занималъ данный индивидуумъ на лѣстницѣ общественныхъ отношеній. Но, несмотря на видимое отсутствіе внѣшнихъ нормъ и регулирующихъ правилъ, индивидуумъ не только имѣлъ потребность въ извѣстныхъ нормахъ для своей дѣятельности, онъ чувствовалъ также болѣе или менѣе ясно и сознательно, что внутри, въ его душѣ, живетъ и дѣйствуетъ какой-то тайный регуляторъ всѣхъ его дѣлъ и поступковъ, что этотъ регуляторъ даетъ ему возможность отличить добро отъ зла, побуждаетъ его стремиться къ добру и ненавидѣть всякое зло. Регуляторъ этотъ оказался однако силой въ высшей степени таинственной и непонятной.

Пусть дѣйствіе и вліяніе этого регулятора и проявляется у многихъ людей съ особой силой, пусть они и проводятъ различіе между добромъ и зломъ во всѣхъ случаяхъ жизни безъ колебаній и даже съ особенною прямотой и послѣдовательностью; но, захотѣвъ узнать и изслѣдовать, въ чемъ собственно состоитъ сущность этого регулирующаго начала и на какихъ основаніяхъ зи-

:дутся составленныя подъ его вліяніемъ рѣшенія, ы должны были бы немедленно придти къ тому аключенію, что само регулирующее начало, жиущее въ груди каждаго изъ насъ, равно какъ и бусловленныя имъ естественно-свободныя и независимыя рѣшенія представляются такими загадочными вленіями, которыя, пожалуй, труднѣе понять и азгадать, чѣмъ всякое другое явленіе окружающаго насъ міра.

Мы видимъ такимъ образомъ, что со времени ерсидскихъ войнъ этика, т.-е. ученіе о таинтвенномъ регуляторѣ человѣческихъ поступковъ ли изслѣдованіе закона человѣческой нравствености, начинаетъ занимать первое мѣсто въ греческой философіи. До того времени всякая философія была прежде всего и главнымъ образомъ атуръ-философіей. Она ставила себѣ задачей зслѣдовать и разъяснить закономѣрныя связи и тношенія въ природѣ. Теперь же природа все ольше и больше начинаетъ терять для философа вой интересъ. Самъ человѣкъ, т.-е. этическая торона человѣческой природы, дѣлается центромъ илософскихъ изслѣдованій. Натуръ-философія акъ бы останавливается въ своемъ развитіи; стественныя науки отрѣшаются отъ философіи и ачинаютъ идти своей дорогой; въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи древняя философія начинаетъ исходить отъ изслѣдованія духовной стороны ущности человѣка и его нравственныхъ началъ.

Уже софисты начинаютъ приписывать познанію природы маловажное и второстепенное значеніе. Еще дальше въ этомъ направленіи пошелъ Сократъ: онъ былъ того мнѣнія, что деревья въ лѣсу

ничему не могутъ научить его, но что онъ мо
жетъ научиться многому, изучая людей, живу
щихъ въ городѣ. Платонъ же смотрѣлъ на натуръ
философію, какъ на простую забаву.

Съ того времени и методъ философіи начинаетъ
значительно измѣняться. Натуръ-философіи при
шлось по необходимости ограничиться изученіемъ
и наблюденіемъ внѣшняго міра. Напротивъ того
лучшимъ способомъ изученія нравственной при
роды человѣка является наблюденіе надъ сферой
дѣятельности собственнаго *я*. Чувства наши нас
часто обманываютъ, другой индивидуумъ можетъ
выставить намъ предметъ или явленіе въ ложномъ
свѣтѣ; сами же мы не обманываемъ себя, если
только задаемся цѣлью быть искренними и прав
дивыми.

Такимъ образомъ значеніе единственно досто
вѣрнаго познанія начинали приписывать только
такому познанію, которое человѣкъ добывалъ
исключительно путемъ самопознанія.

Но не только предметъ и методъ, самыя цѣли
и задачи философіи стали теперь иными. Натуръ-
философія имѣла въ виду изслѣдованіе необхо-
димой и постоянной связи между причиной и
слѣдствіемъ.

Точкой зрѣнія ея была точка зрѣнія причин-
ности. Предметомъ же этики является, наоборотъ,
хотѣніе и долженствованіе человѣка, тѣ цѣли, къ
которымъ онъ долженъ стремиться, тѣ задачи,
которыя онъ долженъ ставить предъ собою. Этика,
такимъ образомъ, стоитъ на точкѣ зрѣнія прин-
ципа цѣлесообразности, телеологическаго прин-
ципа. Между тѣмъ эти новые взгляды проявля-

ись неодинаково рѣзко въ различныхъ напра-
леніяхъ ученія о морали.

Открылось два пути для объясненія господству-
щаго въ насъ нравственнаго закона. Основу его
ожно было видѣть, во-первыхъ, въ явныхъ сти-
улахъ нашихъ человѣческихъ поступковъ; сти-
улами же такого рода являются наши побужденія
ь счастью или блаженству. Въ періодъ господства
рварнаго производства,—производства, гдѣ отдѣль-
ые производители являлись съ внѣшней стороны
ицами независимыми и самостоятельными, есте-
твенно было смотрѣть на удовольствіе и счастье и
еобходимыя условія ихъ осуществленія, какъ на
ѣнности, имѣющія не общественный характеръ, а,
ѣрнѣе, характеръ частно-индивидуальный. Такимъ-
образомъ основу нашего нравственнаго закона
тали искать въ потребности человѣка къ личному
частью и блаженству. Благо или добро есть то,
го доставляетъ удовольствіе индивидууму, то, что
звышаетъ и увеличиваетъ его блаженство; зло
ть то, что имѣетъ противоположное значеніе для
ндивидуума. Какимъ же однако образомъ являет-
ся возможнымъ то обстоятельство, что существу-
ъ стремленіе и къ злу; почему всякій изъ насъ
ключительно и во всѣхъ случаяхъ жизни не
ремится только къ добру? Вопросъ этотъ нахо-
итъ свое объясненіе въ томъ, что существуютъ
зличные виды удовольствія и блаженства. Зло
роисходитъ и имѣетъ мѣсто тогда, когда чело-
вѣкъ отдаетъ предпочтеніе низшему виду удоволь-
вія или блаженства предъ блаженствомъ выс-
аго порядка, когда онъ жертвуетъ блаженствомъ
вчнымъ или продолжительнымъ ради удоволь-

ствія временнаго или преходящаго, словомъ, ког человѣкъ поступаетъ неправильно вслѣдствіе в знанія или недальновидности. Эпикуръ считае духовныя наслажденія высшими по сравненію физическими, ибо первыя являются болѣе пр должительными и доставляютъ намъ удовол ствіе чистое, безъ примѣси другихъ непріятны чувствъ.

По мнѣнію его, пріятное чувство, доставляем покоемъ, больше и выше удовольствія, получа маго нами при движеніи. Душевный миръ и сп койствіе являются въ его глазахъ наивысшим блаженствомъ. Вслѣдствіе тѣхъ же причинъ сл дуетъ избѣгать неумѣренности при какомъ бы ни было наслажденіи; въ виду того же всяк эгоистическій поступокъ слѣдуетъ признать без словно дурнымъ, ибо уваженіе и любовь бли нихъ и поддержка со стороны сочеловѣковъ—э факторы, являющіеся необходимымъ условіем личнаго счастія и личнаго блаженства; достижен же послѣдняго невозможно при небрежномъ отн шеніи къ интересамъ другихъ и исключител ныхъ заботахъ о личномъ благосостояніи.

Такой взглядъ на этику имѣлъ ту выгоду, ч она казалась весьма естественной и легко согл суемой съ потребностями и взглядами той фил софіи, которою міръ, познаваемый путемъ наших внѣшнихъ чувствъ, признавался міромъ дѣйств тельно существующимъ, для которой человѣческ существо являлось частью того же міра. Съ друг стороны, такое именно пониманіе этики долж было породить въ свою очередь матеріалистическ взглядъ на міръ. Этика, основанная на стремлен

индивидуума къ удовольствію или блаженству, или, другими словами, этика, основанная на эгоизмѣ, съ одной стороны, и матеріалистическое пониманіе міра, съ другой, взаимно обусловливали и поддерживали другъ друга. Въ особенно совершенномъ видѣ эти два момента выступаютъ въ философіи Эпикура (341—270 г. до Р. Х.).

Основаніемъ его матеріалистической натуръ-философіи является прямо этическая цѣль. Только матеріалистическій взглядъ на природу способенъ, по мнѣнію его, освободить насъ отъ чувства страха,—чувства, вызывающаго въ насъ глупое суевѣріе; только матеріалистическое міровоззрѣніе можетъ доставить намъ то душевное спокойствіе, безъ котораго истинное счастье является немыслимымъ и невозможнымъ.

Съ другой стороны, если кто не склонялся на сторону матеріализма или даже враждебно относился къ нему, онъ по необходимости долженъ былъ отвергнуть и вытекающую изъ него этику, и наоборотъ: кого не удовлетворяла эта этика, тотъ не могъ довольствоваться и матеріализмомъ. Между тѣмъ эта этика эгоизма, или этика, основанная на стремленіи къ личному блаженству нашего *я*, представляла довольно много слабыхъ сторонъ. Она не объясняла прежде всего, какимъ образомъ нравственный законъ проявляется въ насъ въ формѣ нравственнаго принужденія, почему онъ обязываетъ насъ творить добро, почему онъ не является намъ въ формѣ простого совѣта,—совѣта предпочитать болѣе разумный видъ блаженства удовольствію менѣе разумнаго характера. Точно такъ же наши быстрыя моральныя сужденія

о добрѣ и злѣ не напоминаютъ нисколько медленнаго взвѣшиванія различныхъ видовъ удовольствія или измѣренія ихъ по степени полезности. Далѣе, мы сознаемъ себя часто нравственно обязанными поступать такъ, а не иначе, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ мы, допуская даже весьма вольное и широкое толкованіе, не можемъ констатировать того, чтобы выполненіе нами нравственнаго закона вело за собою чувство удовольствія или имѣло результатомъ какую-нибудь пользу для насъ. Если я отказываюсь, напримѣръ, говорить неправду при увѣренности, что этотъ поступокъ можетъ навсегда возбудить противъ меня все общественное мнѣніе, что я ставлю на карту все свое существованіе или даже подвергаюсь опасности смертной казни, то о какомъ-нибудь удовольствіи или блаженствѣ, которое бы способно было хоть въ отдаленномъ будущемъ искупить минутную боль и превратить ее въ чувство противоположнаго характера, естественно, не можетъ быть рѣчи.

Но что же съ своей стороны могли приводить критики этого ученія въ объясненіе этого явленія? Въ сущности ничего, хотя они и были того мнѣнія, что они очень многое могутъ сказать по этому поводу. Такъ какъ они естественнымъ образомъ объяснить нравственный законъ не были въ состояніи, то ужъ этотъ самый фактъ получилъ въ ихъ глазахъ значеніе самаго вѣрнаго и неопровержимаго доказательства того, что человѣкъ живетъ не только въ самой природѣ, но и внѣ ея, что въ немъ проявляютъ свое дѣйствіе какія-то неестественныя или сверхъестественныя силы, что, словомъ, духъ человѣка представляетъ собою нѣ-

то сверхъестественное. Итакъ, господствующее ониманіе этики породило собою философскій иде-лизмъ и монотеизмъ, или вѣру въ единаго Бога. Но это поклоненіе единому Богу совершенно не охоже было на прежній политеизмъ. Разница дѣсь не только въ числѣ признаваемыхъ боговъ; динобожіе возникло изъ политеизма не путемъ ростого редуцированія числа боговъ до одного. Многобожіе представляло собою опытъ объясне-ія явленій природы. Боги древнихъ служили лицетвореніемъ силъ природы; боги не возвыша-ись, такимъ образомъ, надъ природой, не стояли нѣ ея,—они находились въ ней самой, составляли асть самой природы.

По мѣрѣ же того какъ натуръ-философія стала ткрывать, помимо личнаго вліянія боговъ, и дру-ія причины совершающихся въ природѣ явленій; о мѣрѣ того какъ она стала развивать идею за-ономѣрности въ явленіяхъ, идею постоянной не-бходимой связи между причиной и дѣйствіемъ,— режніе боги были вытѣснены ею и отодвинуты а второй планъ. Они хотя и продолжали держать-я нѣкоторое время въ философіи, но они яв-ялись въ ней уже въ видѣ особаго рода сверхъ-еловѣковъ, лишенныхъ главнаго атрибута преж-яго божества — активной власти надъ мірскими удьбами. Даже у Эпикура, при всемъ его мате-іализмѣ, древніе боги хотя и остаются пока въ ивыхъ, но они числятся уже въ отставкѣ, они ревращены въ пассивныхъ зрителей.

Даже очищенное отъ матеріализма новое эти-эское направленіе философіи, нашедшее наиболѣе олное и вѣрное выраженіе въ сочиненіяхъ Пла-

тона (427—347 г. до Р. Хр.) и разработанное, осо
бенно въ мистической части, неоплатониками,
изъ нихъ въ особенности Плотиномъ (204—270 г
по Р. Хр.), и это этико-философское направленіе н
нуждалось больше въ древнихъ богахъ для объ
ясненія физико-естественныхъ явленій; представи
тели этой философіи обращались съ богами н
лучше матеріалистовъ. Идея о божествѣ проис
текала у нихъ не изъ потребности найти объяс
неніе окружающей природы, — они хотѣли лиш
объяснить при помощи ея этическую духовную
т.-е. внутреннюю, жизнь человѣка. Для этого он
должны были признать существованіе духа, кото
рый находился бы внѣ самой природы и возвы
шался бы надъ нею,—словомъ, находился бы вн
времени и пространства. Такого рода духъ дол
женъ былъ представлять собою квинтъ-эссенці
морали и господствовать надъ міромъ матеріаль
нымъ, совершенно аналогично тому, какъ сам
аристократическіе философы господствовали над
массами работающей черни, и равно какъ фило
софы склонны были считать себя людьми благо
родными, людьми высшаго порядка по сравнені
съ массами, представлявшимися имъ низкой, не
благородной чернью, такъ они смотрѣли и на при
роду, какъ на нѣчто низменное и злое, духъ ж
являлся имъ возвышеннымъ и добрымъ. На доли
человѣка выпало несчастье принадлежать въ одн
и то же время двумъ мірамъ: міру духовному
матеріальному. Онъ—наполовину животное, напо
ловину ангелъ, онъ стоитъ на распутьи межд
добромъ и зломъ. Но равно какъ Богъ господ
ствуетъ надъ природой, такъ и этическая прав

твенная сторона въ человѣкѣ обладаетъ силою реодолѣвать человѣческое естество, одерживать обѣду надъ плотью. Полнымъ блаженствомъ одако человѣкъ не можетъ пользоваться до тѣхъ оръ, пока онъ живетъ въ этой юдоли скорби, дѣ онъ осужденъ вести постоянную борьбу съ воею собственною злою плотью. Только тогда огда человѣкъ освобождается отъ нея, когда духъ го возвращается къ своему первоисточнику, къ ожеству,—только тогда открывается для него возожность безграничнаго блаженства.

Легко видѣть, что Богъ играетъ здѣсь совररенно иную роль, чѣмъ при первоначальномъ ногобожіи. Единый Богъ не является уже олитвореніемъ какого-нибудь явленія внѣшней приоды; это какъ бы та же духовная сущность чеовѣка, принявшая только наиболѣе самостоятельую форму. Равно какъ духовное существо челоѣка едино, такъ и новое божество не можетъ редставляться многообразнымъ. Новый единый огъ, такъ, какъ онъ является передъ нами въ воемъ наиболѣе совершенномъ философскомъ толованіи, не имѣетъ никакихъ другихъ функцій, ромѣ той, что онъ помогаетъ намъ объяснить ервоисточникъ нравственнаго закона. Въ этомъ остоитъ его главная роль и задача. Не его дѣло мѣшиваться въ дѣла мірскія, какъ это дѣлали ревніе боги. Для объясненія жизненныхъ явлеій и происшествій философу достаточно было ризнать существованіе закономѣрной связи меду дѣйствіемъ и причиной.

Правда, чѣмъ болѣе взглядъ этотъ пустилъ кори въ народѣ, чѣмъ болѣе онъ превращался въ

народную религію, тѣмъ болѣе высшій, всеобъ-
емлющій, господствующій надъ всѣмъ духъ внов
пріобрѣталъ черты человѣческой личности, тѣм
болѣе духъ этотъ сталъ принимать живое участі
въ мірскихъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе вкрадывалис
даже и врывались снова старые боги. Они вы
ступали теперь въ качествѣ посредниковъ ме
жду божествомъ и людьми то въ видѣ святыхъ
то въ видѣ ангеловъ. Но даже въ той формѣ
какъ это міровоззрѣніе было распространено в
народѣ, оно отводило природѣ очень незначи
тельную роль, оно признавало, что духовный,
именно нравственный, элементъ въ человѣкѣ имѣ
етъ сверхъестественное происхожденіе и служит
непреложнымъ доказательствомъ самаго существо
ванія сверхъестественнаго міра.

Между этими двумя крайними ученіями, пред
ставителями которыхъ явились Платонъ и Эпи
куръ, могли существовать, конечно, разнообразны
промежуточныя ступени. Самая важная изъ них
есть стоическая философія, основанная Зенономъ
философомъ, жившимъ отъ 341 до 270 г. до Р. Хр
Философія эта такъ же, какъ и философія Пла
тона, отказывалась производить нравственный за
конъ изъ чувства удовольствія или эгоизма от
дѣльнаго индивидуума. Она признавала въ нем
какую-то высшую повелѣвающую имъ силу,—силу
которая въ состояніи побудить человѣка къ по
ступкамъ, причиняющимъ ему боль и страданія
а нерѣдко и смерть. Но въ отличіе отъ Платонов
ской философіи философія стоиковъ видѣла в
нравственномъ законѣ не нѣчто сверхъестествен
ное, но продуктъ самой природы. Добродѣтель

о ихъ ученію, проистекаетъ изъ познанія при-
оды; блаженство достигается человѣкомъ, когда
нъ поступаетъ такъ, какъ это соотвѣтствуетъ цѣ-
ому міровому механизму или міровому разуму.
ознать природу и поступать разумно въ духѣ
смыслѣ ея—это значитъ поступать въ духѣ доб-
одѣтели; добровольное подчиненіе диктуемымъ
природой законамъ необходимости и пренебреже-
е заботами личнаго удовольствія или неудоволь-
вія есть тотъ вѣрный путь къ блаженству, по
торому долженъ стремиться всякій мудрый и
стинно разумный человѣкъ. Изученіе природы
ожетъ служить для насъ только вспомогатель-
ымъ средствомъ для изученія свойствъ добродѣ-
ли. Сама природа, болѣе того, объясняется стои-
ми съ точки зрѣнія морали. Практическій вы-
дъ стоической этики есть не стремленіе къ удо-
льствію, а, наоборотъ, презрѣніе удовольствія,
ренебреженіе благами міра. Но это презрѣніе міра
лжно было служить въ конечномъ итогѣ той
ели, которая считалась наивысшею какъ Зено-
мъ, такъ и Платономъ, а именно — цѣли дости-
нія душевнаго міра и внутренняго покоя ка-
дымъ отдѣльнымъ индивидуумомъ. Этика того и
угого философа одинаково вытекала изъ потреб-
сти мира и покоя.

Такому положенію стоической морали между эти-
й Платона, съ одной стороны, и этикой эпику-
йской—съ другой, соотвѣтствовало и все міровоз-
рѣніе представителей стоицизма. Изученію и объ-
ненію природы они, правда, придавали значе-
е. Но природа представлялась имъ въ формѣ
оеобразнаго монотеистическаго матеріализма,—

матеріализма, обладающаго первичной божестве
ной силой, изъ которой ведетъ свое происхожденіе
человѣческая душа. Эта первичная сила, однак
этотъ перво-огонь—тѣлесенъ; онъ находится не вн
сферы природы, а въ ней самой; душа такимъ обр
зомъ не безсмертна, хотя она и имѣетъ болѣе пр
должительное существованіе, чѣмъ тѣло; въ кон
концовъ она поглощается первичнымъ огнемъ.

Стоицизмъ и матеріализмъ сдѣлались въ кон
концовъ элементами христіанства, и въ этой нов
формѣ они одержали побѣду надъ матеріал
стическимъ эпикуреизмомъ. Матеріализмъ эпик
рейцевъ въ состояніи былъ удовлетворить так
общество или такіе общественные классы, кот
рыхъ удовлетворяла сама дѣйствительность, кот
рые находили въ ней счастье и блаженство и
ощущали потребности въ другихъ условіяхъ жизн
въ другомъ общественномъ строѣ.

Тѣ же общественные классы, которымъ дѣйств
тельность представлялась дурной и печальной,
необходимости должны были отвергнуть этого ро
матеріализмъ. Сюда слѣдуетъ относить какъ и д
шедшую до упадка аристократію, такъ и экспло
тируемые классы обездоленнаго народа. Какъ тѣм
такъ и другимъ настоящее и будущее должны бы
бы казаться одинаково печальными въ томъ сл
чаѣ, если бы не существовало въ дѣйствительнос
другого міра, помимо міра матеріальнаго, т.-е. мі
нашего опыта, и если бы нельзя было вѣрить
силу всемогущаго духа, могущаго стереть и ун
чтожить презрѣнный земной міръ. Наконецъ, ма
ріализмъ былъ отвергнутъ и цѣлымъ обществом
какъ таковымъ. Это случилось въ тотъ момент

огда все общество пало до того, что страданіе хватило и господствующіе общественные классы, огда и эти послѣдніе пришли къ тому убѣжде-ю, что всякое благо не отъ міра сего, что сей мной міръ въ состояніи производить только зло. динственною альтернативой, представлявшеюся гда, было презирать міръ, наподобіе стоиковъ, ли ждать спасителя изъ міра загробнаго, подобно слѣдователямъ Христа.

Новый элементъ присоединился къ христіанству, агодаря переселенію народовъ. На мѣсто при-едшаго въ упадокъ общества Римской имперіи явилось новое общество, въ которомъ выродив-іяся дряхлыя формы римскаго производства и мскаго міровоззрѣнія, съ одной стороны, и юно-ески-здоровая германская община съ ея наивно-изнерадостнымъ міросозерцаніемъ—съ другой, со-авили довольно своеобразное новообразованіе.

Съ одной стороны, христіанская церковь сдѣла-сь цементомъ, который связывалъ и скрѣплялъ вый государственный организмъ.

Здѣсь, повидимому, вновь находитъ подтвержде-е тотъ взглядъ, что духъ сильнѣе матеріи, ибо ховная сила христіанскихъ пастырей оказалась статочной для того, чтобъ обуздать грубую силу рманскихъ варваровъ и держать ихъ въ подчи-ніи. Представители христіанства смотрѣли на убую силу, происходящую отъ міра матеріаль-го, если только эта сила не управлялась и не уздывалась духомъ, какъ на источникъ всякаго а. Духъ же, напротивъ, казался имъ основой ага и добра.

Такимъ-то образомъ новый общественный строй

только способствовалъ тому, чтобы упрочить фил
софскую основу христіанства и его морали. С
другой стороны, перемѣна въ общественномъ с
ставѣ внесла съ собой въ само общество элемен
жизнерадостности и самоувѣренности, что́ сове
шенно отсутствовало въ немъ въ періодъ возникн
венія христіанства. Самому христіанскому дух
венству, по крайней мѣрѣ большинству его, мі
не представлялся болѣе долиной скорби. Дух
венствомъ овладѣла жажда удовольствій и насл
жденій, бодрый эпикурейскій духъ, и даже эп
курейство болѣе грубое, чѣмъ первоначальное эп
курейство древнихъ, и совершенно отличное о
него. И несмотря на это, пастырство должно бы
держаться еще своей прежней христіанской этик
которая теперь являлась уже однако не выраж
ніемъ его нравственныхъ чувствъ и настроен
а лишь средствомъ сохранить и удержать св
власть надъ народомъ. Христіанскіе пастыри имѣ
вообще достаточно поводовъ и основаній попре
нему признавать философскую основу этой этик
т.-е. самостоятельность духа и даже превосходст
его надъ матеріей и міромъ дѣйствительнос
Такимъ образомъ, измѣненная общественная с
туація породила, съ одной стороны, новые моти
для этики матеріализма, съ другой же—она вызва
рядъ причинъ, способствовавшихъ упроченію т
диціонной христіанской морали. Плодомъ этого
явилась та двойственная этика, которая сдѣлала
характерною особенностью христіанства, то внѣ
нее признаніе системы нравственныхъ принципо
которое только отчасти служитъ выраженіемъ
шего дѣйствительнаго нравственнаго чувства

тѣнія и далеко не во всѣхъ случаяхъ оказываетъ іяніе на наши поступки. Другими словами, моль лжи и лицемѣрія возведена была въ постоянное общественное учрежденіе, и нигдѣ еще, какъ христіанствѣ, она не проявлялась въ такой рѣзой и характерной формѣ.

Этика и религія стали казаться теперь неразывно связанными другъ съ другомъ. И хотя нравственный законъ и является собственно логичеимъ творцомъ единаго Бога, но съ точки зрѣнія истіанства Богъ является, наоборотъ, прародилемъ нравственнаго закона. Безъ вѣры въ Бога, зъ религіи не существуетъ и нравственности.

Всякіе этическіе вопросы сдѣлались вопросами ологіи. И такъ какъ самою первоначальною и ивною формою соціальнаго возмущенія слѣдуетъ изнать возмущеніе нравственное, — возмущеніе, званное сознаніемъ безнравственности существующаго строя, то всякая соціальная революція чиналась всегда въ формѣ теологической крики, что, правда—отчасти, вызывалось также тѣмъ стоятельствомъ, что знатная церковь служила рнѣйшимъ орудіемъ господства, что римское ховное сословіе являлось въ среднихъ вѣкахъ мымъ распространеннымъ классомъ худшихъ и ѣйшихъ эксплоататоровъ. Естественно поэтому, о всякое народное движеніе противъ эксплоатаціи кого бы то ни было рода поражало всегда церовь въ первую голову.

Когда же затѣмъ, въ эпоху возрожденія, вновь ала оживать философская мысль, вопросы этики морали все же долго еще продолжали оставаться просами теологіи.

II. Этика эпохи просвѣщенія.

Начиная съ эпохи возрожденія, оживаетъ внов интересъ къ естественнымъ наукамъ, а вмѣстѣ с тѣмъ и къ философіи. Философія съ этого вр мени до самаго XVIII столѣтія являлась главным образомъ въ формѣ натуръ-философіи, и, как таковая, она содѣйствовала расширенію нашеі познанія далеко за предѣлами того кругозора, д котораго поднимался древній міръ; исходнымъ ж пунктомъ этой философіи служили тѣ успѣхи в естественныхъ наукахъ, которые достигнуты был въ среднихъ вѣкахъ арабами,—успѣхи, означавш большой шагъ впередъ по сравненію съ научным познаніями грековъ.

Самой главной страницей указанной философ ской эпохи слѣдуетъ признать, конечно, учеп Спинозы (отъ 1632 до 1677).

Мыслители этого времени отводили этикѣ вт рое мѣсто; она находилась въ подчиненіи у ест ственныхъ наукъ и неразрывно была связана с познаніемъ природы.

Но она опять выступаетъ на первый планъ н тотъ моментъ, когда зарожденіе и быстрое разв тіе капитализма въ XVIII-мъ столѣтіи вызывают такія же послѣдствія для Западной Европы, как

имѣло и для Греціи развитіе ея экономическаго благосостоянія послѣ персидскихъ войнъ; мы имѣли въ виду быстро наступившія какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ коренныя измѣненія во всемъ старомъ экономическомъ строѣ, повлекшія за собою паденіе всѣхъ унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ вѣковъ общественныхъ организацій и измѣненіе всѣхъ моральныхъ принциповъ и воззрѣній. Началась, выражаясь современнымъ языкомъ, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей и усердная работа вмѣстѣ съ тѣмъ по изслѣдованію и изученію сущности и природы человѣческой нравственности. Рядомъ же съ этимъ шло и усердное изученіе основъ новаго способа производства. Ибо въ то самое время, когда этика стала занимать болѣе прочное положеніе, начинаетъ выдвигаться и другая наука, наука, неизвѣстная древнимъ вѣкамъ,—особое дѣтище, такъ сказать, капиталистическаго товарнаго производства, изученіемъ котораго она и занимается. Наука эта—политическая экономія.

Въ новой этикѣ проявляются опять три главныхъ направленія, выказывающія много сходства съ тремя направленіями этики древнихъ: платоническимъ, эпикурейскимъ и стоическимъ. Соотвѣтствующія направленія въ новой этикѣ суть: направленіе антиматеріалистическое, или христіанское, сохранившееся отъ прежнихъ вѣковъ, направленіе матеріалистическое и, наконецъ, третье—примиряющее направленіе, являющееся серединой между первымъ и вторымъ.

Любовь къ жизни и ея удовольствіямъ у богатѣющей буржуазіи, въ особенности у ея передовыхъ

элементовъ и интеллигенціи, сдѣлалась въ наше время до того сильной, что они стали теперь осмѣливаться выступать открыто и сбросить съ себя всякую маску лицемѣрія, къ которой заставляло их прибѣгать господствовавшее до того времени христіанство.

И какъ ни печально и неудовлетворительно казалось во многихъ отношеніяхъ настоящее, все же буржуазія, быстро разраставшаяся и богатѣвшая, стала чувствовать, что будущее, эта лучшая часть дѣйствительности, принадлежитъ ей; она стала чувствовать въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы превратить земную долину скорби въ такой рай, въ которомъ люди могли бы свободно слѣдовать своимъ побужденіямъ. Въ дѣйствительности и въ естественныхъ стремленіяхъ и побужденіяхъ человѣка буржуазные мыслители той эпохи видѣли не зародышъ всякаго зла, а напротивъ того, залогъ всякаго блага. Это новое направленіе мысли нашло воспріимчивую и благодарную почву не только въ передовой части буржуазіи, но также и среди придворной аристократіи, которая успѣла захватить такую сильную власть въ государствѣ, что она считала себя въ состояніи отказаться отъ лицемѣрной христіанской морали ради веселой и счастливой жизни, тѣмъ болѣе что ее отдѣляла отъ народныхъ массъ довольно широкая пропасть. Она смотрѣла на горожанъ и крестьянъ, какъ на существа низшей породы, философію же, исповѣдываемую ею самой, она считала совершенно недоступной и непонятной для народа. Такимъ образомъ она полагала себя въ правѣ свободно жить и развиваться въ духѣ этой философіи, нисколь-

ко не опасаясь притомъ ослабить орудіе своего господства—христіанскую религію и ея мораль.

Условія для воспріятія такого міровоззрѣнія и такого взгляда на этику мы находимъ лучше всего развитыми во Франціи, гдѣ этого рода этика и нашла наиболѣе ясное и смѣлое выраженіе. Какъ въ древней эпикурейской философіи, такъ и въ философіи просвѣтительнаго періода, представителями которой являются Ламеттри (1709—1751 г.), Гольбахъ (1723—1789 г.) и Гельвецій (1715—1771 г.), этика эгоизма, матеріальной пользы или жизненныхъ наслажденій индивидуума находится въ самой тѣсной логической связи съ матеріалистическимъ направленіемъ философской науки. Міръ, какимъ его являетъ намъ опытъ, казался этой философіи единственно мыслимымъ и допустимымъ для насъ міромъ.

Причины этого новаго эпикуреизма имѣли много сходства съ причинами эпикуреизма древнихъ вѣковъ; сходны были также и результаты, къ которымъ пришли и тотъ и другой.

Несмотря на то, эти два рода эпикуреизма существенно отличались другъ отъ друга въ одномъ очень важномъ пунктѣ. Древній эпикуреизмъ не означалъ собою паденія и разрушенія традиціонныхъ религіозныхъ воззрѣній; онъ умѣлъ легко приспособиться къ послѣднимъ. Онъ не былъ ученіемъ революціонно настроеннаго класса; онъ училъ и проповѣдывалъ не борьбу, а спокойно созерцательное наслажденіе и пользованіе земными удовольствіями. Наоборотъ, скорѣе уже идеализмъ Платона и теизмъ являются такимъ ученіемъ недовольныхъ классовъ,—ученіемъ, означав-

шимъ переворотъ въ прошедшихъ по традиціи религіозныхъ воззрѣніяхъ.

Другое совершенно дѣло—философія эпохи просвѣщенія; правда, и она была консервативнаго происхожденія, и она, поскольку она служила потребностямъ придворной аристократіи, видѣвшей въ данномъ абсолютистическомъ государственномъ строѣ источникъ доходовъ для широкой и богатой жизни, признавала верхомъ счастья спокойное пользованіе земными благами. Главнымъ же образомъ, однако, философія эта была философіей наиболѣе интеллигентной, наиболѣе развитой и смѣлой части богатѣющей буржуазіи. Это обстоятельство и придавало нашей философіи характеръ революціонный. Занимая съ самаго начала противоположную позицію по отношенію къ традиціонной религіи и морали, философія эта, по мѣрѣ того какъ росли силы и самосознаніе буржуазіи дѣлалась все болѣе и болѣе философіей борьбы міровоззрѣніемъ, совершенно отличнымъ отъ взглядовъ древняго эпикурейства. Она призывала къ борьбѣ противъ духовенства и тирановъ, къ борьбѣ за новые идеалы.

По взглядамъ французскихъ матеріалистовъ нравственные принципы человѣка и сила его нравственныхъ побужденій опредѣляются условіями среды, въ которой онъ живетъ, и зависятъ въ особенности отъ воспитанія даннаго индивидуума и отъ всего государственнаго строя данной страны. Поступки человѣка всегда опредѣляются его личными интересами.

Интересъ, руководящій поступками человѣка, можетъ быть однако и интересомъ чисто соціаль-

наго характера, и это въ томъ именно случаѣ, когда общество представляетъ собою такую организованную единицу, гдѣ личные эгоистическіе интересы отдѣльныхъ индивидуумовъ сливаются съ интересами всего цѣлаго, гдѣ различная игра страстей разныхъ индивидуумовъ служитъ не во вредъ, а въ пользу всему обществу.

Истинная добродѣтель состоитъ, согласно этому взгляду, въ заботѣ объ интересахъ и благѣ всего общества; она, эта добродѣтель, можетъ процвѣтать лишь въ такой общественной организаціи, гдѣ индивидуумъ, заботясь о благѣ всего общества, улучшаетъ въ то же время и свое личное благосостояніе, гдѣ онъ не можетъ наносить какой-нибудь ущербъ общественному благу, не вредя въ то же время и самому себѣ.

Только невѣжество въ отношеніи настоящихъ вѣчныхъ интересовъ человѣчества, незнаніе лучшихъ и болѣе совершенныхъ формъ государственности, общественнаго строя и воспитанія, только это незнаніе является причиной тѣхъ условій, которыя вызываютъ въ силу необходимости неизбѣжные конфликты между личными интересами отдѣльныхъ индивидуумовъ и интересами и благомъ всего цѣлаго. Для того чтобы прочно обосновать на землѣ счастье и добродѣтель, слѣдуетъ стараться только искоренить это невѣжество, найти и подыскать „разумныя“ формы государственности, общественнаго строя и воспитанія.

Въ этомъ и заключается революціонное зерно французскаго матеріализма. Онъ изрекаетъ приговоръ существующему государственному строю Онъ считаетъ этотъ строй главнымъ виновникомъ

порочности людскихъ массъ, обусловливаемой, какъ мы видѣли, несоотвѣтствіемъ личныхъ индивидуальныхъ интересовъ интересамъ цѣлаго общества. Это значительно возвышаетъ французскій матеріализмъ надъ античнымъ эпикуреизмомъ, но это и увеличиваетъ въ то же время слабыя стороны его этики.

Ибо суть дѣла не въ томъ только, чтобы найти лучшія формы общественнаго строя и государства, — слѣдуетъ также *бороться* за эти лучшія формы, слѣдуетъ выступить сначала противъ господствующихъ классовъ, держащихъ въ рукахъ власть, и, низвергнувъ ихъ, основать на землѣ царство добродѣтели. Для выполненія же этой задачи требуются сильныя нравственныя побужденія и страсти. Откуда же браться этимъ послѣднимъ, когда настоящій общественный строй до того плохъ, что при немъ не можетъ процвѣтать ни добродѣтель, ни нравственность. Не должна ли высшая нравственность быть уже ранѣе налицо какъ необходимая предпосылка для возникновенія высшей формы общественной организаціи? Не долженъ ли жить въ нашей душѣ нравственный идеалъ, прежде чѣмъ утвердится въ мірѣ нравственный порядокъ? Но откуда являться нравственному идеалу въ мірѣ, полномъ пороковъ и несовершенствъ?

На этотъ вопросъ мы не получаемъ удовлетворительнаго отвѣта.

Нѣсколько инымъ образомъ старались въ XVIII столѣтіи объяснить нравственный законъ англичане. Они въ общемъ оказались менѣе смѣлыми, чѣмъ французы, и болѣе склонными къ компро-

миссамъ, какъ это и соотвѣтствуетъ исторіи Англіи со времени реформаціи. Географическое положеніе этой страны на островѣ содѣйствовало въ исключительной мѣрѣ ея экономическому развитію, такъ какъ занятіе мореплаваніемъ служило въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, благодаря такъ наз. колоніальной системѣ, вѣрнѣйшимъ путемъ легкаго и скораго обогащенія. Благодаря тому же географическому положенію, Англія не должна была нести всѣхъ тяжестей милитаризма и не участвовала въ опустошительныхъ войнахъ, истощавшихъ силы державъ на континентѣ. Такимъ образомъ Англія обогащается въ XVII и XVIII ст. быстрѣе другихъ державъ и начинаетъ занимать въ экономическомъ отношеніи первое мѣсто среди нихъ. Но когда въ какой-нибудь странѣ являются раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, новые классы, новыя классовыя противоположности и вмѣстѣ съ тѣмъ новыя общественныя проблемы, эти вновь зародившіеся общественные классы не дошли еще въ ней до развитого классоваго самосознанія, а держатся еще прочно стараго образа мыслей и прежнихъ воззрѣній, вслѣдствіе чего и классовыя противоположности являются еще въ этой странѣ въ весьма простой и неразвитой формѣ. Дѣло не доходитъ на первыхъ порахъ въ такой странѣ до рѣзкой и рѣшительной борьбы между противоположными классами, и радикальная побѣда надъ старыми классами, продолжающими неограниченно господствовать въ странѣ не хуже, чѣмъ и въ другихъ менѣе развитыхъ государствахъ, не имѣетъ пока мѣста. Новые классы оказываются пока неспособными къ самовластію, такъ какъ они съ

трудомъ еще могутъ оріентироваться въ обществѣ, сами пугаются еще новизны своихъ собственныхъ стремленій и сами ищутъ опоры и указаній въ традиціонныхъ общественныхъ отношеніяхъ.

Слѣдуетъ такимъ образомъ признать, повидимому, общимъ закономъ общественнаго развитія тотъ фактъ, что страны, опередившія другія государства въ своемъ экономическомъ развитіи, высказываютъ тенденцію склоняться вообще къ компромиссамъ и не прибѣгать къ радикальнымъ рѣшеніямъ вопроса.

Такъ, напримѣръ, Франція занимала въ среднихъ вѣкахъ послѣ Италіи первое мѣсто въ Европѣ по своему экономическому развитію.

Вслѣдствіе этого она первая изъ европейскихъ государствъ вступила въ столкновеніе съ властью римскаго папы. Свѣтская государственная власть Франціи первая возмутилась противъ него. Но именно вслѣдствіе того, что Франція явилась здѣсь застрѣльщикомъ, такъ сказать, она не пошла далеко по этому пути: она не основала собственной государственной церкви и оказалась только въ состояніи принудить папу къ компромиссу въ видѣ взаимнаго договора, который сохранялъ свою силу съ нѣкоторыми только перерывами, все время до самыхъ послѣднихъ дней. Напротивъ того, самыми радикальными поборниками папства оказались впослѣдствіи другія два государства, которыя являлись собственно наиболѣе отсталыми въ хозяйственномъ отношеніи, а именно Шотландія и Швеція.

Со времени реформаціи мы видимъ въ ряду наиболѣе передовыхъ державъ съ наиболѣе развитыми экономическими отношеніями не Францію

и Италію, а уже Англію съ Шотландіей, въ виду чего и въ этихъ странахъ компромиссъ начинаетъ дѣлаться единственною формой рѣшенія вопроса классовой борьбы. Именно вслѣдствіе того, что въ XVII столѣтіи капиталъ сильнѣе процвѣталъ въ Англіи, чѣмъ гдѣ бы то ни было, именно потому, что въ ней раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ, началась борьба съ феодальною аристократіей, борьба эта должна была окончиться компромиссомъ, имѣвшимъ послѣдствіемъ то обстоятельство, что и нынѣ еще феодальная земельная собственность прочнѣе держится въ Англіи, чѣмъ въ какой бы то ни было странѣ Европы, исключая развѣ Австро-Венгріи. Вслѣдствіе той же причины, т.-е. вслѣдствіе очень быстраго развитія экономическихъ отношеній, классовая борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей впервые должна была разгорѣться именно въ Англіи. Первыя вспышки этой борьбы относятся къ тому времени, когда какъ пролетаріи, такъ и промышленные капиталисты не переросли еще идеологіи буржуазнаго мѣщанства; когда многіе, даже очень наблюдательные ученые обозначали и тотъ и другой классъ общимъ именемъ „представителей индустріи“; когда не успѣли сложиться еще окончательно типы сознательнаго, увѣреннаго въ будущемъ своего класса пролетарія, съ одной стороны, и неограниченно господствующихъ въ государствѣ магнатовъ промышленнаго капитала — съ другой. Вслѣдствіе того борьба между обоими классами послѣ нѣкотораго краткаго, очень бурнаго періода выродилась, наконецъ, въ мелкую форму компромисса, способствовавшаго только тому, чтобы сдѣлать въ

продолженіе многихъ десятилѣтій господство англійской буржуазіи надъ пролетаріатомъ болѣе полнымъ и неограниченнымъ, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ съ современными способами производства.

Понятно, что сила выставленнаго закона, какъ и всякаго другого закона, можетъ быть ослаблена вліяніемъ побочныхъ неблагопріятныхъ условій и увеличена, наоборотъ, при благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ законъ этотъ вѣренъ въ слѣдующемъ отношеніи. Никакъ не можетъ быть признано справедливымъ обычное пониманіе историческаго матеріализма, будто тѣ страны, которыя стоятъ впереди другихъ въ отношеніи экономическаго развитія, должны обнаруживать также и наиболѣе рѣзкія и рѣшительныя формы классовой борьбы.

Духу компромисса, господствовавшаго въ Англіи съ самаго начала XVII столѣтія, подчинялась не только этика, но и ученіе матеріализма и атеизма. Борьба быстро развивающихся демократическихъ классовъ противъ государственной власти, не зависимой отъ буржуазіи и защищавшей интересы феодальнаго дворянства, борьба противъ монархіи съ ея придворной аристократіей и господствующей государственной религіей,—борьба эта началась въ Англіи на цѣлое столѣтіе раньше, чѣмъ во Франціи, въ то время еще когда чисто христіанское мышленіе было достояніемъ лишь немногихъ умовъ. Если во Франціи борьба противъ государственной церкви означала собою борьбу между христіанствомъ и атеистическимъ матеріализмомъ, въ Англіи она являлась борьбою демократическихъ

христіанскихъ сектъ противъ другой христіанской же секты, представляемой государственною церковью. И если во Франціи большинство интеллигенціи, а также и другіе классы, находившіеся подъ ея вліяніемъ, мыслили въ эпоху просвѣщенія въ духѣ матеріализма и атеизма, англійская интеллигенція старалась найти компромиссъ между идеями матеріализма и христіанства. Правда, и новѣйшій матеріализмъ выступаетъ уже въ Англіи въ своей открытой формѣ у Гоббса (1588—1679 г.); правда, были въ Англіи и отдѣльные мыслители въ области этики, которые по смѣлости своихъ выводовъ во многомъ превосходили самыхъ смѣлыхъ французовъ, — таковъ, напр., Мандевилль (1670—1733 г.), который смотрѣлъ на мораль, какъ на орудіе господства, какъ на изобрѣтеніе для лучшаго порабощенія рабочихъ классовъ, въ порокѣ же видѣлъ корень общественнаго блага и процвѣтанія. Но такого рода идеи имѣли мало вліянія на образъ мыслей и характеръ воззрѣній англійскаго народа. Христіанское направленіе мысли продолжало считаться признакомъ благонамѣренности, и всѣ ученые, не желавшіе вступать въ конфликтъ съ общественнымъ мнѣніемъ, старались, если не по убѣжденію, то изъ лицемѣрія, признавать справедливость этой морали.

Такимъ образомъ англичане остались очень критически настроенными противъ этики матеріализма, пытавшейся основать нравственный законъ на эгоизмѣ, любви къ удовольствію или матеріальной пользѣ индивидуума. Правда, и въ Англіи нѣкоторые представители развивающейся буржуазіи старались объяснить нравственный принципъ какъ

вполнѣ естественное явленіе, но они все же пришли въ концѣ концовъ къ тому заключенію, что принудительная сила этого закона не можетъ быть объяснена простыми соображеніями матеріальной пользы, и убѣдились скоро въ искусственности той конструкціи, которая потребовалась для того, чтобы привести въ связь заповѣди морали съ мотивами пользы или удовольствія, и для того, чтобы можно было, больше того, считать эти мотивы главнымъ стимуломъ нравственной дѣятельности. Англійскіе мыслители различали такимъ образомъ въ человѣкѣ на ряду съ эгоистическими мотивами также и мотивы состраданія; они признавали въ человѣкѣ моральное чувство, которое и побуждаетъ его содѣйствовать счастію и благу своихъ сочеловѣковъ.

Вслѣдъ за шотландцемъ Гётчисономъ (1694—1747 г.) представителемъ этого ученія явился знаменитый политико-экономъ Адамъ Смитъ (1723—1790 г.). Въ своихъ двухъ главныхъ капитальныхъ трудахъ онъ подвергаетъ изслѣдованію дѣйствіе и механизмъ двухъ указанныхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности. Въ сочиненіи, озаглавленномъ „Теорія нравственныхъ чувствъ“, онъ исходилъ изъ чувства симпатіи или состраданія, какъ главнаго связующаго звена человѣческаго общества; другое же сочиненіе: „Изслѣдованіе сущности и природы богатства народовъ“, предполагаетъ эгоизмъ и личные матеріальные интересы главнымъ побудительнымъ мотивомъ, главной пружиной, такъ сказать, дѣятельности человѣка. Послѣдняя книга появилась только въ 1776 году, но принципы, заключающіеся въ ней, были устно изложены авто-

ромъ въ Глэсгоу еще въ 1752 или 1753 году. Его теорія эгоизма и теорія состраданія не исключаютъ такимъ образомъ одна другую, а только взаимно дополняютъ другъ друга.

Если англичане одинаково признавали такимъ образомъ чувство эгоизма и нравственное чувство, то это являлось шагомъ въ развитіи матеріализма въ сторону платонизма и христіанства. Однако міровоззрѣніе англійскихъ мыслителей рѣзко отличалось отъ взглядовъ, представляемыхъ послѣдними двумя ученіями. Ибо если согласно христіанскому ученію человѣкъ является злымъ отъ природы; если по ученію Платона безнравственность обусловливается нашими естественными побужденіями; если нравственность есть нѣчто сверхъ-естественное, нѣчто, лежащее внѣ предѣловъ естества, то, напротивъ того, англійская школа XVIII столѣтія хотя и считала моральное чувство чѣмъ-то противоположнымъ эгоизму, все же признавала и то и другое вполнѣ естественными побужденіями. Точно такъ же она смотрѣла на эгоизмъ не какъ на злое чувство, а какъ на чувство, имѣющее полное право на существованіе, — чувство, столь же необходимое для блага и процвѣтанія человѣчества, какъ и чувство состраданія къ ближнимъ. Нравственное чувство человѣка—это такое же чувство, какъ и зрѣніе, и осязаніе, и т. под.; это какъ бы шестое чувство человѣка.

Правда, это ученіе, какъ и ученіе французскихъ матеріалистовъ, не давало рѣшенія трудной проблемы, а только отодвигало ее въ сторону. На вопросъ, откуда является именно у человѣка это особое моральное чувство, англичане не давали никакого отвѣта.

Моральный инстинктъ признавался ими какъ бы даннымъ человѣку отъ природы. Такого рода предположеніе могло удовлетворить такихъ мыслителей, которые не отдѣлались еще отъ представленій о создателѣ міровъ; но ясно, что они не могли обойтись также и безъ признанія существованія послѣдняго.

При такомъ положеніи дѣла задача, которую должна была преслѣдовать этика для своего дальнѣйшаго научнаго развитія, представлялась совершенно ясной. Какъ французская, такъ и англійская школа много содѣйствовали изслѣдованію и изученію отдѣльныхъ нравственныхъ чувствъ и при томъ какъ съ психологической, такъ и съ исторической точки зрѣнія. Но ни той, ни другой школѣ не удалось познать нравственность, какъ исключительное производное такихъ причинъ, которыя всецѣло лежали бы въ области нашего опыта. Предстояло, слѣдовательно, сдѣлать дальнѣйшій шагъ впередъ по сравненію съ англійскою школой и изслѣдовать причины нравственнаго чувства или инстинкта; предстояло подняться нѣсколько выше ученія французскихъ мыслителей и открыть причины нравственнаго идеала.

Прогрессъ и развитіе совершаются однако не по прямой линіи, а по діалектическому пути. Движеніе его есть встрѣча и столкновеніе противоположностей. И дальнѣйшій шагъ философіи въ отношеніи ученія о морали пошелъ не по прежнему пути, а по пути совершенно противоположному. Вмѣсто того чтобы еще болѣе втиснуть этическую природу человѣка въ рамки всеобщей естественной необходимости, философія въ дальнѣйшемъ

развитіи своемъ пришла къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Шагъ этотъ былъ сдѣланъ въ нѣмецкой философіи Иммануиломъ Кантомъ (1724—1804 г.).

Въ послѣднее время часто раздается восклицаніе: „Назадъ къ Канту!“ Но кто имѣетъ при этомъ въ виду кантовскую этику, могъ бы восклицать съ тѣмъ же правомъ: „Назадъ къ Платону!“.

Э. Бернштейнъ.

КУЛЬТЪ МАРКСА
и
РЕВИЗІОНИЗМЪ.

Переводъ С. Ламова.

Культъ Маркса и ревизіонизмъ.

Двадцатая годовщина дня смерти Карла Маркса ыла особеннымъ образомъ отмѣчена соціалисти-еской прессой, какъ нѣмецкой, такъ и иностран-ой. Въ различныхъ статьяхъ была почтена па-ять великаго мыслителя и борца, и было оцѣ-ено то духовное пріобрѣтеніе, которое онъ далъ овѣйшему соціалистическому движенію и оста-илъ какъ наслѣдство. Моментъ выбранъ, пожа-уй, нѣсколько необычный, такъ какъ число 20 ва ли юбилейное, но противъ этого ничего не риходится говорить: во всякое время полезно за-иматься твореніями великаго ума. Въ той обла-и, въ которой геній мысли создалъ что-нибудь, реемникъ его найдетъ еще плодоносную вторую атву, несмотря ни на какія перемѣны. Примѣ-ясь къ этому, можно здѣсь сказать извѣстныя ова Шиллера: „Мыслитель, возвышавшійся надъ оимъ временемъ, никогда не умретъ“. Если мы це можемъ учиться у героевъ греческой фило-фіи, могилы которыхъ закрылись уже болѣе 00 лѣтъ тому назадъ, то тѣмъ болѣе это касается временнаго героя научнаго знанія, могилѣ ко-раго всего 20 лѣтъ. Мы присоединились бы отъ ей души къ этому чествованію Маркса, если бы

имъ не воспользовались для своихъ цѣлей лиц желающія представить себя истинными хранит лями идей Маркса. Эти лица въ находящихся в ихъ распоряженіи или дружественныхъ имъ орг нахъ соціалъ-демократіи позволили себѣ всяк враждебныя и подозрительныя выходки против нѣкоторыхъ соціалистовъ, думающихъ, что Маркс давъ теорію соціализма, не сказалъ послѣдня слова этой теоріи; что его методъ не свободен отъ ошибокъ, а его выводы не сплошь вѣрны; чт нѣкоторыя его предсказанія уже опережены эв люціей, и что поэтому соціалистическое учені если оно хочетъ отвѣчать научнымъ требованіям должно подвергнуться во многихъ пунктахъ реви зіи, касающейся научной системы въ томъ виде какъ ее оставилъ Марксъ. Прежде всего въ „Neu Zeit“ на злыхъ ревизіонистовъ посыпался град нападокъ. Я, признаюсь открыто, не люблю слов „ревизіонистъ“: оно не говоритъ мнѣ ничего имѣетъ слишкомъ много значеній, благодаря з ключающимся въ немъ понятіямъ.

Чего только нельзя назвать ревизіонизмомъ, ко только нельзя представить ревизіонистомъ? Отри цаніе всегда шире, нежели утвержденіе; люди м гутъ защищать очень несогласныя одно съ дру гимъ воззрѣнія, однако быть единомышленникам въ томъ, что извѣстныя положенія марксистскаг ученія вовсе или отчасти невѣрны. Если ихъ всѣх безъ различія назвать ревизіонистами, то нестѣ няющійся противникъ, ловко перепутавъ вещ очень легко можетъ вызвать совсѣмъ ложное пре ставленіе, о чемъ дѣйствительно идетъ рѣчь в каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такимъ образом

огласившись съ названіемъ ревизіонистъ, можно казаться въ очень непріятномъ двусмысленномъ оложеніи. Однако, если я и не люблю этого слова, се-таки мнѣ не придетъ въ голову оставить на роизволъ судьбы смыслъ, который подразумѣ-ается въ немъ и изъ-за котораго идетъ споръ. Будемъ по крайней мѣрѣ откровенны другъ пе-едъ другомъ. Всякаго рода нападки, которыми Neue Zeit" почтило 7 марта ревизіонистовъ, назы-ая ихъ различными именами, направлены не про-ивъ антисоціалистическихъ критиковъ марксизма не противъ соціалистовъ, стоящихъ внѣ сли-окъ соціалъ-демократической партіи,—„Neue Zeit" ападаетъ на лицъ, которыя борются въ станѣ со-іалъ-демократіи за соціалистическіе принципы и олько въ извѣстныхъ пунктахъ отступаютъ отъ зглядовъ, отстаиваемыхъ редакціей „Neue Zeit", акъ единственно вѣрныя и истинныя теорети-ескія основы соціализма. Но если въ томъ ла-ерѣ считаютъ чествованіе памяти Маркса за удоб-ый поводъ, чтобы послать проклятія и объявить аучный смертный приговоръ своимъ противни-амъ, то я, въ противоположность такому поведе-ію, считаю своимъ долгомъ поручиться, что право оціалистическаго ревизіонизма научно и выте-аетъ изъ потребностей практической борьбы. Объ томъ именно ревизіонизмѣ снова говорили въ Neue Zeit" съ тѣмъ высокомѣріемъ, которое дѣй-твительно издавна было отличительнымъ свой-твомъ ортодоксіи. При этомъ подъ ортодоксіей онимается не строгое храненіе какихъ-нибудь предѣленныхъ убѣжденій или взглядовъ, но огра-иченіе разрастающагося ученія опредѣленными

узко взятыми или узко толкуемыми формулам или идеями.

Вообще — держитесь слова! Тогда вы чрезъ надежны двери войдете въ храмъ несомнѣнности.

(„Фаустъ“ Гёте, перев. П. Вейнберга

Такъ характеризовалъ великій Гёте волшебн средство, чтобы хорошо устроиться съ ортодоксіе

А какъ подходятъ эти слова къ настоящем случаю! Вокругъ чего, строго говоря, вращает споръ? Что́ это за наслѣдство Маркса, котор должно быть неприкосновеннымъ достояніемъ с ціалъ-демократіи всѣхъ временъ, но котораго вс таки коснулся злой ревизіонизмъ и смѣшалъ е съ грязью?

Поставивъ этотъ вопросъ, мы натолкнемся н первое qui pro quo, — нѣтъ, скажемъ понятнѣе, н фальшивую игру, которую ведутъ противъ рев зіонизма.

Основой ученія Маркса считается историческ матеріализмъ, — въ этомъ дѣйствительно мы вс согласны. А есть ли среди ревизіонистовъ, о к торыхъ здѣсь идетъ рѣчь, хотя бы одинъ, осн ривающій основныя идеи этой исторической те ріи? Я не знаю ни одного. Были споры о знач ніи теоріи, и хотя даже у учителей есть разн гласія въ опредѣленіи справедливаго и неспр ведливаго въ ней, однако ни одинъ подозрител ный ревизіонистъ не спорилъ о ядрѣ ученія, томъ, что „экономическія условія“, какъ всегд рѣшающая сила, образуютъ въ исторіи главны пунктъ большихъ движеній“, какъ писалъ я в „Voraussetzungen“. Этотъ пунктъ признается дая ревизіонистами, стоящими внѣ соціалъ-демократі

остаточно припомнить д-ра Франца Оппенгеймера, звѣстнаго за строгаго приверженца историческаго атеріализма, *хотя* — можно бы также сказать *потому что*—онъ соціалъ-либералъ. Итакъ, историческій матеріализмъ прежде всего вовсе не есть что исключительно соціалистическое. Теперь, огда мы нѣсколько подробнѣе прослѣдили его сторію, мы знаемъ, что онъ въ основныхъ своихъ деяхъ проглядываетъ еще въ литературѣ великихъ либеральныхъ движеній Франціи и Англіи VII и XVIII столѣтій и что эти идеи часто рѣзко ражены въ сочиненіяхъ теоретическихъ защитиковъ и практическихъ застрѣльщиковъ буржуазіи того времени. Подобно тому какъ можно ло быть соціалистомъ, руководясь лишь чувствомъ и ничего не зная объ историческомъ матеріализмѣ, точно такъ же можно было признавать у теорію, не исповѣдуя соціализма въ томъ видѣ, къ его понимаетъ и сохраняетъ соціалъ-демократія. Опираясь на историческій матеріализмъ, соціалистическое ученіе, правда, увлекаетъ соціализмъ изъ области чистаго идеализма и показываетъ, что въ соціализмѣ все зависитъ не только ь фатума и что самъ фатумъ, отъ котораго еимущественно все зависитъ, не есть только учайность, но обусловливается вполнѣ опредѣленными закономѣрными положеніями.

Однако соціалистическое ученіе не можетъ заранѣе указать эти фатальныя силы, а тѣмъ меньше напередъ обрисовать будущее, хотя бы и въ мыхъ общихъ чертахъ. Къ тому же въ соціализмѣ дѣло идетъ не только о „почему?“, но и „какъ?“ и „когда?“. Сужденіе же объ этомъ не

опредѣляется общими нормами историческаго м
теріализма, но зависитъ, несмотря на частні
интересы, отъ цѣнности дѣйствительно существу
щаго въ данный моментъ развитія. Смотря по том
какъ оцѣнить его, можно на основаніи историч
скаго матеріализма придти къ рѣшенію, что толь
современный буржуазный общественный строй с
отвѣтствуетъ данному времени. Во время англі
ской революціи Джемсъ Гаррингтонъ, по своем
партійному положенію умѣренный роялистъ, прив
дилъ доказательства историческаго права на разв
тіе буржуазнаго государственнаго строя. Эти док
зательства чрезвычайно близки къ историческом
матеріализму, такъ что произвели большое вп
чатлѣніе на Фридриха Энгельса, когда я сообщил
соотвѣтствующія мѣста. Еще характернѣе въ этом
отношеніи удивительныя мѣста изъ оставших
сочиненій Барнава, приведенныя Жоресомъ
первомъ томѣ „Histoire socialiste“ (нѣмецкіе ч
татели найдутъ ихъ въ „Documenten des Socia
smus“. Барнавъ, выступившій въ первой фа
французской революціи—сначала какъ радикал
а позже дѣйствовавшій какъ умѣренный роялист
обосновываетъ историческое право французск
революціи и предвидимаго имъ господства бу
жуазіи. Доказываетъ онъ такимъ способомъ, ч
высказываетъ всѣ мысли, общія съ историческим
матеріализмомъ. Но Барнавъ съ его выводами
стоитъ одиноко,—вся литература XVIII вѣка, ф
ровшаяся за права буржуазіи противъ феодализ
и абсолютной монархіи, опирается на такіе
аргументы. Позже мы видимъ во Франціи, ка
Сенъ-Симонъ приводитъ причины господства пр

ышленности, понимаемой имъ всюду, кромѣ амыхъ послѣднихъ сочиненій, еще очень бурзуазно. При этомъ онъ еще рѣзче подчеркиваетъ ѣ моменты, которыес оставляютъ ядро историчекаго матеріализма.

Словомъ, не только можно было, пользуясь истоическимъ матеріализмомъ, доказать очень опреѣленно временное право на существованіе бурзуазнаго общественнаго строя, но и дѣйствительно еоретическіе защитники его въ разное время оттаивали строй при помощи аргументовъ теоріи.

Поэтому едва ли вполнѣ вѣрно напечатано, если Марксъ отмѣченъ, какъ *открывшій* впервые историческій матеріализмъ. Насколько это касается общихъ принциповъ, то къ началу дѣятельности Маркса уже се было открыто. Его работа лишь въ томъ, что онъ чистилъ основныя идеи теоріи отъ умозрительнодеалистическаго сора, съ которымъ онѣ были ильно перемѣшаны. Кромѣ того, онъ объединилъ хъ въ общей теоріи и углубилъ ее во многихъ отдѣахъ: подумайте только о его выводахъ относительо роли орудій производства. Заслуга его не въ томъ, то онъ нашелъ основныя идеи теоріи, а въ томъ, то́ онъ сдѣлалъ изъ нихъ и какъ примѣнилъ ихъ.

Въ этомъ безспорно онъ былъ піонеромъ. Неприосновенный въ своихъ общихъ основныхъ чертахъ, сторическій матеріализмъ сталъ, можно сказать, бщимъ мѣстомъ среди соціалъ-демократовъ. Споръ детъ только о частностяхъ въ толкованіи и приѣненіи. Да и тѣ знакомы, конечно, даже среди оціалъ-демократіи только небольшому кружку ицъ, занимающихся детально теоретическими опросами, а большой публикѣ онѣ недоступны.

Поэтому низко, если даже не безчестно, въ спор при большой публикѣ дѣлать видъ, какъ будт идетъ рѣчь объ этихъ именно, ставшихъ об щими мѣстами, положеніяхъ, и восклицать: „Смо трите, что́ здѣсь измѣнилось? Что можетъ сдѣлат ревизіонизмъ противъ этихъ монументальных истинъ? Ничего, ровно ничего!“ Кто прибѣгает къ такимъ демагогическимъ уловкамъ, тотъ сам произноситъ себѣ приговоръ. Ужъ лучше бъ он спросилъ, что̀ сдѣлала до сихъ поръ критика с таблицей умноженія. Очевидно, также ничего. Н одному еще ревизіонисту не удалось доказат что $1 \times 1 = 3$, и никто не пытался опровергнут таблицу умноженія.

Формулы историческаго матеріализма въ том видѣ, какъ ихъ завѣщали Марксъ и Энгельс даютъ руководящую точку зрѣнія при изслѣдова ніи причинъ большихъ историческихъ переворо товъ. Однако нельзя отрицать факта, что онѣ ну ждаются въ значительныхъ дополненіяхъ, так какъ недостаточны для освѣщенія болѣе мелких фактовъ историческаго бытія, которые также хо тѣлось бы знать. Знаніе ихъ очень важно дл практики, такъ какъ мы въ практической дѣятель ности можемъ считать только десятками, а не сот нями или тысячами лѣтъ. Марксъ и Энгельс принципіально, конечно, признавали это. Однако примѣняя теорію, они опять проглядѣли важну точку зрѣнія и, вслѣдствіе односторонняго освѣ щенія извѣстныхъ историческихъ моментовъ, увле клись различными соціальными предсказаніями о которыхъ мы должны уже сказать, что данны изложенія ихъ ошибочны.

Я вовсе не имѣю здѣсь въ виду политическихъ шибокъ въ расчетѣ, каковы, напр., предсказанія олитическихъ катастрофъ, не случившихся однако послѣдствіи или наступившихъ въ неуказанное ремя и не въ должной формѣ. Даже въ лучшихъ ѳоріяхъ нельзя избѣжать ошибокъ въ расчетѣ; ожно великолѣпнѣйше знать механику удара и ренія, однако промахнуться при игрѣ въ кегли или ильярдъ. Но если, напр., сравнить сдѣланный Марксомъ и Энгельсомъ прогнозъ о положеніи брака и емьи съ настоящимъ, установившимся въ этомъ тношеніи развитіемъ ихъ, то придется сознаться, то здѣсь не только формальный или внѣшній ромахъ, но принципіальная ошибка въ теоріи, гибельный для нея пропускъ важной соціальной илы.

Въ Коммунистическомъ Манифестѣ, на которомъ це и теперь нѣкоторые изъ правовѣрныхъ марксистовъ заставляютъ насъ клясться, разложеніе перешней формы семьи выводится, какъ результатъ современнаго прогресса. Только для буржуазіи дто возможна современная семья; буржуазная емья вполнѣ развивается; она находитъ будто полненіе въ вынужденномъ разложеніи семьи ролетаріата; вслѣдствіе крупной промышленности дутъ разорваны всѣ семейныя связи пролетариата, — все это совсѣмъ не подтвержденныя опытомъ обобщенія частной истины. Конечно, въ вѣстныхъ отрасляхъ промышленности, а прежде его въ ткацкой, ростъ капитализма дѣйствуетъ чти совсѣмъ разрушающе на измѣняющуюся мью. Но это происходитъ не вездѣ и, кромѣ того, ачительно ослабляется вліяніемъ общественнаго

противодѣйствія. Фактически современное развит
измѣняющейся формы семьи рабочихъ не рѣже
чаще идетъ путемъ все бо́льшаго увеличенія образ
вавшихся новыхъ семей. Большее, чѣмъ въ докап
талистическую эпоху, число рабочихъ стремит
теперь къ тому, чтобъ основать свое собственн
домашнее хозяйство. Въ докапиталистическу
эпоху ремесленный рабочій оставался холостым
до тѣхъ поръ, пока не становился самостоятел
нымъ въ ремеслѣ, а крестьянскій батракъ даже
теперь часто остается почти всю жизнь нежен
тымъ. Но современный рабочій только въ вид
исключенія считается съ возможностью достич
самостоятельности въ производствѣ; однако, ка
потребитель, онъ сталъ, въ общемъ, самостоятел
нымъ хозяиномъ и поэтому женится относитель
чаще, чѣмъ нѣкогда ремесленникъ. Это очень ва
ный фактъ, дающій свой собственный характер
современному рабочему движенію и пріобрѣта
щій большое значеніе благодаря своему влія
во многихъ отношеніяхъ на нашу соціальную жизн
Дѣтскій трудъ въ ремесленномъ производствѣ о
части совсѣмъ запрещенъ, отчасти сильно огран
ченъ. Требуя воспрещенія дѣтскаго труда, соціал
демократія выходитъ въ этомъ отношеніи дале
за предѣлы того, что Марксъ считалъ возможным
и соотвѣтствующимъ времени. Съ точки зрѣн
послѣдовательнаго марксизма она дѣйствуетъ здѣ
реакціонно: она помогаетъ сохранить старыя форм
семьи. Далѣе есть признаки того, что по мѣр
улучшенія экономическаго положенія работников
снова какъ будто падаетъ и работа женщин
въ промышленности. Изслѣдованія относитель

ісла работницъ, произведенныя десять лѣтъ на-
дъ миссъ Кларой Коллетъ по порученію британ-
ой рабочей палаты, привели къ выводамъ, очень
изкимъ къ только что высказанной мысли. Въ те-
ніе изслѣдуемаго періода—съ 1881 по 1891 г.—
удъ замужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 25
45 лѣтъ упалъ между прочимъ во всѣхъ боль-
ихъ промышленныхъ центрахъ Ланкашира (кромѣ
ного Bornley), т.-е. почти во всей текстильной
омышленности. По мѣрѣ того какъ дѣтскій
удъ будетъ уменьшаться, для женщинъ, оче-
дно, снова повысится необходимость посвятить
бя домашнему хозяйству. Коллетъ приходитъ
ъ заключенію, что даже тотъ незначительный при-
остъ числа работницъ, который отмѣченъ въ 1891 г.
глійской статистикой, зависитъ почти исключи-
льно отъ появленія на рабочемъ рынкѣ женщинъ
едняго класса, такъ какъ именно въ среднихъ и
ысшихъ классахъ населенія всего сильнѣе числен-
ый перевѣсъ женщинъ надъ мужчинами.

Раньше, чѣмъ можно будетъ вывести болѣе
общенныя заключенія изъ явленій, установлен-
ыхъ Коллетъ, нужно еще выждать и посмо-
рѣть, подтвердятся ли они и для только что
стекшаго десятилѣтія. И тѣмъ болѣе осторожно
лѣдуетъ дѣлать ихъ, что еще вовсе нельзя замѣ-
ить ни распаденія, ни радикальнаго измѣненія со-
еменныхъ формъ семьи. Впрочемъ, есть факторы
екущіе теперешнюю семью къ разрыхленію, если
е къ разрушенію. Однако они, прежде всего, силь-
ѣе вліяютъ на извѣстные круги командующихъ
лассовъ, нежели на рабочихъ, а затѣмъ имъ про-
івостоятъ другіе факторы, содѣйствующіе какъ

разъ укрѣпленію семейной жизни. Вспомним здѣсь только борьбу за улучшеніе жилищъ, в которой опять соціалъ-демократія дѣятельно уч ствуетъ, стоя въ первомъ ряду. Совершенно спр ведливо: никто не можетъ сердечнѣе одобрять э борьбу, нежели я. Но не слѣдуетъ скрывать от себя того, что всѣ эти вещи имѣютъ свое собстве ное соціально-политическое вліяніе и значитель измѣнятъ картину хода развитія сравнительно с тѣмъ, что можно было себѣ представить раньш

Разобраться во всѣхъ этихъ перемѣнахъ; изсл довать, какія силы живутъ въ нихъ; провѣрит каковою окажется въ ихъ присутствіи предложенна теорія; въ чемъ нужно держаться ея и въ каком отношеніи измѣнить ее,—все это задачи, котор можно назвать „Критикой соціалистической те ріи“ и посвятить себя которымъ — долгъ кажда человѣка, имѣющаго склонность и развитіе д теоретической работы.

Соціалъ-демократія, какъ борющаяся парті только выиграетъ здѣсь. Не знаю, много ли сред насъ лицъ, которыя будутъ оплакивать мысль о ск ромъ полномъ преобразованіи семьи; очень сомн ваюсь въ этомъ. Безусловно, жизнь отдѣльным семьями имѣетъ свою обратную сторону и съ эк номической точки зрѣнія является истинной без ной, куда расточается трудъ. Но въ концѣ ко цовъ не человѣкъ существуетъ для экономіи, экономія для человѣка. Но чѣмъ больше рабо мы сбережемъ благодаря продуктивности труд тѣмъ скорѣе мы сможемъ дать что-нибудь въ семь особенно если мы при этомъ и чувствуемъ лучш себя. Благодаря мысли объ основаніи и сформ

ованіи своей семьи стремленіе рабочихъ къ эко-
омическому и политическому освобожденію не
олько не ослабѣетъ, но навѣрное только еще окрѣп-
етъ. Напротивъ, безсемейный, бездомный проле-
аріатъ, каковымъ его изображаетъ Коммунисти-
ескій Манифестъ, вовсе не былъ бы въ силахъ
ести ту продолжительную, стойкую и всесторон-
юю борьбу, которую ведутъ теперь рабочіе.

Марксъ нѣсколько измѣнилъ въ „Капиталѣ“
ыраженія Манифеста, а Фр. Энгельсъ въ своемъ
Происхожденіи семьи“ высказался, наконецъ, о
удущей семьѣ скорѣе отрицательно, чѣмъ поло-
ительно. Онъ почти выяснилъ, что она переста-
етъ существовать, но воздержался отъ положи-
ельныхъ указаній о томъ, какой, вѣроятно, при-
етъ она видъ. Онъ объявляетъ, что когда муж-
ина и женщина будутъ вполнѣ уравнены въ юри-
ическихъ правахъ, тогда ярко обнаружится необ-
одимость дѣйствительнаго общественнаго равно-
равія обоихъ; далѣе—что „освобожденіе женщинъ
режде всего толкнетъ ихъ всѣхъ на проституцію“
что „это снова вызоветъ уничтоженіе свойства
тдѣльной семьи, какъ экономической единицы
бщества“.

Мы не будемъ здѣсь больше заниматься этимъ
ыводомъ, а посмотримъ только на лежащій въ
сновѣ его ходъ мыслей. Онъ показываетъ на два
амня преткновенія въ пониманіи Энгельсомъ
сторическаго матеріализма. Къ заключенію, что
олное юридическое уравненіе мужчинъ и жен-
щинъ обусловитъ необходимость дѣйствительнаго
авноправія ихъ и приведетъ *всѣхъ* женщинъ къ
роституціи, Энгельсъ приходитъ съ помощью ана-

логіи, выведенной изъ положенія, что демократи
ческая республика не уничтожитъ противорѣчі
между предпринимателями и рабочими, а тольк
рѣзко покажетъ его и дастъ почву для разрѣше
нія. Но теперь вполнѣ ясно, что эта борьба и в
демократической республикѣ не разрѣшится д
тѣхъ поръ, пока не будутъ даны или не создадутс
всѣ условія для его окончанія, т.-е. пока не бу
детъ такихъ соотношеній силъ и такихъ государ
ственныхъ учрежденій, которыя сдѣлали бы излиш
ними отдѣльныхъ предпринимателей. Гдѣ нѣт
этихъ условій, тамъ и гражданское равноправі
далеко еще не ведетъ къ уничтоженію классовых
противорѣчій, какъ это видно изъ примѣра ра
личныхъ республикъ какъ по эту, такъ и по т
сторону океана. Энгельсъ сравниваетъ отношені
между мужемъ и женой при современномъ брак
съ отношеніями между буржуа и пролетаріемъ
Безусловно, между ними есть много сходнаго, н
зато какъ значительно разнятся они! Уже тот
фактъ, что въ бракѣ мужу противопоставляетс
всегда только одна жена, расшатываетъ аналогію
Болѣе вѣрною параллелью былъ бы здѣсь мален
кій мастеръ съ его подмастерьемъ. Но такое со
отношеніе силъ еще нигдѣ не приводило къ со
ціальному перевороту, а здѣсь—тѣмъ меньше, так
какъ въ брачной жизни, кромѣ чисто половог
различія между мужчиной и женщиной, есть еш
функціональная дифференцировка, которой нельз
уничтожить, а на которую можно смотрѣть как
на очень желательную. Въ этой дифференцировк
для человѣчества лежитъ основа счастья и радо
стей жизни; безъ нея оно впало бы въ пессимизмъ

эдовольство жизнью и неизбѣжно вымерло бы слѣдствіе отсутствія дѣтей. Вѣрно только то, го формально-юридическое равенство мужчины и енщины потребуетъ, чтобы женщинѣ была дана эзможность заниматься трудомъ по ея выбору, ризванію и способностямъ. Изъ формальнаго равоправія въ бракѣ никакъ нельзя вывести обяанности для замужней женщины работать внѣ ома. Она можетъ оказаться желательной или даже еобходимой, но только по инымъ причинамъ, а икакъ не въ видѣ слѣдствія изъ юридическаго авноправія. Какъ выше было указано, въ натоящее время среди рабочихъ есть движеніе скоѣе къ освобожденію женщинъ отъ фабричной аботы.

Таково же значеніе постулата относительно унитоженія свойства семьи, какъ хозяйственной единицы общества. Здѣсь предъ нами почти роковое мѣшеніе понятій. Отдѣльная семья давно уже не ужитъ экономической единицей общества, такъ акъ производство продуктовъ въ домашнемъ хоійствѣ, какъ фунція его, совершается только въ идѣ исключенія. Государство, общества и свободыя корпораціи пріобрѣтаютъ все большее и больее значеніе въ экономической жизни страны, а емья играетъ экономически-важную роль только акъ единица, составляющая сумму, и какъ органъ бмѣна собственности. Что Энгельсъ хотѣлъ обоначить выраженіемъ: „хозяйственная единица бщества“, можетъ только значить, что семья все це является носительницей какихъ-то хозяйственыхъ функцій, а именно онъ имѣлъ, безъ сомнѣя, въ виду прежде всего веденіе хозяйства, про-

изводство ремонта въ жилищѣ, приготовлен
пищи, уходъ за дѣтьми и т. д. Хотя теперь ун
вполнѣ очевидно, что современное развитіе дас
семьѣ и въ этомъ отношеніи все усиливающее
облегченіе, однако нужно сказать, что семейна
жизнь, лишенная какихъ бы то ни было хозя
ственныхъ функцій, вообще немыслима. Даже н
наиболѣе высоко развитыхъ животныхъ органи
махъ органомъ обмѣна веществъ служитъ клѣтк
несмотря на всякіе спеціальные органы для пріем
и перевариванія пищи.

Точно такъ же и въ обществѣ семья буде
имѣть извѣстную хозяйственную функцію до тѣх
поръ, пока она вообще будетъ существовать, ка
соціальный институтъ. Безъ всякихъ хозяйстве
ныхъ функцій она немыслима и есть, можно ск
зать, contradictio in adjecto. Когда отдѣльная сем
потеряетъ всѣ хозяйственныя функціи, въ это
моментъ она начнетъ умирать или—уже еще бол
ше—распадется, а общество рѣшительно измѣнит
въ смыслѣ соотношенія половъ. Будетъ ли когд
нибудь это, объ этомъ вопросѣ можно не думат
Съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматрива
его какъ идеалъ, трудно признать его таковым

Та мысль, что производственными отношеніям
опредѣляются соціальное устройство и направл
ніе мыслей человѣчества, приводитъ къ роковом
преувеличенію и ложному заключенію, если
обратить вниманія на то, что человѣкъ и его в
соко развитая духовная жизнь сами служатъ, п
жалуй, очень важными производительными фа
торами. Если въ современномъ обществѣ устан
вливается разложеніе семьи, то его прежде все

ожно найти въ извѣстныхъ слояхъ командующихъ лассовъ. А среди рабочихъ, повидимому, семей-ая жизнь становится болѣе буржуазной *).

Такъ же, какъ съ историческимъ матеріализ-омъ, обстоитъ дѣло и съ тѣсно связанными съ имъ ученіями о классовой борьбѣ и прибавочной ѣнности. Оба они были приняты Марксомъ въ его еорію тогда, когда были уже очень развиты, мѣли цѣлую литературу, а пониманіе классовой орьбы уже вызвало практическія толкованія въ овременномъ обществѣ. Къ ученію о прибавочной ѣнности и объ обоснованности его на трудовой ѣнности я возвращусь въ связи съ другими во-росами. Здѣсь можно только отмѣтить, что она, акъ ни велико ея значеніе для практики соціалъ-емократіи, не содержитъ ни одной мысли, кото-ой нельзя было бы найти рѣзко выраженною въ омарксистской соціалистической литературѣ. У Маркса нѣтъ ни одного положенія относительно лассовой борьбы между рабочими и буржуазіей, оторое имѣло бы право на принципіальную но-изну. Само собою разумѣется, въ этомъ нельзя прекать Маркса: онъ никогда не объявлялъ это ченіе своею духовною собственностью.

*) Въ этомъ отношеніи, пожалуй, интересно упомянуть, что изъ очти 21000 справокъ, выданныхъ въ теченіе 1801 г. рабочимъ екретаріатомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, не менѣе 7006 прихо-ится на область гражданскаго права и законовъ торговыхъ и о одствѣ противъ 5684, касающихся правилъ о производствѣ ра-отъ и параграфовъ гражданскихъ законовъ, относящихся къ оговорамъ о наймѣ (см. Третій отчетъ рабочаго секретаріата во р.-н.-М., стр. 14). Это показываетъ, что рабочіе заинтересованы ъ гражданскихъ законахъ не такъ уже мало, какъ думали въ вое время о теоретически созданномъ пролетаріатѣ.

Но проповѣдники единаго истиннаго марксизма стараются представить дѣло такъ, какъ будто до Маркса во всемъ этомъ была теоретическая тьма, какъ будто соціалистическій ревизіонизмъ думаетъ только о томъ, чтобы сдѣлать здѣсь tabula rasa и поставить для каждаго изъ этихъ вопросовъ свѣже-испеченную теорію. Только подсунувъ ревизіонизму такое нелѣпое намѣреніе, и можно говорить вмѣстѣ съ Каутскимъ о теоретическомъ пораженіи его. Каутскій и его товарищи что-то ужъ слишкомъ легко дѣлаютъ себѣ изъ этого тріумфъ. Благоразуміе требуетъ, чтобы мы оцѣнивали исходъ какого-нибудь предпріятія только имѣя въ виду цѣль его. Если кто-нибудь строитъ плотину, чтобы помѣшать рѣкѣ выходить гдѣ-нибудь изъ береговъ, то можно, конечно, оспаривать цѣлесообразность этого предпріятія съ той или иной точки зрѣнія ученія о водяныхъ сооруженіяхъ. Но что̀ подумали бы мы о томъ критикѣ, который объявилъ бы плотину невѣрно разсчитанной только потому, что строителю не удалось, да и никогда не удастся заставить рѣку течь обратно отъ устья къ верховьямъ. Однако это и есть тотъ методъ, при помощи котораго еще и еще разъ уничтожаютъ критикой ревизіонизмъ.

Современное соціалъ-демократическое движеніе въ той формѣ, какую оно приняло теперь, есть результатъ долгаго развитія, въ теченіе котораго оно въ самомъ дѣлѣ много получило отъ теоріи, но также и много дало ей. Ни объ одной теоріи, не исключая и марксизма, нельзя сказать, что она дала рабочему движенію настоящее направленіе. Марксизмъ представляетъ въ его исторіи

дѣлающій эпоху поворотный пунктъ; въ этомъ нѣтъ спора. Ни одинъ соціалистическій противникъ Маркса, кромѣ только Дюринга, не спорилъ, насколько я знаю, о теоретическихъ основахъ его. Марксъ подвелъ итогъ теоріи и практикѣ движенія въ извѣстной стадіи его развитія и продолжилъ черту дальше, прозрѣвая будущее пророческимъ окомъ геніальнаго изслѣдователя. Это съ удовольствіемъ можно признать. Но если блескомъ имени Маркса пользуются для того, чтобы относиться подозрительно ко всякой попыткѣ дальнѣйшаго развитія теоріи соціализма, то на это нужно возразить, что и соціалъ-демократія обязана своимъ теперешнимъ состояніемъ никакъ не исключительно одному Марксу, но что она въ важныхъ вопросахъ развивалась даже вопреки ему.

Стоитъ только вспомнить исторію отношенія къ пользованію всеобщимъ, равнымъ и прямымъ избирательнымъ правомъ. Нельзя сказать, чтобы Марксъ былъ принципіальнымъ противникомъ пріобрѣтенія и пользованія избирательнымъ правомъ. Противъ такого предположенія свидѣтельствуетъ между прочимъ отношеніе Интернаціонала къ англійскому движенію изъ-за реформы выборовъ въ 1866 г. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Марксъ значительно ниже оцѣнивалъ значеніе избирательнаго права и борьбы соціалъ-демократіи въ парламентѣ и что Лассаль въ этомъ вопросѣ былъ ближе къ истинѣ, чѣмъ Марксъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошедшаго столѣтія совершенно несправедливо считали въ Германіи Маркса отвѣтственнымъ за извѣстныя теоретическія воззрѣнія такихъ духовныхъ вождей партіи,

какъ Либкнехтъ, который во всякомъ случаѣ имѣлъ свои собственныя мысли и, будучи ученикомъ Маркса, никогда не повторялъ его словъ. Точно такъ же ошибочно считали Маркса за вдохновителя тактики, которую вела тогда во время выборовъ нѣмецкая соціалъ-демократія, мало-помалу заставившая часть романскихъ соціалистовъ отнестись критически къ ихъ практическимъ, а затѣмъ и теоретическимъ воззрѣніямъ. Фактически и Марксъ и Энгельсъ постепенно критиковали тогда свои взгляды. Марксъ еще въ 1878 г. высказался по поводу объявленнаго закона о выборахъ, что онъ по меньшей мѣрѣ настолько будетъ полезенъ, насколько отвратитъ рабочихъ отъ парламентской борьбы, а Энгельсъ въ 1885 г. въ своемъ трудѣ о семьѣ цѣнилъ избирательное право, какъ мѣру для испытанія зрѣлости рабочихъ. Бо̀льшаго оно будто бы не могло сдѣлать.

Если мы сравнимъ это съ тѣмъ, что̀ черезъ 10 лѣтъ, въ 1895 г., Энгельсъ писалъ въ вступленіи къ „Classenkämpfen“ относительно значенія всеобщаго избирательнаго права и о парламентской борьбѣ, то мы встрѣтимъ ревизіонистское теченіе марксизма, которое, продолжаясь въ томъ же направленіи, привело къ взглядамъ еще до сихъ поръ принимаемымъ за еретическіе. Если считать, что успѣхъ соціалъ-демократіи въ вопросѣ объ избирательномъ правѣ есть результатъ практическаго марксизма или практическое слѣдствіе марксизма, то это будетъ неправильной оцѣнкой фактовъ. Правильнѣе сказать, что это—успѣхъ ревизированнаго марксизма. Не парламентская борьба нѣмецкой соціалъ-демократіи была приведена избиратель-

нымъ закономъ къ абсурду, но избирательный законъ оказался нелѣпымъ, благодаря борьбѣ соціалъ-демократовъ. Кто ближе интересовался этимъ, тотъ безъ дальнѣйшихъ доводовъ согласится со мной. Хотя нѣмецкая соціалъ-демократія борется теперь подъ знаменемъ марксизма, однако борьба стала болѣе парламентской, нежели до 1878 г., когда ихъ путеводной звѣздой—наравнѣ, если не впереди Маркса—былъ Лассаль.

Мерингъ думалъ однажды отпраздновать побѣду надъ ревизіонизмомъ, объявивъ, что время—величайшій марксистъ. Дѣйствительно, время во многомъ показало правоту марксизма и, вѣроятно, еще покажетъ впослѣдствіи. Но оно же подтвердило въ нѣкоторыхъ вопросахъ правоту и противниковъ, т.-е. критиковъ, его. О времени можно многое сказать, но безусловно вѣрно одно: оно ревизіонистъ κατ' ἐξοχήν.

Есть различные способы раздѣлаться съ повѣрками, предпринимаемыми временемъ, т.-е. языкомъ фактовъ, надъ нашими измѣняющимися взглядами. Можно притвориться, что не видишь ихъ, и продолжать, не обращая на нихъ вниманія, хозяйничать привычнымъ манеромъ до тѣхъ поръ, пока это удается. Или можно замѣтить ихъ и втихомолку исправить,—если не самую теорію, то, по меньшей мѣрѣ, хоть ея выводы—настолько, чтобы онѣ подходили къ новому порядку вещей. Или, наконецъ, узнавъ о критикѣ, искренно согласиться съ ней, вывести изъ нея нужныя заключенія и постараться вполнѣ согласовать съ ними теорію.

Послѣдній методъ по его принципамъ и есть ревизіонистскій. Это не только наидостойнѣйшій

способъ заниматься теоріей, но и всегда служащій интересомъ прогресса методъ.

Послѣ всего сказаннаго очевидно, что вынести обвинительный приговоръ ревизіонистамъ за то, что они не выставляютъ въ противовѣсъ марксизму свою собственную теорію, значитъ или имѣть слишкомъ узкое пониманіе сущности критики соціализма и поставленной ею себѣ задачи, или же это пустое притворство. Въ основѣ теоріи, носящей имя Маркса, лежитъ опредѣляющій ея сущность принципъ, что она есть теорія соціальнаго прогресса. Иначе говоря, она есть теорія относительно силъ, опредѣляющихъ общественное развитіе. Извѣстнымъ силамъ ея — экономіи и борьбѣ классовъ—суждена особенная, все болѣе и болѣе рѣшающая роль при выработкѣ новыхъ общественныхъ формъ. Когда Каутскій встрѣчаетъ соціалистовъ, которые считаютъ соціализмъ дѣломъ случая, фатума или еще чего-нибудь такого, то пусть онъ и отъ нихъ требуетъ новой, обоснованной, противоположной марксизму теоріи. Пока онъ не можетъ назвать таковую, то его требованіе теоріи отъ насъ просто нелѣпо.

Для характеристики слѣдуетъ добавить сюда, что всякій разъ, когда Каутскій пытается обвинить меня въ склонности къ такимъ намѣреніямъ, онъ прибѣгаетъ къ подмѣну словъ, давая оспариваемымъ выраженіямъ ложный смыслъ (напр., гдѣ стояло Rechtsbewusstsein ставитъ Rechtsbefühl; вмѣсто Allgemeininteresse – Gemeinsinn и т. д. Мы готовы согласиться, что онъ не зналъ при этомъ, что онъ подвергаетъ себя обвиненію въ подлогѣ идей. Но, соглашаясь, мы тѣмъ строже

должны обратить вниманіе на интеллектуальные недостатки, сдѣлавшіе возможными такіе промахи. Здѣсь мы видимъ духовную безпомощность въ разборѣ идей, а также отчаянное стремленіе отожествить выводы съ основными положеніями теоріи. Эта безпомощность обнаруживается еще въ томъ, что Каутскій хочетъ покончить съ книгой Давида по земельному вопросу однимъ словомъ *нео*-прудонизмъ. Приставка *нео*—удобное крайнее средство для произвольной игры идеями; но здѣсь она даже не прикрываетъ ложности сравненія. Кто найдетъ въ книгѣ Давида какой-нибудь прудонизмъ, тотъ или самъ не знаетъ, чѣмъ въ принципѣ прудонизмъ отличается отъ марксизма, или не понимаетъ смысла книги Давида *).

Довольно. Статью, наполненную указанными выходками противъ ревизіонистовъ, Каутскій озаглавилъ: „Три кризиса марксизма". Фактически же онъ занимается меньше всего кризисами марксизма, а больше борьбой между марксистскимъ пониманіемъ соціалистическаго движенія и другими взглядами, да и то лишь очень поверхностно. При этомъ всѣ другіе прежде бывшіе противники марксизма критикуются такъ же превратно, какъ и ревизіонизмъ. Если говорятъ о кризисахъ марксизма, то все-таки слѣдуетъ подумать прежде всего именно о кризисахъ, пережитыхъ марксизмомъ

---

*) Въ № 25-мъ „Neue Zeit", попавшемся мнѣ передъ самымъ печатаніемъ этой статьи, Каутскій, въ самомъ дѣлѣ, пытается найти связь между Давидомъ и Прудономъ. Эта попытка такъ характерна для всей полемики и для самого спорнаго вопроса, что достойна на мой взглядъ особеннаго освѣщенія, которымъ я займусь въ другой разъ.

въ самомъ себѣ, о тѣхъ кризисахъ, которые отмѣчаютъ ходъ развитія всякаго ученія, его внутреннее содержаніе. Объ этомъ въ статьѣ нѣтъ ни слова. „Вначалѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово“. Такимъ образомъ теорія, бывшая продуктомъ практическаго рабочаго движенія и развитія сопровождавшихъ его духовныхъ теченій, превращается въ божеское откровеніе, которое издревле было совершеннымъ; оно было, есть и останется такимъ же, каковымъ было при созданіи, на всѣ времена. Но если объявить марксизмъ, какъ Премудрость, то для памяти Маркса это будетъ не польза, а вредъ, такъ какъ тогда стремящаяся впередъ наука должна будетъ выступить противъ Маркса, чтобы доказать свое право на существованіе. Только тогда стала возможна откровенная оцѣнка трудовъ Лассаля, когда его имя перестало быть подтвержденіемъ ортодоксальности въ рабочемъ движеніи. То же будетъ и съ Марксомъ. Культъ Маркса имѣетъ право на существованіе до тѣхъ поръ, пока онъ остается въ границахъ разумной научности.

Но если уваженіе, которымъ пользуется имя Маркса, попрежнему утилизируютъ на то, чтобы клеветать на ревизіонизмъ, то я долженъ еще и еще разъ напомнить, что Марксъ, какъ теоретикъ и какъ практикъ, былъ въ концѣ концовъ только человѣкъ.

А. Гессъ.

СОЦІАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦІЯ
и
ЭКСПРОПРІАЦІЯ.

Переводъ А. Вяхирева.

Соціальная революція и экспропріація.

I.

Теоріей экспропріаціи юристы занимались мало. Въ большинствѣ случаевъ они обращали вниманіе только на практическое примѣненіе ея и довольствовались детальнымъ изслѣдованіемъ техническихъ задачъ, выдвигаемыхъ послѣднимъ. Подходя къ вопросу со своей надменной осанкой мудрецовъ, они разсматриваютъ экспропріацію, какъ исключеніе изъ общихъ принциповъ права, при чемъ стараются убѣдить, что это исключеніе, пока приложеніе его сдерживается узкими рамками правовыхъ нормъ, не противорѣчитъ основному духу законовъ. Всѣ усилія ихъ направлены на ослабленіе теоретическаго значенія этой операціи и ограниченіе случаевъ практическаго примѣненія ея. Напрасный трудъ, такъ какъ онъ расходится съ соціальными нуждами и результаты его опровергаются фактами. Послѣднее мы считаемъ самымъ легкимъ изъ положеній, которыя надѣемся доказать.

Классическая доктрина такова: въ общемъ право индивидуальной собственности безусловно; предшествовавшая государству и, съ извѣстной

стороны, обществу естественная и даже необходимая индивидуальная собственность является какъ бы продолженіемъ, довершеніемъ индивида и можетъ быть отчуждаема только по личной волѣ собственника. Однако въ исключительныхъ случаяхъ констатированная законнымъ порядкомъ общественная польза уполномочиваетъ государство на захватъ индивидуальной собственности. Но этотъ захватъ можетъ состояться лишь по уплатѣ денежнаго вознагражденія, вполнѣ съ избыткомъ покрывающаго ущербъ, понесенный собственникомъ: ему присуждается не только покупной эквивалентъ его собственности, принимается въ расчетъ согласіе пожертвовать вещью на общее благо, цѣнность вещи въ глазахъ самого владѣльца и т. д.; сумма вознагражденія вмѣщаетъ въ себѣ и удовлетвореніе за то неудовольствіе, которое причинено экспропріаціей. Юриспруденція слѣдуетъ писателямъ въ этой смѣтѣ вознагражденія и вообще въ пониманіи вопроса экспропріаціи.

Подобный взглядъ на экспропріацію неестественъ и неглубокъ. Онъ предполагаетъ, что понятіе общественной пользы вырабатывается разъ навсегда. Но это ошибка: одно—констатировать, что *формы*, въ которыя заключено объявленіе „общественной пользы“, останутся приблизительно тождественными послѣ первыхъ законодательныхъ актовъ, посвященныхъ этому предмету, другое — доказать, что неизмѣнно *содержаніе* самаго понятія общественной пользы. Въ самомъ дѣлѣ, оно непрерывно видоизмѣняется въ связи съ развитіемъ общины.

Но здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ въ деталяхъ. Мы ограничимся нѣсколькими словами.

Изученіе революціонныхъ законовъ можетъ ука-
зать на одинъ изъ источниковъ *современнаго* по-
нимания экспропріаціи. Другой источникъ легко
отыскать въ ряду законовъ, касающихся осушки
болотъ. Въ этомъ случаѣ государство становится
какъ бы защитникомъ, охранителемъ личнаго ин-
тереса собственниковъ, вступаетъ въ извѣстныхъ
случаяхъ въ ихъ права съ цѣлью усовершенство-
вать ихъ собственность и увеличить ея цѣнность.
Разумѣется, въ видахъ компенсаціи повышенной
стоимости имѣнія государство вознаграждаетъ себя
за выполненную работу въ размѣрахъ, покрываю-
щихъ расходы. Затѣмъ вещь, усовершенствованная
этой работой, возвращается законному собствен-
нику. Первый законъ [1]), касающійся экспропріаціи,
но не бывшій, что бы ни говорили о немъ, зако-
номъ собственно экспропріаціи, а только имѣвшій
въ виду подъ туманнымъ терминомъ обще-
ственной пользы, породилъ собою извѣстное коли-
чество предписаній и разъясненій, посвященныхъ
исключительно формальной сторонѣ ея, внесен-
ныхъ впослѣдствіи въ законы іюля 1833 года и
мая 1841 г., напримѣръ, необходимость особаго при-
каза, даннаго въ формѣ административнаго рас-
поряженія, или институтъ спеціальной комиссіи,
въ которомъ нельзя не усмотрѣть зачатковъ права
1833—1841 гг.

Первымъ закономъ, касающимся между прочимъ
экспропріаціи, былъ законъ 8 марта 1810 г. Но
измѣненія, которыя были внесены послѣдующими

---

[1]) Рѣчь, какъ и далѣе, идетъ о французскихъ законахъ.
Прим. переводчика.

законами, поучительны въ томъ отношеніи, что рисуютъ картину соціальнаго роста и соціальныхъ перемѣнъ. Становится ясно, какимъ образомъ горное дѣло, желѣзныя дороги, проведеніе путей и каналовъ вызывали одинъ за другими законы посвященные вопросу экспропріаціи. Экспропріація дѣлается важнымъ актомъ государственной власти, посредствомъ котораго послѣдняя принуждаетъ частные интересы отступить передъ расширеніемъ народнаго богатства, передъ общимъ благомъ, но въ которомъ не затрогивается самый принципъ собственности и только устанавливается при помощи государственной власти новая форма собственности, отличающаяся отъ земельной,— рудниковыя концессіи, которыя въ сущности являются, такъ сказать, отчлененіемъ земельной собственности, подземною собственностью, обложенною извѣстными налогами, связывающею извѣстными обязательствами и подаренною государствомъ новому классу—классу крупныхъ капиталистовъ.

Сюда же присоединяются концессіи трамваевъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и т. д., которыя могутъ осуществляться только при условіи экспропріаціи земельной собственности и которыя являются новой формой собственности, зарождающейся подъ покровительствомъ государства и освящаемой закономъ: бумажное разрѣшеніе приравнивается къ недвижимости, прибыль, извлекаемая изъ работы, замѣщаетъ ренту, даваемую землей. Полагаютъ, что государство, по крайней мѣрѣ въ Франціи, путемъ администраціи и права идетъ на встрѣчу экспропріаціи, но оно смотритъ на экспропріированное благо только какъ на вещь, не имѣю

щую цѣнности и находящуюся, такъ сказать, внѣ оборота, а не удерживаетъ за собою новой собственности, возникновенію которой способствовало. Нужно сознаться, что экспропріація земельной собственности, совершающаяся, повидимому, ради общаго блага, въ дѣйствительности служитъ въ буржуазномъ государствѣ къ выгодѣ однихъ капиталистовъ.

Государство можно разсматривать какъ механизмъ, создававшійся одновременно съ классомъ и собственностью капиталистовъ, органомъ которыхъ служитъ. Эпоха торжества земельной собственности, средніе вѣка, была въ то же самое время эпохой упадка центральной власти, государственныхъ учрежденій, самой идеи государства. Возродилось оно съ образованіемъ общинъ, развитіемъ капитализма; государство есть порожденіе купцовъ и ростовъ третьяго сословія, буржуазіи, городскихъ обывателей, новой силы, обладателей новою собственностью. Государство (l'Etat) есть средство управленія, установленія порядка и принужденія, созданное капиталистами ради ихъ личной выгоды.

Но каждое учрежденіе живетъ своею собственною жизнью; однажды созданное, оно продолжаетъ функціонировать. Это относится и къ государству. Государство развивается даже противъ воли своихъ создателей, управляетъ даже тѣмъ, что хотѣли бы освободить изъ-подъ его власти, изъ орудія насилія оно должно превратиться въ средство освобожденія.

Мы можемъ предугадать роль государства въ частномъ вопросѣ, которымъ занимаемся. Оно экспропріировало землю для буржуазіи, но впо-

слѣдствіи возьметъ ее въ свои руки. Увидавш
послѣдствія своей прежней работы, оно должн
будетъ поискать средство къ смягченію ихъ,
такъ какъ средство только одно: постепенно ото
брать въ свою пользу утраченную нѣкогда соб
ственность,—отобрать ее. Другими словами, он
постарается обратить на благо ту собственност
которую отобрало на пользу капиталистовъ, за
тѣмъ ограничить право собственности. Вся ег
дѣятельность должна быть направлена на то
чтобы поставить себя въ положеніе постояннаг
и законнаго собственника, укрѣпляться въ этом
положеніи и замѣнить собою концессіонеров
увѣрившись наконецъ, что они въ сущности лиш
случайные обладатели. По нашему мнѣнію, эт
очень просто для всѣхъ хорошо изучившихъ
предметъ; самыя условія концессій горнаго дѣла
общественныхъ работъ, установленіе статей вы
купа и освобожденія, наконецъ, болѣе и болѣе рас
ширяющійся взглядъ законодателей и кропотлива
работа надъ редакціей статей свидѣтельствуют
въ нашу пользу.

Изъ всего вышеприведеннаго вытекаютъ важны
слѣдствія:

1) Въ классической теоріи юристовъ нѣтъ н
малѣйшей доли справедливости. Они ошибаются
разсматривая экспропріацію какъ актъ, посред
ствомъ котораго государственная власть преслѣ
дуетъ общіе интересы; но внѣ всякаго сомнѣні
экспропріація идетъ къ тому, чтобы рано ил
поздно сдѣлаться таковой.

2) Классъ капиталистовъ является обманувшим
ся обманщикомъ. Нуждаясь для учрежденія по

вой формы собственности въ ломкѣ старыхъ ра-
мокъ, въ установленіи новыхъ, въ сведеніи на
тѣтъ всякихъ преградъ, въ укрѣпленіи общаго
уваженія къ себѣ, онъ создалъ спеціальный органъ.
Преслѣдуя исключительно свои интересы, онъ
утверждалъ, что работаетъ на общее благо; поль-
зуясь силой и престижемъ своего соперника,
класса земельныхъ собственниковъ, для того чтобы
богатѣть на его счетъ, онъ притворялся, что пре-
слѣдуетъ общіе интересы. Естественнымъ и спра-
ведливымъ послѣдствіемъ этого будетъ то, что
подъ могучимъ давленіемъ народной воли, начав-
шей борьбу съ враждебнымъ элементомъ, госу-
дарство, принужденное бороться за свое существо-
ваніе, выступитъ противъ класса капиталистовъ,
подобно тому какъ раньше шло вмѣстѣ съ нимъ
противъ крестьянскаго, и ради общаго блага ли-
шитъ его собственности.

Капиталисты, создатели государства, увѣряютъ,
что оно создано для охраны народныхъ интересовъ,
соціалисты хотятъ дѣйствительно использовать
его силу въ этомъ направленіи. Въ экспропріаціи
различаютъ два фактора: работу государственныхъ
учрежденій и дѣятельность капиталистическаго
класса; соціалисты намѣреваются развить первую
и уничтожить вторую, внести въ экспропріацію
то, чего въ ней еще нѣтъ, но что должно быть,—
актъ справедливости, находящійся въ гармоніи
съ общимъ благомъ.

II.

Читатель можетъ безпокоиться. Юристы на всѣ
лады повторяютъ, что экспропріація есть и должна
быть актомъ исключительнымъ, что страшно

самое понятіе общей экспропріаціи. Они разсматриваютъ ее какъ несправедливость и грабежъ. Можетъ быть, въ отвѣтъ на ихъ слова недостаточно указать, какъ мы дѣлали до сихъ поръ, что въ такой операціи нѣтъ ничего необычнаго или ненормальнаго и что дѣло, которое хотятъ выполнить соціалисты, на первый только взглядъ представляется черезчуръ обширнымъ и черезчуръ значительнымъ. Я предусматриваю возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы: „Сначала докажите, скажутъ намъ, что экспропріація *законна*, потому что до сихъ поръ ея не было. Вы не въ состояніи доказать этого: по вашему же собственному признанію, индивидуальная собственность, по крайней мѣрѣ въ ея сельской формѣ, предшествовала установленію государства; чѣмъ же можно оправдать ея уничтоженіе или измѣненіе? Она не зависитъ отъ общаго соизволенія, она не является результатомъ соціальнаго договора, она есть матеріализація индивидуальной свободы, необходимое слѣдствіе ея и какъ бы завершеніе человѣческой личности. Что можетъ сказать противъ нея общая воля, или, лучше, голосъ большинства? Вы скажете, какъ и говорили, что, лишая буржуазію собственности, вы только слѣдуете ея примѣру? Но вѣдь ея грѣхи противъ справедливости — ея дѣло, они еще не даютъ вамъ права подражать ей. Жрецы справедливости, разсмотрѣли ли вы съ этой точки зрѣнія поступокъ, на который дали свое согласіе?“.

У насъ есть отвѣтъ. Мы не принимаемъ догматики, которую стремятся навязать намъ. Мы отказываемся отъ признанія за собственностью какого

го отвлеченнаго и самобытнаго института соціальнаго соглашенія и разъ навсегда протестуемъ против этой идеологіи, которая противополагаетъ другъ другу фактъ и право.

По нашему мнѣнію, повидимому не расходящемуся съ традиціями соціализма, общественная совѣсть подчиняется реальнымъ отношеніямъ между людьми. Она происходитъ отъ нихъ, или, лучше сказать, отражаетъ ихъ въ своихъ принципахъ. Эти принципы, объединенные въ стройное цѣлое, называются правомъ. Право есть путь общественной совѣсти къ пониманію экономически-реальнаго, однимъ изъ элементовъ котораго является существующее въ извѣстный моментъ распредѣленіе собственности. Далѣе, наши воззрѣнія перемѣнчивы и гибки—вотъ лучшая характеристика ихъ; благодаря этимъ свойствамъ, они отражаютъ дѣйствительность обыкновенно неправильно. Мы играемъ ими, этими замѣстителями вещей, объединяемъ ихъ, повидимому, на свой ладъ; намъ кажется, что въ данномъ случаѣ наша свобода не стѣснена ничѣмъ. Мы не сравниваемъ ихъ съ фактами. Мы обманываемъ себя иллюзіей, что факты подчинены намъ; мы забываемъ, что только они, факты, вещи, порождаютъ наши идеи, и въ своемъ ослѣпленіи думаемъ, что измѣненіе нашихъ идей вліяетъ на ходъ событій, эволюцію вещей. Отсюда исходятъ мечтанія слѣпцовъ, вѣрящихъ въ то, что ихъ пониманіе справедливости (которую они не хотятъ видѣть въ *реальномъ* освѣщеніи) можетъ играть какую-нибудь роль въ мірѣ *реальнаго*. Весьма часто замѣчается обратное. Прогрессъ фактовъ, жизни влечетъ за собою прогрессъ нашихъ понятій, и

перемѣна послѣднихъ обозначаетъ только измѣненіе фактическаго положенія вещей.

Изученіе государственныхъ институтовъ открываетъ цѣлый рядъ перемѣнъ въ общественной жизни и мысли. Но если наши стремленія хороши, если перемѣны логичны, необходимость защищать ихъ отъ возводимыхъ на нихъ обвиненій исчезаетъ. Они защитятъ сами себя. Общественная совѣсть уже начинаетъ ихъ оправдывать, по мѣрѣ ихъ реализаціи будетъ оправдывать ихъ далѣе и оправдаетъ совершенно, когда они будутъ окончательно выполнены. Право покорно слѣдуетъ за жизнью. Въ частности же лучшимъ доказательствомъ моральной истины соціализма является то обстоятельство, что экспропріація началась и не прекращаетъ своего развитія.

III.

Сказать по правдѣ, если что-нибудь въ соціалистической теоріи экспропріаціи внушаетъ безпокойство, это не столько сама экспропріація, сколько стремленіе (признанное большинствомъ соціалистовъ) экспропріировать землю *безъ вознагражденія*. Однако они разсуждаютъ строго логично: индивидуальная собственность или абсолютно законна, и въ такомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о ея ограниченіи, или противозаконна. Но противозаконное не можетъ опираться на право, и такимъ образомъ не слѣдуетъ вознаграждать привилегированный классъ, лишенный его привилегій, похитителей общественнаго имущества, наконецъ принужденныхъ возвратить то, что имъ не принадле

кало. На этомъ упорно настаиваетъ большинство соціалистовъ и особенно великій теоретикъ соціализма, Лассаль.

Какъ извѣстно, эта доктрина смущаетъ много даже „передовыхъ“ умовъ, нарушая, повидимому, интересы, достойные признанія и уваженія. Такъ же смотрятъ на это нѣкоторые соціалисты, предлагающіе, въ качествѣ примирительнаго средства, искусной палліативы, экспропріацію съ вознагражденіемъ. Несомнѣнно, говорятъ они, капиталисты, силою принужденные возвратить несправедливо отнятое ими, теоретически не имѣютъ права на вознагражденіе. Однако хорошо было бы облегчить процессъ революціи, произвести ее мирнымъ путемъ, а для этого должно предварительно обезпечить мнимо-нарушаемые интересы, сдѣлать болѣе того, къ чему принуждаетъ строгая справедливость: капиталистовъ, мирно и добровольно признающихъ перемѣну положенія, вознаградить пожизненной пенсіей. Было бы слишкомъ жестоко сразу поставить ихъ въ положеніе рабочей массы, послѣ того какъ богатство долго являлось ихъ единственнымъ средствомъ къ существованію: побѣдитель-пролетаріатъ будетъ великодушенъ, онъ поддержитъ ихъ. Дальнѣйшее слѣдуетъ предоставить великому миротворителю— времени; путемъ эволюціи оно водворитъ царство справедливости: послѣ стараго поколѣнія капиталистовъ, лишенныхъ собственности, но вознагражденныхъ за нее, войдетъ на жизненную арену молодое, выросшее въ другихъ соціальныхъ условіяхъ, преслѣдующее другіе идеалы. Тогда безъ толчковъ, безъ зла реализуется новое общество, полное гармоничности и всеобщаго

счастья, построенное на началахъ правды и кра-
соты. Однимъ изъ самыхъ авторитетныхъ пред-
ставителей этой доктрины отшлифованнаго, пра-
ду говоря, оппортюнистическаго революціонизм
является Родбертусъ.

Почти единодушно соціалисты сходятся тольк
въ одномъ: по строгой справедливости и какъ не-
обходимое слѣдствіе основныхъ принциповъ,экспро-
пріація можетъ быть осуществлена и безъ возна-
гражденія. Если же общество согласится на воз-
пагражденіе, это вознагражденіе нужно разсматри-
вать не какъ удовлетвореніе за понесенный ущербъ
а какъ добровольный и отмѣняемый даръ,—отмѣ-
няемый, потому что было бы странно поддерживат
капиталистовъ въ томъ случаѣ, если они будут
бороться противъ законовъ пролетаріата.

Но въ этой доктринѣ, исповѣдуемой различным
школами, можетъ быть, кроется ошибка, или, пра-
вильнѣе, основныя положенія ея требуютъ доказа-
тельствъ, тщательной провѣрки, безъ которой их
не слѣдуетъ признавать. По мнѣнію многихъ
революція должна предшествовать экспропріаціи
Сдѣлавшись господами положенія, соціалисты объ-
явятъ коллективизацію благъ. Первая фаза это
операціи будетъ заключаться въ отнятіи частно
собственности, вторая—въ передачѣ ея обществу
Экспропріація такимъ образомъ явится сама п
себѣ революціонной мѣрой, первымъ актомъ рево-
люціи. Если это краткое изложеніе неясно, он
показываетъ зато связь между двумя теоріями-
теоріей экспропріаціи безъ вознагражденія и тео-
ріей быстраго революціоннаго удара. Лассаль смо-
тритъ на свою теорію какъ на систематичное цѣло

деальныхъ сущностей, которыя нуждаются для воего осуществленія на практикѣ въ продолжительномъ времени. Родбертусъ рѣшаетъ мудро редоставить времени и вознагражденію выполнить лавную часть революціонной работы—идея, которую я хотѣлъ бы распространить, очистить и разить. Но должно сознаться, что теоріи ихъ обоихъ емны и даже противорѣчивы. Въ дѣйствительости, если даже согласиться съ однимъ изъ нихъ платить старикамъ-капиталистамъ вознагражденіе, то добровольное согласіе предполагаетъ, по крайей мѣрѣ, уже наступившій *моральный тріумфъ* оціалистовъ, если не что-нибудь большее. Праильно или нѣтъ, но они разсматриваютъ экспроріацію, какъ операцію недѣлимую; они приписыаютъ ей одинъ и тотъ же характеръ, совершается и она въ одинъ моментъ или растягивается на родолжительный срокъ. Если есть ошибка, она ъ этомъ. Соціалистическая экспропріація, какъ перація сложная, должна быть завоевана въ большое количество фазъ и въ зависимости отъ моентовъ, въ которые ее разсматриваютъ, обладать овершенно различными характерами.

Между соціалистами было бы больше единства ъ этомъ вопросѣ, если бы многіе изъ нихъ не мѣли обыкновенія смотрѣть на соціальную революцію, какъ на событіе, совершенно обособленное тъ прошлаго, не находящееся ни въ какой приинной связи съ нимъ, какъ на внезапную кататрофу, абсолютное начало и, чтобы высказать все, астоящее чудо. Что есть серьезнаго въ ихъ мнѣіи и глубокаго въ ихъ теоріи—это то, что община, о ихъ мнѣнію, является замкнутой средой, цѣлымъ,

всѣ части котораго находятся во взаимной связи, но которое лишено сообщенія съ внѣшнимъ міромъ. Поэтому въ капиталистической общинѣ каждый институтъ стремится вылиться въ капиталистическую форму и обращается къ выгодѣ эксплоататоровъ противъ эксплоатируемыхъ; смягченіе частностей, если только такой общинѣ возможно смягченіе чего бы то ни было, должно повлечь за собою смягченіе общаго. Немыслимо предположить, чтобы къ капиталистическому механизму прививались какія-нибудь новшества, чуждыя капитализма. Должно быть что-нибудь одно: или нововведеніе гармонируетъ съ остальными частями системы и въ такомъ случаѣ является только частью, характеризуемой тѣмъ же, чѣмъ характеризуется цѣлое, или противорѣчитъ духу системы, вноситъ въ нее разладъ, и тогда должно пасть или погубить ее. Можетъ быть, послѣднее предположеніе не ясно? Ничто внѣшнее не можетъ измѣнить капиталистической общины. Если она рушится ее разъѣдаютъ ея собственныя отправленія, разъѣдаютъ постепенно. И когда она погибнетъ, на ея развалинахъ создастся соціалистическая община, основные элементы которой уже зародились, уже разсѣяны въ современномъ обществѣ, но группировка которыхъ возможна только въ будущемъ. Она совершится мгновенно послѣ конечной катастрофы, подобно тому какъ кристаллы, растворенные въ жидкости, дожидаются только сотрясенія для того, чтобы скомбинироваться снова. Такимъ образомъ никто и ничто не приготовляетъ революціи, ничто не предшествуетъ ей,—она приготовляется сама собой и разразится однимъ ударомъ.

Ясно, что при такой доктринѣ экспропріація можетъ быть понимаема только какъ сама революція или по крайней мѣрѣ какъ первая стадія революціи. Было бы противорѣчиво считать ее только предисловіемъ къ революціи, предвѣстникомъ ея, только юридически необходимымъ подготовительнымъ шагомъ. Она нѣчто новое, не имѣющее ничего подобнаго себѣ, какъ сама будущая революція. Слѣдовательно, теорія, построенная на ней, будетъ дѣломъ чистаго воображенія. На такихъ данныхъ теоріи не построите. Отсутствіемъ положительныхъ данныхъ объясняется бѣдность взглядовъ на будущее соціалистической общины. Но если смотрѣть на экспропріацію, какъ на переходную ступень отъ современной общины къ общинѣ будущаго, подготовительный шагъ, средство произвести соціальную революцію,—много трудностей исчезнетъ. Экспропріація зарождается въ капиталистической общинѣ и вначалѣ служитъ капиталистамъ; робкая и умѣренная, она преслѣдуетъ цѣли промышленности и отчасти самой собственности. Но она развивается, расширяется, избираетъ окончательный путь. Сама собою она идетъ навстрѣчу соціализму, мало-помалу закладываетъ основаніе соціалистической общины и принимаетъ опредѣленную соціалистическую окраску. Короче, служа гранью между соціалистической и буржуазной общинами, экспропріація характеризуется особенностями той, которая въ данный моментъ оказываетъ на нее болѣе сильное вліяніе. Начинаетъ она съ проникновенія принципами буржуазнаго права, но постепенно очищается, дѣлается болѣе и болѣе революціон-

ной, пока сама собою не реализуется соціалистическая община.

Если принять этотъ взглядъ на экспропріацію то путаница въ вопросѣ о вознагражденіи, неизбѣжная при всякомъ другомъ толкованіи, устранится сама собою. Прежде всего разберемся въ содержаніи понятія вознагражденія, которое буржуазные юристы справедливо считаютъ необходимымъ элементомъ экспропріаціи. Оно не есть, какъ его часто опредѣляютъ, *эквивалентъ* собственности, отбираемой у ея обладателя; оно есть *перемѣщеніе,* превращеніе ея въ новую форму. Въ общинѣ, предоставляющей господство земельной собственности, существуетъ извѣстное количество благъ; при переходѣ ея въ капиталистическую они, разумѣется, остаются, но измѣняютъ свой характеръ и приспособляются спеціально къ новымъ соціальнымъ условіямъ. Бывшій землевладѣлецъ дѣлается капиталистомъ; однако въ сущности ничто не измѣнилось для него. Перемѣнились соціальныя условія—и вмѣстѣ съ ними онъ. Его положеніе по отношенію къ согражданамъ и размѣры его личныхъ средствъ по отношенію къ общей суммѣ соціальныхъ богатствъ остались прежними.

Для достиженія подобнаго при опредѣленіи размѣровъ вознагражденія необходимо имѣть въ видѣ два факта: 1) положеніе экспропріируемой собственности (элементъ прошлаго); 2) положеніе общества, въ которомъ совершается экспропріація (элементъ настоящаго). Легко доказать необходимость принимать во вниманіе оба эти фактора. Въ настоящее время землевладѣлецъ, лишаемый ради

общаго блага собственности, имѣетъ право не на замѣнъ его помѣстья другимъ, а только на *денежное* вознагражденіе. Экспропріація въ буржуазной общинѣ даетъ обиженному исключительно то, что позволитъ ему завоевать обратно утраченныя блага, поскольку это возможно при буржуазномъ режимѣ.

Но по мѣрѣ приближенія формы соціальной среды къ коммунистической участь индивида, его средства къ жизни, сумма благъ, которыми онъ пользуется, должны болѣе и болѣе освобождаться отъ вліянія собственности, находящейся въ его рукахъ. Въ буржуазной средѣ пріобрѣтеніе благъ, самая жизнь его зависятъ отъ суммы его личныхъ богатствъ; въ соціалистической общинѣ—отъ его характера, воспитанія, средствъ самой общины, отъ его выбора, отъ коллективной воли, такъ какъ послѣдняя должна быть компетентной въ ограниченіи способа и размѣровъ отдѣленія продуктовъ общаго труда одному изъ согражданъ. При такомъ положеніи вещей вознагражденіе, если бы оно и было отчислено, не имѣло бы ни малѣйшаго значенія. Не имѣя никакой практической цѣнности въ новой соціальной средѣ, не будучи способно обезпечить никакого блага, это удовлетвореніе было бы мертвою собственностью, данною взамѣнъ потерянной реальной,—мало того, было бы злой насмѣшкой. Если это такъ, очевидно, что изъ двухъ элементовъ, различаемыхъ нами въ вознагражденіи, первый является не болѣе какъ теоретическимъ, второй остается реальнымъ. Вслѣдствіе этого вознагражденіе должно постепенно ограничиваться въ зависимости отъ расширенія экспропріаціи, ея непрерывно прогрессирующихъ

побѣдъ, въ зависимости отъ приближенія государства къ соціалистической общинѣ, въ которой богатство гражданъ заключается не въ личныхъ средствахъ, а въ продуктахъ, распредѣляемыхъ общиной. Все это можно изложить вкратцѣ слѣдующимъ образомъ: въ экспропріаціи такъ, какъ она практикуется въ настоящее время, владѣльца лишаемаго собственности вознаграждаютъ за всѣ выгоды, которыми онъ пользовался отъ нея. Но путемъ эволюціи община, вѣроятно, дойдетъ до такого положенія, при которомъ заботы о судьбѣ землевладѣльца или капиталиста сдѣлаются излишними. Изъ тѣхъ средствъ, которыя сосредоточатся подъ контролемъ общины, община будетъ обезпечивать всѣхъ своихъ членовъ—и бывшихъ собственниковъ и бывшихъ пролетаріевъ. Такимъ образомъ сумма вознагражденія за лишеніе собственности будетъ уменьшаться и уменьшаться пока не дойдетъ до нуля.

* * *

Вышеизложенная теорія построена такимъ образомъ на слѣдующихъ положеніяхъ: 1) соціалистическая община порождается естественной эволюціей буржуазной; совершенно различныя по характеру, онѣ служатъ продолженіемъ одна другой; 2) внутри буржуазной общины развиваются институты, одновременно порожденные ея собственною жизнью, ея функціями и враждебные ей буржуазные по происхожденію, соціалистическіе по своимъ слѣдствіямъ. Изученію этихъ институтовъ, задачъ права, поставленныхъ ими, новыхъ формъ соціальнаго договора, которыя они допу

скаютъ, должны посвятить себя экономистъ и юристъ-соціологъ, если они хотятъ понять, какимъ образомъ видоизмѣняется буржуазное общество и какимъ образомъ въ немъ зарождается и развивается новая община. Экспропріація на ряду съ прочимъ есть одинъ изъ этихъ плодовитыхъ институтовъ, порожденныхъ буржуазными началами, но впослѣдствіи выходящими изъ узкихъ рамокъ буржуазной общины. Опираться эта теорія должна на принципы и жизнь современнаго общества. Но также необходимо и толковать ихъ какъ симптомы, предшествующіе болѣе широкой и радикальной экспропріаціи. Уже въ современный моментъ эта операція согласуется съ соціалистическими принципами и предвѣщаетъ будущее расширеніе ея. Настоящее никогда не бываетъ только настоящимъ. Какъ въ индивидуальной, такъ и въ общественной жизни есть элементы прошедшаго и будущаго, въ существующихъ институтахъ слѣды прошлыхъ и зародышъ будущихъ. И только благодаря имъ, мы имѣемъ возможность проникнуть за завѣсу будущаго, только по нимъ предсказывать судьбу новой общины.

Н. Малишевскій.

РОЛЬ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ ВЪ РУССКОМЪ ОСВОБОДИТЕЛЬНОМЪ ДВИЖЕНІИ.

Роль соціалъ-демократіи въ русскомъ освободительномъ движеніи.

Россійская соціалъ-демократическая партія выставила своимъ ближайшимъ политическимъ требованіемъ демократическую республику. Съ перваго взгляда требованіе преставляется какъ будто вполнѣ логичнымъ. Соц.-демократическая программа раздѣлена на двѣ части: конечную цѣль рабочаго движенія и его ближайшія требованія. Въ числѣ ближайшихъ требованій, осуществимыхъ при капиталистическомъ строѣ, находится и демократическая республика; такимъ образомъ появленіе ея въ программѣ сегодняшняго дня, кажется, вполнѣ законнымъ. Однако при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса возникаетъ масса недоразумѣній. Прежде всего непонятно, почему же демократическая республика не поставлена на первую очередь въ политическихъ требованіяхъ европейскихъ соціалъ-демократовъ, напр., нѣмецкихъ, австрійскихъ, итальянскихъ, бельгійскихъ и пр. Ближайшимъ требованіемъ у австрійскихъ и венгерскихъ соц.-демократовъ является всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право; у бельгійскихъ — уничтоженіе множественныхъ вотумовъ (тамъ же есть всеобщее, но нѣтъ равнаго избирательнаго права); у нѣмецкихъ

соц.-демократовъ первымъ политическимъ требованіемъ является распространеніе всеобщаго и т. д. избирательнаго права, существующаго тамъ только для выборовъ въ обще-имперскій рейхстагъ, на выборы во всѣ мѣстныя политическія и общественныя учрежденія. Для всѣхъ этихъ партій демократическая республика представляется болѣе или менѣе отдаленнымъ идеаломъ. Но почему же у насъ въ Россіи этотъ идеалъ уже сдѣлался первымъ практическимъ требованіемъ. Неужели у насъ соціалъ-демократическая партія сильнѣе, чѣмъ въ Германіи или Бельгіи, или же, можетъ быть, наша буржуазія крупная и мелкая и наше крестьянство болѣе подготовлены къ политическому самоуправленію, чѣмъ соотвѣтствующія группы населенія въ западно-европейскихъ странахъ? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы всякій маломальски образованный человѣкъ отвѣтилъ: нѣтъ и нѣтъ. Почему же въ такомъ случаѣ у насъ въ Россіи демократическая республика скорѣе осуществима, чѣмъ въ Германіи, Бельгіи, Австріи и пр.? Почему русская соц.-демократія не довольствуется общимъ требованіемъ нашего освободительнаго движенія, именно требованіемъ созыва учредительнаго собранія при всеобщей и пр. подачѣ голосовъ? Какія основанія имѣются у нея добиваться сейчасъ же республики, да еще демократической?

Исторія всѣхъ европейскихъ странъ съ поразительною ясностью свидѣтельствуетъ о необыкновенной живучести монархической формы государственнаго управленія. Несмотря на многочисленные государственные перевороты, монархія сохра-

нилась во всѣхъ европейскихъ странахъ, за исключеніемъ двухъ—Швейцаріи и Франціи. Почти всѣ европейскія революціи произведены монархистами; республиканцы въ этихъ революціяхъ составляли обыкновенно незначительное меньшинство. Борьба шла обыкновенно противъ самодержавія, но не противъ монархіи вообще. Начало великой революціи 1789 г.—изданіе указа о выборахъ въ національное собраніе—народъ привѣтствовалъ криками „да здравствуетъ король". И само національное собраніе состояло сплошь изъ монархистовъ. При обсужденіи вопроса о монархіи Рабо Сентъ-Этьенъ въ слѣдующихъ словахъ выразилъ отношеніе собранія къ этому вопросу:

„Невозможно думать, чтобы у кого-нибудь въ этомъ собраніи явилась смѣшная мысль объ обращеніи нашего королевства въ республику. Всѣмъ извѣстно, что республиканское правительство годится только для небольшихъ государствъ, а опытъ учитъ насъ, что всякая республика въ концѣ-концовъ подпадаетъ подъ власть аристократіи или деспотизма. Кромѣ того, французы во всѣ времена были привязаны къ священнымъ и почетнымъ традиціямъ монархіи; они привязаны къ священной крови своихъ королей, за которую проливали собственную кровь; они чтутъ добродѣтельнаго государя, котораго они провозгласили возстановителемъ французской свободы. Глаза опечаленныхъ народовъ всегда обращены къ трону-утѣшителю; каковы бы ни были бѣдствія, подъ которыми они изнываютъ, достаточно одного слова, одного единственнаго слова, магическія чары котораго могутъ быть объяснены только ихъ любовью,—достаточно

отеческаго имени короля, чтобы вернуть имъ надежду. Итакъ, французское правительство есть монархическое, и когда это положеніе было произнесено въ этой залѣ, единственное слышанное мною требованіе заключалось лишь въ томъ, чтобы было опредѣлено самое слово монархія" *).

Во время мартовской революціи въ Германіи Берлинъ и дворъ фактически оказались во власти возставшихъ гражданъ, но монархическое настроеніе и боязнь демократической республики были настолько велики у этихъ революціонеровъ, что они добровольно оставили королю всю прежнюю его власть и вполнѣ довѣрились его льстивымъ обѣщаніямъ, за что и поплатились впослѣдствіи.

Насколько слабо въ общемъ потокѣ революціоннаго движенія было представлено республиканское движеніе, ясно доказывается тѣмъ, что республики, возникавшія въ Испаніи (73 г.), Италіи, Франціи (48 г.), такъ же быстро исчезали, какъ и появлялись. Современная французская республика возникла при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, и національное собраніе, утвердившее ее, состояло изъ монархистовъ. Эти монархисты признали республику только какъ неизбѣжное зло при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Только благодаря распаденію монархистовъ во Франціи на 3 фракціи: легитимистовъ, орлеанистовъ и бонапартистовъ, они не сумѣли возстановить монархію въ 1874 году, несмотря на то, что истинные республиканцы были разбиты, демократически-республиканскій Парижъ только что потерпѣлъ страш-

---

*) *Оляръ*. Политич. ист. франц. рев., стр. 64—65.

ный и кровавый разгромъ отъ монархической Франціи.

Республиканскія иллюзіи нашихъ соціалъ-демократовъ по всѣмъ видимостямъ поддерживаются неправильнымъ пониманіемъ причинъ возникновенія первой французской республики въ 1792 году. Займемся же выясненіемъ этихъ причинъ.

Въ 1789 году всѣ французы, какъ я уже замѣтилъ, были монархистами и никакихъ признаковъ республиканскаго движенія не замѣчалось. Республиканское движеніе возникло въ концѣ 1790 года, когда начали обнаруживаться первые признаки измѣны короля и его тайныхъ сношеній съ иностранными монархами. Сильный толчокъ этому движенію былъ данъ бѣгствомъ короля въ Вареннъ.

21 іюня 1791 года французы съ изумленіемъ и негодованіемъ узнали, что Франція, вопреки ея волѣ, оказалась безъ короля, король бѣжалъ. Республиканцы съ жаромъ ухватились за этотъ случай и начали широкую агитацію, нашедшую себѣ откликъ и въ Парижѣ и кое-гдѣ въ провинціи. Офиціальные вожди демократіи Робеспьеръ и Дантонъ хотя и не высказываются за республику, но вступаютъ съ республиканцами въ соглашеніе. Назначается общая демократическая манифестація для поддержки петиціи о народномъ референдумѣ по вопросу о королевской власти. Но буржуазное и монархическое національное собраніе объявило короля невиннымъ и вооруженной силой разогнало манифестантовъ 17 іюля. Послѣ этого пораженія республиканское движеніе опять заглохло.

На смѣну учредительнаго собранія, распущен-

наго 30 сентября 1791 г., выступило законодательное собраніе. По своему составу и это собраніе было буржуазно-монархическое; демократическіе депутаты составляли меньшинство, а республиканцы и въ этомъ меньшинствѣ составляли ничтожную группу. Кромѣ того, настроеніе массы французскихъ гражданъ было настолько неблагопріятно для республиканской идеи, что республиканцы, попавшіе въ законодательное собраніе, примирились съ монархіей и попрятали свои республиканскія знамена. Болѣе того, демократы рѣшили на время отказаться отъ своего главнаго требованія—всеобщаго избирательнаго права—и готовы были поддерживать цензовую конституцію 1791 г., чтобы упрочить завоеванія революціи и устранить всякій поводъ для реакціи. Такимъ образомъ въ концѣ 1791 и началѣ 92 г. всѣмъ казалось, что революція совершила свое дѣло и установила прочный государственный порядокъ—конституціонную монархію. И если, несмотря на все это, 10 августа 1792 года король подвергается аресту, а 22 сентября во Франціи объявляется республика, то причиной этихъ событій были не республиканцы, а самъ король и его партія.

Людовикъ XVI торжественно присягнулъ на вѣрность конституціи 1791 года и въ то же самое время продолжалъ тайныя интриги противъ нея. „3 декабря 1791 г. онъ послалъ тайно прусскому королю письмо, въ которомъ повторялъ ему, что вооруженный конгрессъ былъ бы наилучшимъ средствомъ устрашить мятежниковъ, возстановить „болѣе желательный порядокъ вещей“ и помѣ-

шать революціи распространиться по остальной Европѣ“ *).

Весною 1792 онъ втянулъ съ этою цѣлью Францію въ войну съ Австріей и Пруссіей и въ то же время открыто поощрялъ реакціонные происки внутри Франціи. По мѣрѣ того какъ двуличная и коварная политика короля все болѣе и болѣе разоблачалась, народъ постепенно проникался ненавистью къ королю. Первый мощный взрывъ этого настроенія въ Парижѣ произошелъ 20 іюня 1792 г.; народъ проникъ во дворецъ и кричалъ королю: „Выбирайте между Кобленцемъ и Парижемъ!“.

Война съ Австріей и Пруссіей началась очень неудачно для Франціи. Каждое пораженіе французскихъ войскъ въ связи съ извѣстіями объ измѣнѣ короля вызывало глубокое волненіе въ массѣ французскаго населенія. Страхъ передъ грядущими бѣдствіями иностраннаго нашествія преодолѣлъ монархическія чувства французовъ, и они рѣшили защищаться до послѣдней крайности и противъ иностранцевъ и противъ ихъ союзника—короля. „Патріотизмъ, доведенный до отчаянія,—говоритъ Оляръ,—порождалъ республиканизмъ“ (273 стр.). Такимъ образомъ республика 1792 года возникла во Франціи при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, не повторявшихся во время революцій въ другихъ странахъ. Глубокія монархическія чувства французскаго народа благодаря неудачной войнѣ и измѣнѣ короля, виновника этой войны, столкнулись съ національными чувствами французовъ и даже просто съ инстинк-

---

*) *Оляръ*. Политическая исторія французской револ., 216 стр.

томъ самосохраненія. Благодаря такому обороту дѣла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ французы переродились изъ монархистовъ въ республиканцы. Интересно отмѣтить, что вожди демократіи Робеспьеръ, Дантонъ, Камиллъ Демуленъ и такіе извѣстные ранѣе республиканцы, какъ Бриссо, Кондорсе, отстали отъ этого народнаго движенія и продолжали защищать монархію въ то время, когда народъ уже требовалъ сверженія короля. Возстаніе 10 августа и, какъ слѣдствіе его, учрежденіе республики было дѣломъ чисто народнымъ. „Въ провинціяхъ огромное большинство департаментскихъ совѣтовъ и директорій немедленно же примкнуло къ перевороту“ (270 стр.). Причины такого быстраго и рѣшительнаго переворота въ настроеніи французскаго народа были хорошо извѣстны и современникамъ этихъ событій. Тотъ самый Рабо Сентъ-Этьенъ, который въ 1789 г. мысль о республикѣ находилъ смѣшной и недостойной даже критики, теперь писалъ: „Этотъ король избавилъ насъ отъ всѣхъ королей. Годъ его вѣроломствъ сдѣлалъ больше, чѣмъ столѣтіе разсужденій объ уничтоженіи королевской власти, освященной и увѣковѣченной шестью тысячелѣтіями идолопоклонства“ (285 стр., Оляръ).

Формы общественной жизни чрезвычайно консервативны: въ то время какъ содержаніе жизни постепенно мѣняется, форма долго остается неподвижной. Этотъ соціологическій законъ прочно установленъ многочисленными изслѣдованіями.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Въ древнія времена у многихъ народовъ существовалъ обычай похищать невѣсть изъ сосѣдняго племени;

съ теченіемъ времени между племенами устанавливаются мирныя отношенія, и насильный захватъ невѣстъ замѣняется постепенно обоюднымъ соглашеніемъ родителей жениха и невѣсты. Но, несмотря на это, свадебные обряды въ теченіе многихъ столѣтій продолжаютъ воспроизводить насильственное похищеніе невѣстъ. Общеизвѣстенъ далѣе фактъ, что хотя христіанство существуетъ въ Россіи уже 1000 лѣтъ, но нѣкоторые обряды языческой религіи сохранились еще и теперь. По обрядамъ и обычаямъ, не соотвѣтствующимъ теперешнимъ условіямъ жизни какого-нибудь народа, можно безошибочно заключить о его прежней жизни, когда эти обряды и обычаи выражали реальныя отношенія.

Политическія формы жизни такъ же консервативны, какъ и формы другихъ общественныхъ отношеній. Все сказанное раньше о монархизмѣ европейскихъ странъ и революцій подтверждаетъ эту мысль, и возникновеніе республики во Франціи въ 1792 году показываетъ намъ, какія исключительныя обстоятельства и какія могучіе стимулы нужны были, чтобы преодолѣть монархическія чувства французовъ. Въ исторіи европейскихъ странъ мы видимъ, какъ монархія постепенно или же порывами теряетъ свое содержаніе, какъ она превращается изъ абсолютной въ конституціонную и какъ въ конституціонной монархіи постепенно падаетъ власть короля. Англія представляетъ намъ монархію, въ которой этотъ процессъ достигъ наибольшаго развитія. Англійскій король почти совершенно лишенъ политической власти, однако монархическая форма государства чрезвычайно

прочно удерживается въ Англіи. Если противъ такого архаическаго учрежденія, какъ палата лордовъ, по временамъ въ Англіи поднимается сильное движеніе, то сколько-нибудь значительнаго антимонархическаго движенія въ Англіи совершенно незамѣтно. Недавнее голосованіе въ Норвегіи показываетъ, насколько и въ этой культурной и привыкшей къ самоуправленію странѣ живы еще монархическія традиціи. Почти $^4/_5$ населенія Норвегіи высказалось за королевскую власть.

Чрезвычайная живучесть монархическихъ традицій дѣлаетъ борьбу съ ними очень трудной и часто безнадежной. Но зато борьба противъ содержанія монархіи, т.-е. борьба за ограниченіе власти монарха, гораздо легче, и во всѣхъ европейскихъ странахъ она уже достигла большихъ успѣховъ. Все это прекрасно понимаютъ европейскіе соціалъ-демократы, поэтому-то они главные удары свои направляютъ не противъ самой монархіи, а противъ всякихъ ограниченій въ избирательномъ правѣ и противъ разныхъ функцій королевской власти, стремясь свести эту власть къ минимуму.

Наши соціалъ-демократы преклоняются передъ формой государственной власти и именно передъ республиканской формой, какъ передъ фетишемъ. Между тѣмъ какъ форма государственной жизни имѣетъ третьестепенное значеніе. Смѣшно думать, что достаточно объявить въ Россіи республику, чтобы республика утвердилась у насъ, да еще сдѣлалась демократической. Въ 48 году пролетаріатъ вмѣстѣ съ буржуазными демократами объ-

явилъ во Франціи республику, но законодательное собраніе, избранное въ 49 г., оказалось монархическимъ, и первымъ его дѣломъ было уничтоженіе всеобщаго избирательнаго права, а спустя два года Наполеонъ III произвелъ плебисцитъ, и подавляющее большинство голосовъ высказалось за имперію. Ссылка на административное давленіе во время плебисцита ничего не измѣняетъ въ существѣ дѣла, такъ какъ давленіе на выборы можетъ имѣть успѣхъ только тамъ, гдѣ большинство населенія сочувствуетъ идеѣ, въ пользу которой производится давленіе, или гдѣ населеніе индифферентно къ выборамъ. Двадцать лѣтъ спустя, несмотря на позоръ разгрома французской имперіи Германіей, народное голосованіе опять даетъ монархическую палату. На этотъ разъ благодаря разногласіямъ въ средѣ монархистовъ республика оказалась неизбѣжной, и вотъ въ 71 году во Франціи возникаетъ республика, но безъ республиканцевъ.

Однако скоро буржуа-монархисты увидѣли, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Республика отнюдь не означаетъ еще торжества демократіи, и при республикѣ буржуазія оказалась еще болѣе полновластнымъ господиномъ во Франціи, чѣмъ при имперіи. Монархисты-буржуа начали привыкать къ республикѣ, сдѣлались буржуа-республиканцами. И что же это была за республика? Буржуа властвовалъ въ этой республикѣ безраздѣльно, на самыя скромныя требованія рабочихъ онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, а то и репрессіями, малѣйшими недоразумѣніями при стачкахъ онъ пользовался для того, чтобы

залпами и штыками подавлять стачечное движеніе. А фабричное законодательство оказалось въ Франціи однимъ изъ самыхъ отсталыхъ. По первой просьбѣ русскаго правительства французскіе республиканцы высылали изъ предѣловъ Франціи русскихъ эмигрантовъ. Такою была французская республика всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ послѣдніе годы, благодаря росту демократической радикальной партіи, Франція начинаетъ понемногу демократизоваться, но до демократической республики ей еще очень и очень далеко. А между тѣмъ политическая форма французской республики почти вполнѣ демократична, палата депутатовъ избирается всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ. Если французскій народъ, несмотря на свое вѣковое политическое воспитаніе, неспособенъ создать во Франціи демократической республики, хотя для этого ему нужно только подать свой голосъ на выборахъ за демократическихъ кандидатовъ, то какъ же можно разсчитывать на установленіе демократической республики у насъ въ Россіи въ настоящее время.

Стоитъ только сравнить французскую республику съ сосѣднимъ англійскимъ королевствомъ, чтобы увидѣть, какими крупными преимуществами обладаетъ Англія, несмотря на свой монархизмъ и даже на свое ограниченное избирательное право. Свобода и неприкосновенность личности не только англичанъ, но и иностранцевъ нигдѣ въ Европѣ такъ не обезпечены, какъ въ Англіи. Англійское рабочее движеніе не имѣетъ передъ собою никакихъ препятствій, между тѣмъ какъ

во Франціи даже теперь Рувье пытается отнять у арсенальныхъ рабочихъ, почтовыхъ и другихъ чиновниковъ право стачекъ.

Незначительность вліянія государственной формы на содержаніе государственной жизни особенно рельефно выражается у балканскихъ государствъ, въ особенности въ Болгаріи. Конституція этой страны создана искусственно, извнѣ; вслѣдствіе отсутствія въ этой странѣ высшихъ классовъ конституція поневолѣ вышла демократической. Но болгарскіе крестьяне не доросли еще до политической жизни, поэтому при выборахъ въ парламентъ большинство всегда получаетъ та партія, которая стоитъ у власти. Болгарскій князь вслѣдствіе этого является полнымъ хозяиномъ въ своей странѣ.

Требованіе демократической республики въ качествѣ ближайшей политической цѣли находится въ полномъ противорѣчіи съ основными взглядами соціалъ-демократической партіи. На 3-мъ съѣздѣ русскихъ соціалъ-демократовъ высказана слѣдующая мысль о нашей революціи: „при современныхъ общественно-экономическихъ отношеніяхъ Россіи политическая революція неизбѣжно приведетъ къ еще большему торжеству буржуазіи“. Разовьемъ же логически эту мысль. Если революція приведетъ къ „еще большему торжеству буржуазіи“, то отсюда слѣдуетъ, что республика только въ томъ случаѣ можетъ утвердиться въ Россіи, если этого захочетъ буржуазія. Республика, въ которой господствуетъ буржуазія, — не демократическая, а буржуазная республика. Слѣдовательно въ лучшемъ случаѣ у насъ можетъ быть

только буржуазная республика, но и для этого необходимо, чтобы республиканскую форму потребовала буржуазія; она господствуетъ, она одна слѣдовательно только и можетъ рѣшить этотъ вопросъ. Но вѣдь наша буржуазія не хочетъ республики, слѣдовательно республики у насъ и быть не можетъ. Таковъ логическій выводъ изъ вышеприведеннаго положенія. Но такъ говоритъ логика, а сотрудники „Новой Жизни“ *) говорятъ совсѣмъ другое. Одинъ изъ нихъ, нѣкій К., въ началѣ своей статьи приводитъ вышеупомянутую цитату изъ постановленій 3-го съѣзда, а кончаетъ статью призывомъ русскаго пролетаріата къ немедленному осуществленію демократической республики. Не было ничего удивительнаго, если бы это противорѣчіе было достояніемъ одного г. К., но, къ сожалѣнію, его раздѣляютъ всѣ сторонники „Новой Жизни“.

Причины этой сумятицы въ глазахъ нашихъ соціалъ-демократовъ вызваны слѣдующими обстоятельствами. По общепринятому ученію марксизма, политическія революціи, уничтожающія феодальный абсолютизмъ, совершаются подъ руководствомъ буржуазіи, и буржуазія больше всего выигрываетъ отъ нихъ: власть переходитъ въ ея руки. У насъ же въ Россіи сверженіе самодержавія и завоеваніе гражданскихъ свободъ произведены всеобщей забастовкой. Такимъ образомъ выходитъ какъ будто что у насъ главнымъ борцомъ освободительнаго движенія является пролетаріатъ, буржуазія же

*) „Новая Жизнь“ № 12, 1905 г. Цитирую на память за отсутствіемъ сейчасъ у меня этого номера.

о мнѣнію „Новой Жизни“, только примазалась къ тому движенію. Но если одному пролетаріату въ Россіи удалось свергнуть самодержавіе, то почему же этотъ самый пролетаріатъ, только что показавшій свою мощь, не можетъ свергнуть и монархію?

Нашъ пролетаріатъ сыгралъ ту роль, которая, по марксистскому ученію, должна принадлежать буржуазіи. Русскій пролетаріатъ, значитъ, вмѣстѣ съ самодержавіемъ разрушилъ и марксистское ученіе. Нужно выбрать одно изъ двухъ: или признать, что марксистскій взглядъ на революцію вѣренъ, — въ такомъ случаѣ въ результатѣ нашей революціи долженъ возникнуть конституціонный порядокъ, но никакъ не демократическая республика; или же марксистское ученіе оказалось ложнымъ, политическая революція совершена у насъ однимъ пролетаріатомъ, и слѣдовательно есть основанія предполагать, что пролетаріатъ можетъ довести ее до конца, т.-е. до демократической республики. Значитъ, мы сразу перешагнемъ отъ самодержавія къ господству демократіи, такъ какъ демократическая республика немыслима безъ господства демократіи.

Наши соціалъ-демократы не разобрались еще въ этихъ противорѣчіяхъ, и поэтому они одновременно признаютъ и марксистское ученіе и особенный, пролетаріатскій характеръ нашей революціи, противорѣчащій этому ученію.

Блестящій успѣхъ всеобщей забастовки 9 — 24 октября поразилъ многихъ, въ томъ числѣ и нашихъ соціалъ-демократовъ, отсюда и гипотеза о необыкновенной мощи нашего пролетаріата. Между

тѣмъ достаточно хорошенько разобраться въ фа тахъ, чтобы признать, что сила нашего забастово наго октябрьскаго движенія коренится въ его бу жуазномъ характерѣ. Стачечное движеніе никог не достигло бы размѣровъ октябрьской забастовк если бы въ числѣ его требованій не было общих политическихъ требованій, а были бы только од спеціальныя пролетаріатскія требованія. Въ о тябрьской забастовкѣ приняли участіе не толь рабочіе, но и инженеры, начальники участковъ т. п. буржуазныя группы; къ забастовкѣ примкн ли банки, и въ томъ числѣ государственны банкъ, казенная палата въ Петербургѣ, чиновни государственнаго контроля и всѣхъ министерских канцелярій — это ли еще не доказательства бу жуазности забастовочнаго движенія!

Всѣ европейскія революціи совершались массо городского населенія; въ этой массѣ трудящій людъ — рабочіе, ремесленники и пр.—составлял громадное большинство, крупная же буржуаз составляла въ этой массѣ незначительную част но она одухотворяла движеніе, руководила им Сила буржуазіи заключается не въ ней самой, въ томъ, что она ведетъ за собою массу трудящ гося люда, проникнутаго буржуазнымъ мірово зрѣніемъ *).

Буржуазное міровоззрѣніе съ замѣчательным упорствомъ держится въ головахъ даже рабочих

---

*) Въ европейскихъ революціяхъ масса рабочихъ шла на ба рикады, руководимая и поддерживаемая буржуазіей; у насъ вмѣс баррикадъ рабочая масса устроила забастовку, поддержанну почти всей буржуазіей.

ассъ, не говоря уже о ремесленникахъ, клеркахъ, е. не говоря уже о многочисленномъ классѣ елкой буржуазіи, котсрая обыкновенно идетъ въ остѣ крупной буржуазіи; это-то обстоятельство служитъ основой для господства буржуазіи. Во ранціи за всѣхъ соціалистическихъ кандидатовъ дано на прошлыхъ выборахъ около 800.000 госовъ, слѣдовательно подавляющее большинство ранцузскихъ рабочихъ поддерживаетъ все еще ржуазію. То же самое наблюдается и въ Италіи, встріи и др. Въ Германіи соціалистическія идеи лучили, правда, гораздо большее распростране-е,—тамъ за соціалъ-демократовъ голосовало три лліона человѣкъ,—но вѣдь этотъ результатъ доигнутъ 40-лѣтней упорной и умѣлой агитаціей, да въ Германіи промышленное населеніе состаяетъ 65% всего населенія (а у насъ въ Россіи о едва достигаетъ 16%). И даже въ Германіи ряду съ 1.000.000 организованныхъ соціалъ-декратическихъ рабочихъ имѣется тысячъ 400 ганизованныхъ католическихъ и свободомысляихъ рабочихъ.

Послѣ 17 октября соціалъ-демократамъ удалось іобрѣсти громадное вліяніе на нашихъ рабочихъ. , теченіе какихъ-нибудь 2 мѣсяцевъ рабочее иженіе сильно разрослось и рѣзко выдѣлилось ь общаго потока нашего освободительнаго двинія. Но въ этомъ рѣзкомъ обособленіи рабочаго иженія заключалась его погибель. Если въ перевыхъ капиталистическихъ странахъ, гдѣ $^2/_3$ насенія заняты въ промышленности, какъ въ Бельгіи Германіи, и гдѣ слѣдовательно пролетаріатъ соавляетъ преобладающую часть населенія: если

и въ этихъ странахъ еще не можетъ быть рѣч
о руководящей политической роли рабочихъ па
тій, прекрасно тамъ организованныхъ,—то до к
кого же ослѣпленія нужно было дойти, что
увѣрять себя и другихъ, что русскій пролетаріа
обладаетъ необычайной революціонной силой
способенъ теперь же и самостоятельно добить
путемъ вооруженнаго возстанія провозглашен
демократической республики; далѣе шли бредн
диктатурѣ пролетаріата и т. п.

Незрѣлое общественное движеніе обыкновен
порождаетъ черезчуръ грандіозные и черезчу
революціонные проекты. Въ 48 г. французскіе с
ціалисты разсчитывали установить ни болѣе,
менѣе какъ соціальную республику и пытали
провести ее при посредствѣ диктатуры пролета
ата, путемъ вооруженнаго возстанія. Они жесто
поплатились за свои иллюзіи. Если бы они поп
тались сойтись съ гражданской демократіей
выставили болѣе скромныя требованія,револ
ція 48 г. могла бы имѣть совершенно друг
исходъ. Въ 1871 году парижскому пролетаріа
пришлось опять вступить въ борьбу съ франц
ской буржуазіей и крестьянствомъ.

На этотъ разъ борьба шла не за соціальн
республику, а за демократическія республика
скія учрежденія. Но и въ 71 г. пролетаріатъ
несъ страшное пораженіе. Благодаря пораженія
испытаннымъ въ 48 и 71 годахъ, французск
рабочее движеніе далеко отстало и отъ нѣмецка
и отъ бельгійскаго рабочаго движенія, хотя
этихъ послѣднихъ странахъ движеніе начало
гораздо позже, чѣмъ во Франціи. Послѣ 48 и 71

соціалистическое движеніе во Франціи почти совершенно прекращалось, и въ 60 и 80 гг. французскимъ соціалистамъ приходилось начинать свою работу сначала. Неужели ужасныя трагедіи 48 и 71 гг. недостаточны для того, чтобы доказать все безуміе замысловъ о диктатурѣ пролетаріата и демократической республикѣ? Неужели наши соціалъ-демократы останутся слѣпы къ этимъ краснорѣчивѣйшимъ урокамъ исторіи? *)

Къ тѣмъ же самымъ заключеніямъ приводитъ насъ и исторія бельгійскаго рабочаго движенія. Въ 1893 году бельгійскіе соціалисты при содѣйствіи либераловъ устроили всеобщую забастовку и добились введенія всеобщаго, хотя и неравнаго, избирательнаго права. Въ 1902 году бельгійскіе соціалисты начали борьбу за равное избирательное право. Къ этому времени соціалистическая партія значительно возросла и вступила въ борьбу одна,— союзники покинули ее въ самомъ началѣ. Опять была объявлена всеобщая забастовка, а на случай упорства правительства рѣшено было не останавливаться и передъ вооруженнымъ возстаніемъ. Всеобщая забастовка не удалась, начались столкновенія съ гражданской гвардіей, и вожди бельгійскихъ рабочихъ увидѣли, что у нихъ недостаточно силъ ни для всеобщей забастовки, ни для вооруженнаго возстанія и поспѣшили дать отбой. Если бы бельгійскіе соціалисты не отступили во время, они бы потерпѣли жестокое пораженіе, и бельгійское рабочее движеніе было бы отброшено лѣтъ на 20 назадъ.

---

*) Увы, всѣ эти опасенія уже сбылись!

Если въ такой промышленной странѣ, какъ Бельгія, и такой сильной соціалистической партіи, какъ бельгійская, не удалось добиться, несмотря на ея рѣшимость не останавливаться ни передъ какими средствами, такой сравнительно небольшой реформы, какъ замѣна множественныхъ вотумовъ равнымъ избирательнымъ правомъ, то какъ же наша едва вышедшая на просторъ рабочая партія въ нашей земледѣльческой странѣ можетъ задаваться планами вооруженнаго возстанія съ цѣлью провозглашенія демократической республики.

Пропаганда республики можетъ имѣть болѣе или менѣе значительный успѣхъ въ городахъ, но и у городскихъ рабочихъ монархическія традиціи еще сильны. Въ деревняхъ же эта пропаганда разобьется объ упорный монархизмъ крестьянской массы. Наиболѣе компетентнымъ учрежденіемъ по данному вопросу является несомнѣнно крестьянскій союзъ, и онъ, несмотря на весь радикализмъ своей программы и на сочувствіе республикѣ многихъ делегатовъ съѣзда, не принялъ республиканской программы, хорошо сознавая, что крестьяне за такой программой не пойдутъ. Безъ союза съ крестьянами наша соціалъ-демократія рѣшительно ничего не можетъ добиться: вѣдь крестьянъ по крайней мѣрѣ въ 10 разъ больше, чѣмъ рабочихъ.

Стачечное движеніе 8—24 октября могло создать иллюзію, какъ будто революція совершена безъ участія крестьянъ. Однако если бы въ деревнѣ не было броженія, если бы крестьяне попрежнему были покорны правительству, правительство могло бы задавить наше рабочее движеніе точно такъ же, какъ французское правительство сдѣлало это въ 48 и

71 гг. *). Вся сила нашего революціоннаго движенія—въ поддержкѣ его крестьянскою массой. Для того чтобы не лишиться этой поддержки и въ будущемъ, необходимо согласовать программу рабочихъ съ программой крестьянской партіи. Одинъ шагъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ,—соціалъ-демократы начали уже отрекаться отъ пресловутыхъ „отрѣзковъ“ и переходятъ къ аграрной программѣ крестьянскаго союза. Но недостаточно согласованія одной аграрной программы, необходимо согласованіе и политическихъ программъ обѣихъ партій, иначе возникнетъ расколъ и междоусобица, которая погубитъ все наше революціонное движеніе. Чѣмъ больше будетъ развиваться крестьянская партія, тѣмъ рѣзче будетъ выступать противорѣчіе двухъ политическихъ программъ.

Обостреніе этого антагонизма тѣмъ болѣе неизбѣжно, что наши соціалъ-демократы стремятся

---

*) Неудача забастовокъ 7—20 декабря, къ сожалѣнію, вполнѣ подтвердила справедливость этой мысли, написанной въ концѣ ноября. Подготовляясь къ борьбѣ 7—20 декабря, наши революціонныя партіи прежде всего постарались оттолкнуть отъ себя всѣхъ союзниковъ; крестьянскую массу, хотя бы въ лицѣ крестьянъ-солдатъ, онѣ отпугнули отъ себя призракомъ республики, а либеральныя и демократическія буржуазныя партіи сейчасъ же послѣ 17-го октября подверглись и въ прессѣ и въ народныхъ собраніяхъ такому гоненію со стороны революціонеровъ, что въ борьбѣ 7—20 декабря имъ волей-неволей пришлось стать посторонними зрителями. Старинное военное правило гласитъ: разъединяй своихъ враговъ и разбивай ихъ въ одиночку. Наши революціонеры поступили какъ разъ наоборотъ. Они сдѣлали все возможное, чтобы разъединить всѣ прогрессивныя силы Россіи, и создали такимъ образомъ самыя благопріятныя условія для торжества правительства.

прямо съ ребяческою дерзостью навязать свою программу всей Россіи. По сообщенію газетъ, московскіе соціалъ-демократы заявили земскому съѣзду, что они будутъ добиваться путемъ вооруженнаго возстанія созыва учредительнаго собранія *съ провозглашеніемъ демократической республики.* Добиваться созыва учредительнаго собранія — безусловная необходимость, къ этому стремятся всѣ прогрессивныя партіи; но одновременно съ созывомъ учредительнаго собранія провозгласить республику— это значитъ узурпировать власть учредительнаго собранія. Учредительное собраніе выражаетъ высшую волю русскаго народа, ему одному принадлежитъ государственная власть, и оно не допуститъ, чтобы кто-нибудь предписывалъ ему законы. Кромѣ того, необходимо понять, что республика или монархія—это сравнительно маловажный вопросъ. Республика можетъ быть хуже монархіи,—я уже приводилъ примѣръ Франціи и Англіи. И въ монархіи организація какъ центральной, такъ и мѣстныхъ властей можетъ быть построена на чисто демократическихъ началахъ, и полномочія центральнаго представительнаго собранія могутъ быть не ограничены никакимъ veto. Слѣдовательно различіе только въ формѣ, въ ярлыкѣ.

Русская революція отличается отъ европейскихъ революцій одной чрезвычайно важной особенностью. Нигдѣ земельный вопросъ не выступалъ съ такою поразительною остротой, какъ у насъ. Всюду въ Европѣ крестьяне были оплотомъ реакціи, у насъ же они могутъ стать оплотомъ самыхъ радикальныхъ преобразованій. Эту особенность нашей революціи плохо оцѣнили наши соціалъ-де-

мократы. Политическая роволюція должна передать власть въ руки буржуазіи, такъ говоритъ марксистское ученіе. Но это справедливо только въ томъ случаѣ, если крестьяне выкажутъ нѣкоторое сочувствіе революціи, но не примутъ въ ней дѣятельнаго участія. Если же крестьяне выступятъ во время революціи организованной, активной политической силой, тогда исходъ русской революціи будетъ совершенно другой. Вмѣсто буржуазіи восторжествуетъ крестьянская и рабочая демократія, а въ соотвѣтствіи съ этимъ и весь укладъ нашей жизни потерпитъ коренное измѣненіе.

Успѣхъ крестьянскаго движенія зависитъ всецѣло отъ сознательности и организованности крестьянъ. Создать сильную крестьянскую партію въ средѣ нашего темнаго, невѣжественнаго крестьянства, разбросаннаго на громаднѣйшемъ пространствѣ,— дѣло въ высшей степени трудное. Справится ли съ этой задачей наше крестьянство, сказать съ увѣренностью невозможно. Культурный уровень его слишкомъ низокъ для этого, но, можетъ быть, этотъ недостатокъ выкупится мощнымъ подъемомъ революціоннаго настроенія, начинающаго охватывать крестьянскую массу. Только объединившись въ сильную политическую партію, крестьяне получатъ возможность вліять на ходъ нашей государственной жизни. До тѣхъ же поръ, пока крестьянское движеніе будетъ носить теперешній анархическій характеръ, оно останется почти совершенно безплоднымъ. До сихъ поръ уступкой крестьянскому движенію является только отмѣна выкупныхъ платежей, но зато на усиленіе полиціи ассигновано сразу 24 милліона рублей.

Политической организаціи крестьянства могутъ оказать громаднѣйшую услугу выборы въ Государственную Думу. На это обстоятельство до сихъ поръ никто, повидимому, не обратилъ серьезнаго вниманія. Между тѣмъ при умѣломъ использованіи выборовъ изъ нихъ можетъ возникнуть могущественнѣйшая крестьянская организація. Многостепенность выборовъ не только не помѣшаетъ, а, наоборотъ, скорѣе будетъ содѣйствовать этой организаціи. Волость черезъ двухъ своихъ уполномоченныхъ, выбранныхъ волостнымъ сходомъ, уѣздъ черезъ посредство съѣзда уполномоченныхъ, а губернія при посредствѣ губернскаго съѣзда крестьянскихъ выборщиковъ могутъ установить постоянныя сношенія со своими депутатами Государственной Думы. И разъ эта связь установится— организація готова.

Выборы въ Государственную Думу — это политическій экзаменъ нашему крестьянству. Если крестьянство и народническая интеллигенція справятся съ предстоящей имъ трудной задачей, если они сумѣютъ создать всероссійскую крестьянскую партію, столь же единодушную, какъ единодушенъ въ настоящее время рабочій классъ, тогда передъ освободительнымъ движеніемъ русскаго народа исчезнутъ всѣ препятствія.

Ж. Жоресъ.

СОЦІАЛИЗМЪ и ВСЕОБЩАЯ ЗАБАСТОВКА.

Переводъ Л. Истомина.

Соціализмъ и всеобщая забастовка.

(Изъ рѣчи Ж. Жореса *), произнесенной на Турскомъ конгрессѣ французской соціалистической партіи въ 1902 г.)

Я вовсе не отвергаю идеи всеобщей забастовки. Я лишь требую, чтобы всеобщая забастовка не выходила изъ легальныхъ рамокъ, такъ какъ въ этомъ я вижу единственное условіе ея успѣха. Думаютъ, что всеобщая забастовка, переходя въ возстаніе, выигрываетъ въ своей силѣ. Но част-

---

*) Жанъ-Леонъ Жоресъ (родился въ 1859 г.) закончилъ свое образованіе въ высшей нормальной школѣ и получилъ ученую степень по философіи. Съ 1881 г. по 1885 г. былъ профессоромъ философіи въ Тулузѣ и Альби; съ 1885 по 1889 г. Жоресъ засѣдалъ въ палатѣ депутатовъ какъ независимый республиканецъ; съ 1889 по 1892 г. Жоресъ снова профессоромъ въ Тулузѣ; въ этотъ промежутокъ времени онъ становится соціалистомъ; съ 1893 по 1898 г. Жоресъ снова въ палатѣ депутатовъ, гдѣ онъ примыкаетъ къ соціалистамъ; въ 1898 г. онъ теряетъ свое мѣсто въ палатѣ, но снова входитъ туда въ 1902 г. Въ 1899 г. французскіе соціалисты объединились около Жореса; вступленіе въ кабинетъ Милльерана въ томъ же году было причиной отпаденія сецессіонистовъ во главѣ съ Гэдомъ въ 1900 г.; за Гэдомъ послѣдовала группа Вальяна въ 1901 г. и аллеманисты въ 1902 г. Однако около трехъ четвертей французскихъ соціалистовъ признали своимъ главой Жореса; это были самые молодые и способные члены партіи.

ныя забастовки уже доказали ошибочность этог взгляда.

Бріанъ. Это правда; мы согласны; но вѣд всеобщая забастовка принимаетъ революціонны характеръ, встрѣчая противодѣйствіе со сторон контръ-революціи. Посмотрите, что было въ Ба селонѣ; тамъ вызваны были войска, начались ра стрѣлы, и забастовка сама собой превратилась в революціонное возстаніе.

Жоресъ. Объяснимся. Я вовсе не отрица что всеобщая забастовка можетъ принять хара теръ бунта; но и въ случаѣ частной забастовк вы не можете поручиться за невозможность по добнаго исхода. Я не отрицаю, что всеобщая за бастовка можетъ сопровождаться актами насили и даже перейти въ революціонное движеніе, есл репрессіи очень суровы и слишкомъ возбуждают чувство общественнаго негодованія. Я утвержда только слѣдующее: постоянно говоря пролетаріат о всеобщей забастовкѣ, мы всегда должны напо минать, что — насколько трезвая мысль и созна тельная воля людей могутъ управлять событіям и даже событіями такого рода—всѣми силам нужно стараться сохранить за всеобщей забасто кой ея легальный и мирный характеръ, такъ как въ этомъ ея сила. Бросимъ взглядъ на исторі частныхъ забастовокъ. Въ началѣ рабочіе пони мали частную забастовку просто какъ бунтъ и в этомъ усматривали ея прогрессивное значеніе. В началѣ XIX столѣтія вы не встрѣтите ни одно забастовки, которая не сопровождалась разруше ніемъ машинъ, преступленіями противъ личност и собственности; только терроризируя предприни

ателей и правительство, думали рабочіе, частная абастовка можетъ имѣть успѣхъ. Но какъ пока-ываетъ опытъ англійскаго рабочаго класса, кото-ый въ дѣлѣ стачекъ является нашимъ старшимъ ратомъ, частная забастовка оказывается тѣмъ спѣшнѣе, чѣмъ лучше она подготовлена и чѣмъ енѣе при ея осуществленіи нарушаются миръ, покойное теченіе жизни и законность; легальный арактеръ всеобщихъ забастовокъ устраняетъ вся-іе поводы для вмѣшательства грубой силы и аетъ возможность нанести самый чувствительный даръ экономическимъ интересамъ буржуазіи. абочіе убѣдились на опытѣ, что успѣхъ частной абастовки лучше всего гарантируется ея легаль-ымъ характеромъ. Тотъ же опытъ подтвердитъ праведливость этого вывода и относительно все-бщей забастовки, по крайней мѣрѣ, для демо-ратическихъ странъ. Вотъ почему приводимый ами примѣръ Испаніи нельзя считать подходя-щимъ для нашей страны; вы знаете, что въ Испа-іи всеобщее избирательное право—не болѣе какъ сеобщее мошенничество; вы знаете, что испан-кой демократіи не существуетъ. И этотъ примѣръ, сли хотите, доказываетъ, что въ наиболѣе отста-ыхъ странахъ рабочему классу ничего болѣе не стается, какъ только прибѣгнуть къ насилію. акъ я только что сказалъ, въ Европѣ случаи ооруженнаго возстанія не часты. Но въ какой транѣ они составляютъ обычное явленіе? Въ жной Америкѣ, въ испанскихъ республикахъ. ежимъ карабиновъ въ наши дни является при-накомъ крушенія всякаго режима вообще. Вашъ спанскій примѣръ не годится для Франціи. По

моему мнѣнію, заслуживаютъ порицанія всѣ тѣ изъ нашихъ товарищей, которые не желаютъ занять опредѣленную позицію въ вопросѣ о всеобщей забастовкѣ и видятъ въ ней какой-то мистическій признакъ. Но усвоивъ себѣ идею всеобщей забастовки—въ этомъ я убѣжденъ,—мы увидимъ, что эта идея можетъ воплотиться въ нормальномъ движеніи современной рабочей демократіи; всеобщая забастовка увеличитъ могущество рабочаго класса и послужитъ новымъ толчкомъ въ его стремленіи къ самосознанію и независимости; не нужно только требовать отъ нея больше того, что она въ состояніи дать. Итакъ, я вмѣстѣ съ вами высказываюсь за всеобщую забастовку, но съ условіемъ понимать ее вовсе не такъ, какъ понималъ ее нѣсколько лѣтъ тому назадъ Жераръ... Всеобщая забастовка, согласно циркулирующимъ о ней представленіямъ, это какъ бы машина, которую держатъ въ одномъ карманѣ, а ключъ отъ нея въ другомъ—поэтому полиція не можетъ въ одномъ и томъ же карманѣ захватить сразу и машину и ключъ отъ нея. Стало быть, одинъ поворотъ машины въ любой данный моментъ—и часъ революціи пробьетъ, революція совершится. Нельзя согласиться съ подобнымъ взглядомъ; если бы даже и удалась всеобщая забастовка, она бы оказалась еще не въ состояніи осуществить коммунизмъ до того времени, когда страна будетъ подготовлена къ этому перевороту. Многимъ кажется, что для созданія новаго общества стоитъ только захватить на мгновеніе власти надъ старымъ. Но это далеко не такъ: если бы коммуна и восторжествовала, соціализмъ все-таки

еще не одержалъ бы полной побѣды. Такой задачи во Франціи не могло бы взять на себя тридцать лѣтъ тому назадъ даже министерство Вальдека Руссо. Я не умаляю того, что могло бы намъ дать торжество коммуны; оно могло бы для насъ сохранить десять или пятнадцать лѣтъ, потраченныхъ на борьбу съ реакціей и отжившими силами прошлаго. Но за коммуной послѣдовала бы все-таки только республика Гамбетты, съ Клемансо во главѣ крайней лѣвой: коммуна въ процессѣ своего развитія должна бы была приспособиться къ матеріальному и моральному состоянію страны, какъ цѣлаго. Высказанныя соображенія о возможныхъ послѣдствіяхъ торжества коммуны можно съ не меньшимъ правомъ повторить и по поводу всеобщей забастовки, если на ея сторонѣ въ ближайшемъ будущемъ окажется побѣда. Неужели вы допускаете, что въ случаѣ успѣха всеобщей забастовки въ Барселонѣ старая монастырская и феодальная Испанія была бы въ одинъ мигъ сметена вмѣстѣ со своими громадными помѣстьями, крупными хозяйствами, а на ея мѣстѣ возродился бы современный научный коммунизмъ? Самый благопріятный исходъ, какой только можно себѣ вообразить, это—учрежденіе республики, стоящей подъ постоянной угрозой военной диктатуры. И такъ мы, рабочіе, должны признать, что всеобщая забастовка вовсе не является какимъ-то чудеснымъ орудіемъ, таинственнымъ сокровищемъ. Ревелинъ сказалъ: „трудно принять какую-либо опредѣленную резолюцію по вопросу о всеобщей забастовкѣ; до сихъ поръ не было примѣровъ такой забастовки“.

Совершенно вѣрно, Ревелинъ, не было примѣровъ забастовки революціонной, идеальной, абсолютно-всеобщей, о которой многіе говорятъ. Но, что бы тамъ ни говорили, уже много было всеобщихъ забастовокъ. Ошибочно говорить: „всеобщая забастовка“, слѣдуетъ говорить о „всеобщихъ забастовкахъ“; таковыхъ уже было много и будетъ еще больше. Разсматривая эти забастовки одну за другой, мы найдемъ, что всеобщія забастовки, подобно трэдъ-юніонистскому движенію, подобно всеобщему избирательному праву, имѣютъ хорошія и дурныя стороны; онѣ иногда кончаются пораженіемъ, а иногда частичными побѣдами; онѣ не даютъ никакихъ неожиданныхъ результатовъ, не исключаютъ необходимости борьбы и не замѣняютъ для рабочаго класса организаціи. Бросимъ взглядъ на всеобщія забастовки, имѣвшія уже мѣсто,—онѣ въ самомъ дѣлѣ были; а если вы станете ждать, когда весь рабочій классъ, какъ одинъ человѣкъ, придетъ въ движеніе при одномъ только объявленіи всеобщей забастовки, то такихъ забастовокъ никогда не будетъ. Эти забастовки распространялись на значительныя территоріи, охватывали огромныя массы людей и въ своихъ требованіяхъ опирались на поддержку общественнаго мнѣнія; таково болѣе или менѣе полное опредѣленіе всеобщей забастовки. Онѣ были очень разнообразны. Иногда, какъ въ Барселонѣ, онѣ не давали никакихъ результатовъ, въ другихъ же случаяхъ, какъ это было въ Бельгіи, онѣ кончались побѣдой, хотя и не полной; въ Бельгіи вслѣдъ за объявленіемъ всеобщаго избирательнаго права съ множественнымъ вотумомъ всеобщая

забастовка была прекращена; такимъ образомъ цѣль ея—всеобщее избирательное право въ его чистомъ и простомъ видѣ—не была достигнута. Забастовка поэтому хотя и имѣла успѣхъ, но ограниченный.

* *
*

*Резолюція Энштедской конференціи голландской соціалъ-демократической рабочей партіи по вопросу о всеобщей забастовкѣ. *)*

Принимая во вниманіе, что настоящее движеніе противъ исключительныхъ законовъ застало рабочій классъ совершенно неподготовленнымъ вслѣдствіе преслѣдованій со стороны правительства и произвола директоровъ желѣзныхъ дорогъ; принимая далѣе во вниманіе, что у рабочихъ нѣтъ всеобщаго избирательнаго права, которое дало бы имъ орудіе самозащиты и избавило бы ихъ отъ необходимости прибѣгать ко всеобщей забастовкѣ для защиты своихъ нарушаемыхъ правъ; принимая, наконецъ, во вниманіе, что при отсутствіи единаго классоваго самосознанія и при несовершенствѣ организаціи рабочіе, повидимому, были бы не въ состояніи провести успѣшно это движеніе, упомянутые же недостатки не могутъ быть исправлены теперь, когда движеніе уже на-

---

*) Конференція эта состоялась 31 мая и 1 іюля 1903 г. Вторая всеобщая забастовка была объявлена 7 апрѣля того же года. Она была вызвана исключительнымъ закономъ, направленнымъ противъ стачекъ желѣзнодорожныхъ служащихъ. Этотъ законъ, по всей вѣроятности, былъ бы одобренъ верхней палатой. Стачка успѣха не имѣла, и законъ прошелъ.

чалось,—собраніе въ объявленіи пролетаріатомъ забастовки видитъ искреннее и многознаменательное выраженіе самоотверженія и готовности къ борьбѣ массъ голландскихъ рабочихъ, которые не могутъ мириться съ грубымъ нарушеніемъ самыхъ дорогихъ для нихъ правъ и согласны защищать ихъ до послѣдней возможности; собраніе подтверждаетъ резолюцію комитета партіи, выразившаго свою солидарность съ трэдъ-юніонами въ этой оборонительной борьбѣ за ихъ права и тѣмъ самымъ доказавшаго рабочимъ, что въ моменты крайней опасности они могутъ разсчитывать на соціалъ-демократическую рабочую партію; напоминаетъ партійнымъ товарищамъ о ихъ обязанности поддерживать среди рабочихъ соціалъ-демократическое сознаніе и организацію, призываетъ ихъ бороться съ удвоенной энергіей за всеобщее избирательное право.

Э. Бернштейнъ.

РЕВОЛЮЦІИ и РОССІЯ.

Переводъ С. Ламова.

Революціи и Россія.

Россія охвачена революціей; въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Однако было бы слишкомъ смѣло пытаться заранѣе опредѣлить исходъ этой революціи. Правда, революціи современныхъ народовъ, направленныя противъ абсолютизма, имѣютъ такъ много общаго въ основныхъ чертахъ, что исходъ англійской революціи XVII вѣка, французской XVIII в. и нѣмецкой 1848 г. дѣлаетъ возможнымъ рѣшеніе вопроса относительно окончательнаго положенія вещей въ Россіи. Однако особенности въ традиціяхъ и свойствахъ характера русскаго народа, соціальная структура страны, степень развитія классовъ, географическое положеніе ея и внѣшнія политическія отношенія оставляютъ такъ много мѣста для своеобразныхъ положеній и комбинацій, что отдѣльныя фазы настоящей революціи могутъ принимать формы, существенно отличающіяся отъ соотвѣтствующихъ фазъ обѣихъ классическихъ революцій (англійской и французской). Планъ этихъ двухъ революцій—перевороты 1848 г. представляютъ особый типъ—хорошо извѣстенъ.

Въ началѣ ихъ—полное единодушіе въ рядахъ горожанъ и всѣхъ классовъ въ борьбѣ противъ абсолютной монархіи и феодализма; затѣмъ парал-

лельно съ идущимъ впередъ успѣхомъ горожанъ начинается расколъ въ ихъ рядахъ; все болѣе и болѣе радикальные элементы становятся у власти или по крайней мѣрѣ опредѣляютъ ходъ событій, и революція выдвигаетъ соотвѣтствующія соціальной структурѣ страны политическія государственныя учрежденія. Наступаетъ періодъ военной диктатуры. За ней слѣдуетъ реставрація, возвращающаяся назадъ отъ достигнутаго при первомъ натискѣ; однако и она не имѣетъ устойчивости и, въ результатѣ, ведетъ къ новой революціи, представляющей блѣдный отпечатокъ первой, но устанавливающей господство парламентаризма; такъ было въ 1688 г. въ Англіи и въ 1830 г. во Франціи.

Революціи 1848 года протекаютъ сильно отличаясь отъ этихъ классическихъ образцовъ: у нихъ радикальное начало—во Франціи демократическая республика, въ Пруссіи мартовскія министерства; но затѣмъ идетъ постепенно совершающееся ослабленіе движенія, вплоть до полной реакціи, которая, конечно, ни тамъ, ни здѣсь не удерживается долго.

По какому же изъ этихъ двухъ основныхъ типовъ разыграется русская революція? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ главнымъ образомъ отъ формы, въ которую выльется начавшаяся уже, но еще не достигшая своей высшей точки первая фаза ея. Въ Россіи мы не видимъ еще событія, соотвѣтствующаго собранію Долгаго парламента въ Англіи, открытію Національнаго собранія во Франціи и февральскимъ и мартовскимъ переворотамъ 1848 г. Для того момента, когда пишется

это, положеніе Россіи гораздо болѣе походитъ на канунъ 1640 и 1789 гг. и имѣетъ нѣкоторыя общія черты съ состояніемъ Франціи 4 сентября 1870 г. Но эти нѣкоторыя черты могутъ дать совершенно иной обликъ дальнѣйшему развитію дѣлъ въ Россіи.

Сюда нужно присоединить еще большое различіе въ экономическомъ и духовномъ строѣ современной Россіи и западныхъ государствъ въ указанныя эпохи. Европейская Россія — азіатскую можно оставить безъ вниманія—еще и теперь населена значительно менѣе плотно, нежели Франція въ концѣ XVIII вѣка; кромѣ того, русскій крестьянинъ даже и теперь стоитъ по духовному развитію, пожалуй, въ общемъ еще довольно низко сравнительно съ англійскимъ 1640 года и среднимъ французскимъ крестьяниномъ эпохи 1789 г.

И то и другое для задачъ революціи—факторы, значеніемъ которыхъ нельзя пренебречь. Зато въ Россіи есть города и промышленные центры значительно бо̀льшіе, чѣмъ въ Англіи и во Франціи въ годы ихъ революцій. Въ этихъ центрахъ сосредоточенъ многочисленный, совсѣмъ иначе развитой, доступный для современныхъ идей классъ рабочихъ. Это обстоятельство тѣмъ болѣе имѣетъ вѣсъ, что руководящую роль въ русской революціи будутъ играть города и промышленные центры, а не деревня, способная произвести только возстаніе, а не политическую революцію. Взаимное соотношеніе городского и сельскаго населенія въ Россіи никакъ не хуже, чѣмъ въ свое время въ Англіи и во Франціи.

Впрочемъ, въ англійской революціи крестьяне,

какъ классъ, не сыграли достойной упоминанія роли. Парламентъ состоялъ изъ зажиточныхъ горожанъ и землевладѣльцевъ; классъ же послѣднихъ захватилъ себѣ еще львиную долю въ королевскихъ и иныхъ земляхъ, полученныхъ для раздѣла. Все, что Англія имѣла тогда въ лицѣ свободныхъ крестьянъ, было обязано своимъ существованіемъ преимущественно аграрной политикѣ королей,—но только не Тюдоровъ и Стюартовъ,—старавшихся по возможности увеличить и усилить крестьянство, какъ противовѣсъ противъ феодаловъ. Въ англійской революціи съ 1642 по 1648 г. не было недостатка и въ роялистскихъ возстаніяхъ крестьянъ: англійская Вандея зовется Корнуэльсомъ, шуаны—клубмэны.

Крестьяне же, служившіе въ войскѣ Кромвеля и боровшіеся за парламентъ, а позже за республику, слѣдовали прежде всего болѣе классовой идеологіи, чѣмъ хозяйственнымъ классовымъ интересамъ. Прежде всего побуждалъ ихъ религіозный вопросъ, во всякомъ случаѣ часто служившій только соотвѣтствующею идеямъ даннаго времени формой политическаго пониманія и политическихъ стремленій. Они пріучались разсуждать о политикѣ сначала въ арміи, а затѣмъ подъ вліяніемъ постановленія пресвитеріанскаго большинства парламента; постановленіе это, ограничивавшее свободу совѣсти, сильно затрогивало интересы крестьянъ, какъ приверженцевъ свободныхъ сектъ. Это были лица, составлявшія въ теченіе революціи ядро движенія левеллеровъ, этой самой радикальной партіи, до которой дошло дѣло въ XVII столѣтіи. Левеллеры занимаютъ въ англій-

кой революціи то же мѣсто, которое занимали позднѣе во французской гебертисты. Они образовали въ политическомъ отношеніи чисто демократическую партію, хотя въ ихъ средѣ и были коммунисты. Въ ихъ „Воззваніи къ народу“ собственность, какъ таковая, нисколько не оспаривается. Уничтоженіе пошлинъ и косвенныхъ налоговъ, устраненіе монополій, введеніе прямыхъ налоговъ на имущества и доходы—вотъ ихъ экономическая программа. Они боролись еще противъ способа, по которому парламентъ сбывалъ по знакомству и по родству королевскія помѣстья и конфискованныя земли возставшихъ. Для предъявленія чисто пролетарскихъ требованій тогда еще не существовало пролетаріата. Коммунистическая секта истинныхъ левеллеровъ, несмотря на ея интересъ, количественно была безсильной. Ея политическое значеніе было еще ничтожнѣе, чѣмъ у абувистовъ во Франціи. Эта секта, а также и еще, конечно, мало извѣстная литература о всякаго рода соціалистическихъ и полусоціалистическихъ проектахъ реформъ показываютъ только, какъ сильно всколыхнула революція умъ и совѣсть.

Это пробужденіе умовъ—типическое явленіе во всѣхъ большихъ революціяхъ. Революціи создаютъ въ жизни народовъ состояніе повышеннаго физическаго и духовнаго обмѣна веществъ. Онѣ пробуждаютъ силы, которыя иначе вовсе не обнаружились бы. Люди тогда чувствуютъ сильнѣе, думаютъ быстрѣе; скорѣе созрѣваютъ для задачъ, которыхъ при обыкновенномъ ходѣ развитія они не могли бы выполнить въ теченіе десятилѣтій. Что дремало въ нѣдрахъ націи, вырывается на-

ружу со стихійной силой; всѣ зародыши съ усі
ленной напряженностью стремятся развиться; вс
скрытыя мысли спѣшатъ обнаружиться. Идеи, ко
торыя раньше едва рѣшались понять, теперь про
думываются до конца.

Конечно, многія изъ возникшихъ стремленій бы
ваютъ задавлены, убиты наступающей вслѣдъ з
тѣмъ реакціей. Но чѣмъ позже возникаетъ она
тѣмъ бо́льшая, конечно, часть идей останется в
живыхъ и окажетъ свое плодотворное вліяніе. По
этому въ общемъ не тѣ революціи обѣщаютъ силь
нѣйшее и продолжительнѣйшее вліяніе, которы
прямо поднимаются на крайнюю, возможную дл
даннаго момента высоту, а тѣ, которыя сначал
пройдутъ всѣ стадіи развитія. Революція 1789 г
во всѣхъ отношеніяхъ была гораздо плодовитѣе
чѣмъ 1848 г.

Но можно ли заранѣе узнать и оцѣнить, како
моментъ развитія революціи будетъ наивозможн
высокимъ при данныхъ условіяхъ? Если матеріа
листическое пониманіе исторіи, иначе называемо
марксистскимъ историческимъ ученіемъ, дѣйстви
тельно является эволюціонно-органическимъ пони
маніемъ исторіи и можетъ вообще имѣть значені
то здѣсь именно оно должно послужить, какъ сред
ство для предсказанія. Если политическія, правовы
и другія отношенія зависятъ отъ производственных
отношеній, обусловленныхъ природой средствъ
способовъ производства, то изъ анализа послѣд
нихъ мы должны умѣть распознать, много ли жизн
способнаго можетъ создать предстоящая революці
Вѣдь если революція есть ускоренный процесс
развитія, то вовсе еще не значитъ, что она ест

уничтоженіе законовъ развитія. Механическія измѣненія, стоящія не въ связи, а даже въ противорѣчіи съ органическимъ устройствомъ общественныхъ тѣлъ, или тотчасъ же бываютъ отвергнуты, или вліяютъ разрушающе на самый организмъ, задерживая его развитіе. Въ такомъ случаѣ реакція можетъ иногда отодвинуть назадъ общество за тотъ пунктъ, котораго оно достигло до революціи.

Если революціи 1648, 1789 и 1848 гг. поспѣшили объявить неприкосновенность собственности, то это не было исключительно результатомъ буржуазной ограниченности или высшей степени культа собственности. Всѣ революціи были соединены съ бóльшимъ или меньшимъ захватомъ движимой собственности. Во всѣхъ тогдашнихъ прокламаціяхъ, объявленіяхъ о правахъ человѣка, учрежденіяхъ конституцій проскальзывало пониманіе, что при данной степени развитія хозяйства неприкосновенность опредѣленнаго рода собственности была необходимымъ условіемъ для плодотворнаго продолженія хозяйства. Исторія восточныхъ народовъ показываетъ намъ, какъ сильно мѣшаетъ развитію необезпеченность собственности. И въ европейскихъ революціяхъ были эпохи, когда была, или просто казалась въ опасности, сплошь всякая собственность, а не только опредѣленнаго вида; были эпохи застоя дѣлъ и вмѣстѣ связанной съ нимъ нужды, которая способствовала наступленію реакціи. Можно сравнить расцвѣтъ дѣлъ въ первые годы послѣ 1789 г. съ застоемъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ послѣ февральской революціи 1848 г.

Раздѣленіе классовъ современной Россіи и природа ея производства заставляютъ признать за безнадежную утопію всякую мысль о сплошь соціалистическомъ характерѣ предстоящей ей революціи. И ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не надѣется на это.

Въ главныхъ чертахъ революція можетъ быть только буржуазно-либерально-демократической. Хотя рабочіе еще могутъ по временамъ играть значительную роль въ городахъ, однако все же въ эту революцію они не могутъ стать господствующимъ классомъ въ странѣ,—даже и съ помощью крестьянъ, которыхъ, какъ цѣлое, должно разсматривать, какъ въ высшей степени ненадежный политическій факторъ. Конечно, съ одной стороны, неправильно крестьянъ, какъ невѣжественный народъ, уже a priori считать за реакціонный факторъ, за силу, могущую служить для всякихъ цѣлей контръ-революціоннымъ элементамъ, какъ орудіе противъ революціи. Но, съ другой стороны, справедливо ссылались на то, что попытка пользоваться крестьяниномъ, какъ слѣпымъ орудіемъ, могла бы привести къ очень худому результату сегодняшнихъ повелителей и ихъ опору (если только революціонныя партіи хотя сколько-нибудь понимаютъ свое дѣло). Возстанія послѣднихъ дней достаточно вновь подтвердили это. Во всѣхъ революціяхъ королевскія земли, имѣнія клира и высшей знати были первыми предметами желаній крестьянъ. Но вездѣ, гдѣ крестьяне приходили съ такимъ взглядомъ къ дереву революціи, они снова отпадали отъ него, какъ піявки отъ тѣла паціента. Крестьянство нигдѣ не было долго политически-

надежнымъ. Во всякомъ случаѣ хорошо дѣлаютъ, не считаясь съ русскимъ крестьяниномъ, какъ съ единицей. Разбросанный по необъятно-обширной территоріи, живущій въ очень различныхъ условіяхъ, въ одномъ мѣстѣ обставленный сравнительно благопріятно, въ другомъ терпящій горькую нужду,—русскій крестьянинъ и какъ политическій факторъ будетъ поступать очень различно. Россія увидитъ, вѣроятно, въ довольно значительномъ числѣ губерній крестьянъ, идущихъ, какъ оппозиція, рука объ руку съ революціонерами, но у нея будетъ также непремѣнно и своя Вандея. Такъ какъ крестьяне круглымъ счетомъ составляютъ $^4/_5$ всего населенія, то грядущій русскій парламентаризмъ долго можетъ представлять изъ себя раболѣпство передъ крестьянами.

Далѣе, на исходъ всякой революціи оказываютъ очень большое вліяніе внѣшнія отношенія страны, ея иностранная политика, а въ нѣкоторыхъ еще внутренніе національные вопросы. Такъ, англійскую революцію нельзя понять, если не обратить вниманія на то, что ея начало приходится на время 30-тилѣтней войны, когда на материкѣ шла на жизнь и смерть борьба за дѣло протестантизма. Карлъ I постоянно не обращалъ на это вниманія, что немало способствовало потерѣ имъ популярности въ широкихъ кругахъ англійскаго народа; а его бракъ съ сестрой Людовика XIII былъ для него, вѣроятно, не менѣе роковымъ, чѣмъ для Людовика XVI его женитьба на Маріи-Антуанеттѣ Австрійской. Но еще сильнѣе подверглись опасности дѣла Карла I благодаря его интригамъ съ ирландцами-католиками. Во второмъ году рево-

люціи стало извѣстно, что Карлъ при помощи сдѣлки съ ирландцами старается получить возможность вести ирландскія войска противъ протестантовъ-шотландцевъ; тогда и наступилъ рѣшительный поворотъ въ соотношеніи военныхъ силъ короля и парламента. Офицеры одинъ за другимъ бросали ему къ ногамъ жалованныя грамоты; даже бо̀льшая часть лордовъ, послѣдовавшихъ за нимъ въ Оксфордъ, гдѣ была королевская квартира, покидали ее и возвращались въ Лондонъ, чтобы дѣлать общее дѣло съ парламентомъ; защитники короля навсегда оставили въ парламентѣ свою оппозицію. Наоборотъ, впослѣдствіи Кромвель достигъ поста высшаго вождя республики, какъ только одержалъ свою большую побѣду надъ ирландцами и низвергъ ихъ. Онъ и индепенденты превратились изъ самой меньшей по численности парламентской группы въ могущественнѣйшую политическую партію страны, потому что ихъ политика всего лучше отвѣчала идейнымъ и матеріальнымъ запросамъ націи. Не менѣе рѣшительно повліяла внѣшняя политика и во французской революціи. Жоресъ въ „Histoire socialiste“ очень ясно и убѣдительно показалъ, что жирондисты съ Бриссо во главѣ въ 1791—1792 гг. вели крайне демагогично и вмѣстѣ съ тѣмъ роковымъ для двора образомъ внѣшнюю политику противъ него и сдѣлали неизбѣжной войну съ Австріей, которая затѣмъ, реагируя, и рѣшила судьбу Людовика XVI и его жены. Безъ этой войны, которой Австрія сначала вовсе не хотѣла, дѣло не дошло бы тогда до штурма Тюльери и до послѣдовавшаго затѣмъ провозглашенія республики. Позже

была устроена Питтомъ коалиція державъ, бросившая внутреннія политическія партіи Франціи на совсѣмъ новый путь. Для нѣмецкой революціи 1848 г. національный вопросъ былъ болѣе роковымъ, нежели соціальный. Нѣмецкая революція потерпѣла крушеніе не отъ ничтожнаго шевелившагося тогда въ Германіи рабочаго движенія— оно шло въ высшей степени спокойно и умѣренно; но она разбилась о частные интересы отдѣльныхъ большихъ государствъ и о проблемы ихъ ненѣмецкихъ составныхъ частей и внѣнѣмецкихъ отношеній.

Какую роль сыграютъ національный вопросъ и внѣшняя политика въ русской революціи?

Хотя Россія представляетъ единое государство, однако въ національномъ отношеніи она имѣетъ такъ же мало государственнаго единства, какъ и Германія во время ея революціи. Россія является государствомъ, собраннымъ съ помощью завоеваній и договоровъ; населеніе ея очень сильно различается по расѣ и языку, и большія группы его стремятся и страстно желаютъ политической самостоятельности, какъ основной своей цѣли. Можно съ увѣренностью допустить, что эти желанія и стремленія выиграютъ много въ силѣ во время революціи и энергично выйдутъ наружу. Поскольку дѣло идетъ о племенахъ, не занимающихъ опредѣленныхъ областей, то объявленіе всеобщаго политическаго равноправія устранило бы здѣсь, вѣроятно, много препятствій, хотя формальное равенство также оставитъ для многихъ относящихся сюда народностей нерѣшенными еще многія задачи. Иначе обстоитъ дѣло съ тѣми

національностями и племенами, которыя живутъ въ видѣ отдѣльныхъ массъ въ опредѣленныхъ областяхъ и были раньше свободными государствами или находились подъ другимъ управленіемъ; таковы — поляки, малороссы, литовцы, латыши и финны. Они, вѣроятно, не удовлетворятся гражданскимъ равноправіемъ, а представятъ идущія дальше требованія политической автономіи. Въ этомъ вопросѣ заключается много матеріала для споровъ, но, конечно, не для для соціалъ-демократіи, начертавшей на своемъ знамени: „Самоопредѣленіе національностей“, а только для несоціалъ-демократическихъ партій. Кстати, относящіяся сюда области лежатъ на периферіи государства: это обстоятельство очень облегчило бы расчлененіе. Но нѣкоторыя изъ нихъ отдѣляютъ государство отъ выхода къ значительному морю или морскому заливу; поэтому буржуазно-капиталистическая Россія не захочетъ отъ нихъ отказаться.

Въ виду этого мы можемъ считать за очень счастливое обстоятельство, что революція началась какъ добавленіе къ внезапно разразившейся русско-японской войнѣ, навлеченной государственной политикой. Благодаря безумному ослѣпленію или глупости высшаго правительства эта война имѣетъ то же значеніе, какъ франко-прусская война 1870 г. для второй французской имперіи. Что̀ касается русскаго народа, то его не затронетъ оказавшее услугу милитаризму и шовинизму сантиментальное послѣдствіе, которое повлекла за собой для Франціи потеря Эльзасъ-Лотарингіи. Что̀ русскому народу Корея и владычество въ Манчжуріи?!

У него не можетъ развиться сильное желаніе реванша, такъ какъ эти позиціи не имѣютъ для него цѣнности.

Русская революція свободно найдетъ средства для демократически-мирной внѣшней политики. Никакіе важные, спорные вопросы не заставляютъ ее отвлекать внѣшней борьбой свои силы отъ задачъ развитія родины. Она не опасается нападеній ни съ востока, ни съ запада на эту свою область труда. Конечно, могутъ найтись по сю сторону границы люди, которые въ данномъ случаѣ почувствуютъ склонность какимъ-нибудь способомъ оказать ей насильственное сопротивленіе. Однако можно съ увѣренностью сказать, что европейская демократія, а прежде всего нѣмецкая соціалъ-демократія сознаетъ свою обязанность, которая выпадетъ ей въ случаѣ попытки такого вмѣшательства, и покажетъ тогда себя на высотѣ этой задачи. Она уже заявила себя однимъ только своимъ существованіемъ, какъ дѣятельный факторъ мира; еще больше пріобрѣтетъ она значенія для своихъ потенціальныхъ силъ, если займется тѣмъ, чтобъ обезпечить русскому движенію свободное развитіе; а благодаря послѣднему, кромѣ спеціально касающихся Россіи задачъ, разрѣшится или будетъ выдвинутъ для разрѣшенія еще цѣлый рядъ вопросовъ, отъ которыхъ, напр. отъ польскаго вопроса, болѣетъ и наша политическая жизнь. Однако объ этомъ важномъ дѣлѣ скажемъ въ другой разъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Д. Перрисъ. Піонеры русской революціи.
I. Пропагандисты, 1870—74. Воспоминанія Николая Чайковскаго 1
II. Репрессіи. Воспоминанія Елизаветы Ковальской . . . 29
III. Феликсъ Волховскій 55
IV. Степнякъ и терроризмъ 70
V. Молодое поколѣніе. Д-ръ Соскисъ, Маркъ Бройдо . . 95
VI. Начало рабочаго движенія. Священникъ Гапонъ . . . 135

К. Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи 153
I. Античная и христіанская этика 155
II. Этика эпохи просвѣщенія 172

Э. Бернштейнъ. Культъ Маркса и ревизіонизмъ 189

А. Гессъ. Соціальная революція и экспропріація 251

Н. Малишевскій. Роль соціалъ-демократіи въ русскомъ освободительномъ движеніи 273

Ж. Жоресъ. Соціализмъ и всеобщая забастовка 301

Э. Бернштейнъ. Революціи и Россія 309

Печатается и въ непродолжительномъ времени поступитъ въ продажу

„ВТОРОЙ СБОРНИКЪ“.

ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ СОДЕРЖАНІЕ ЕГО:

К. Каутскій. Этика и матеріалистическое пониманіе исторіи. (Главы III, IV и V.)
Г. Плехановъ. Анархизмъ и соціализмъ.
Е. Семеновъ. Русская революція. (Съ портретами.)
Э. Ферри. Соціализмъ и позитивная наука.
Э. Фурньеръ. Фурье и Прудонъ.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Pervyi sbornik.
947.08 P471
D90441789%